

КИТРА

147/2:
Избранная

Неучтённые миры

Без воли богов все легко и просто Избранным не дается. И ладно, если недавний спаситель из-под носа уводит артефакт, который способен помочь отыскать истинную любовь. А всякие недодемоны ночами достают. Так еще давний Враг с верного пути пытается сбить! Порталы сбоят, магия сходит с ума, пропадают важные лица злобной Империи, и разбираться со всем — тебе!

ПРОЛОГ

Я ела шоколад.

Над горизонтом расплзались дымчатые кольца облаков. Огненные языки пламени ослепляли небо губительными всполохами. Пылающий шар радостно пульсировал новогодней гирляндой.

Я стояла на холмике и жевала плитку горького шоколада.

Ядерный гриб затмевал чернильное небо апокалиптического мира.

Я вытянула вперед руку и оттопырила большой палец. Тот прикрыл столб пламени и «шляпку» гриба.

«Ну нафиг такие меры измерения», — подумала я, и, вместо того, чтобы броситься в укрытие, открыла портал.

— Магия, драконы, инквизиторы — пожалуйста. А сдохнуть от радиации я не подписывалась.

— Как прошла спасательная миссия? — поинтересовался Лёша.

Я крутанулась на месте. Юбка взметнулась солнышком. Защитный плащ исчез после перехода из обычного мира в стерильный, сменившись строгой коричневой формой. Глухой ворот и кофейного цвета передничек прилагались. Подол до самых щиколоток. Рукава скрывают запястья. Классическая Избранная тренировочно-учебного Центра.

— Есть все шансы, что я схлопотала лучевую болезнь.

Я выставила ладони, выискивая на коже первые признаки заражения. Например, свечение костей изнутри или забугрившуюся кожу.

Вопрос радиации — это не то, что приходит первым на ум, когда речь заходит о фэнтези-мире. И даже не второй. Еще ни одна из попаданок не говорила: «Ой, а у вас есть эльфы? Здорово! А какой запас урана в вашем королевстве и сколько ядерных боеголовок стоит на вооружении? Можно ознакомиться с планом эвакуации при угрозе атомного взрыва?». Не-а. Всех интересуют неженатые принцы, сроки зачисления в магические академии и местные политические интриги. Кому какое дело до радиации?

— Невозможно, — не купился Лёша на мое нытье. — Ты защищена от подобного вида заражений. Разве Клод не объяснял систему местного мироустройства в первый день? Или после, когда ты в очередной раз испугалась, что заболела чумой, малярией и магическим коклюшем?

Прохлада пещеры холодила кожу. По сравнению с апокалиптическим миром воздух здесь казался свежим и приятным. Никаких загрязнений окружающей среды, озоновых дыр и глобального потепления. Не зря мир Центра называли стерильным миром.

— Все признаки были налицо!

— Не было ни единого симптома.

— Так и начинаются все болезни! — Продолжила капризничать я, не желая раскрывать настоящую причину дурного настроения. — Они все начинаются с того, что симптомов нет.

Парень закатил глаза.

Конечно, Лёша не видел смысла в переживаниях. Он же бог! Один из забытых, мелких и малозначительных, но все же бог. Когда это ему подобные беспокоились о переживаниях обычных смертных?

Ах, да. Позвольте представиться. Я — Избранная. Для друзей, врагов, знакомых и богов просто Дробь. Девушка из закрытого мира, что когда-то была похищена для исполнения великой миссии.

В день первый день в Центре мне сообщили, что я совершенно бездарно проживала свою жизнь и в скором времени закончила бы ее очень плачевно. Потом помахали пряником перед носом, предложив великую исполнить миссию вроде спасения мира, а взамен пообещали солидные бонусы. Звучало неплохо. Правда идиллию избранности, особенности и осознания собственной важности разбил тот факт, что помимо великолепной и неповторимой меня, с Земли вытащили еще сто сорок семь Избранных. Зачем тратить время на обучение одной бестолковой девчонки, если можно притащить целую толпу?

— Что-то случилось? — насторожился Лёша, стряхивая с пшеничной шевелюры блески. — Что-то в том мире пошло не так?

— Ядерный гриб — это как по-твоему, все по плану или нет? И он там не первый, а черт знает какой по счету. Тебе приходилось когда-нибудь шататься в бальном платье по апокалиптическому лесу? Первые пару дней местные мутанты от меня шарахались, считая, что я новый вид мутации. Пристрелить хотели! Мол, заразная. А знаешь, насколько ценны прихваченные мной для обмена рубины там, где вымерло почти все живое? Ни на сколько, Лёша! Ни на грамм!

Я плюхнулась на землю.

— Вы обещали мне богатство, известность, приключения, — начала перечислять я, загибая пальцы, — верных друзей и красивого, умного, веселого, обеспеченного, полностью влюбленного в меня и мечтающего исполнять каждое мое желание, титулованного, доброго, любящего животных, — пальцев перестало хватать, и я разогнула их обратно, решив посчитать возлюбленного за одно обещание, — верного, магически не обделенного мужчину. А, и еще чтоб драгоценности мне дарил, и мама его меня любила, но жила на другом конце света. И уважал меня как личность. Считался с моим мнением. Ценил мой ум.

Лёша поправил одеяльце на корзиночке с глянцевыми коконами, после чего ответил:

— Тебе обещали найти истинную любовь, а не то, что ты сказала.

— Да это почти одно и то же.

— До Центра ты была согласна на простого милого кого-угодно, лишь бы не пил.

— Ну так раньше я была никем, а теперь я профессиональная Избранная. Моя планка поднялась.

— Да что с тобой в последнее время? — подивился Лёша.

Я отмахнулась.

Не объяснять же, что в пугающем апокалиптическом мире, я наткнулась на маленький заброшенный бункер. Среди истлевших бумаг, изъеденных коррозией труб и разбросанного мусора, как священный Грааль на алтаре, лежал старенький календарь, открытый на втором осеннем месяце. Красные линии перечеркивали первые две недели. Остальные цифры

стояли нетронутыми, в молчаливом укоряющем порядке.

Мне хватило пары минут, чтобы мысленно сосчитать дни, проведенные за пределами Центра, и ужаснуться грядущей истине.

ЧАСТЬ I

— 1 —

— Мне тридцать, — загробным голосом произнесла я.

— Когда мне исполнился первый миллион лет, я сбился со счета, — пробасила яма.

Он же Атрос. Он же главный бог Центра. Благодаря ему стерильный мир функционировал, присутствовала атмосфера, гравитация и воздух. За пределами пещеры, где существовал Атрос в виде бездонной ямы, распласталась бескрайняя зеленая поляна и гряды величественных гор. А вот солнца и облаков не было. На смену дня и ночи бог тоже поспешил. Каким образом в Центре всегда было светло и, подчиняясь каким физическим законам отбрасывались тени, я до сих пор ответа не нашла.

— Мне не совсем тридцать, но скоро, дня через два, будет именно столько.

— Мой ответ остался неизменным. — Кристаллы, украшающие стены ямы, замерцали нежным белым светом. — Этот разговор как-то связан с твоими новыми страхами?

— Лёша уже наябедничал? В свою защиту могу сказать, что эти страхи совсем не небезосновательны.

Я собиралась разразиться длительным монологом о всевозможных способах гибели Избранных, что были до меня, но Атрос меня прервал.

— Как я упоминал ранее, я очень-очень старый, если не сказать, древний бог. Я настолько стар, что не осталось тех, кто помнит мое человеческое обличие.

С тех пор, как я исполнила свое Предназначение и перезагрузила мир Центра, я отправилась помогать другим Избранным своего потока, в чьи судьбы вмешался Враг в лице Золотой Империи. Это оказалось совсем не так весело, как звучало на словах. Во-первых, потому что никто из коллег не помнил о событиях в Центре, а значит, и меня. Во-вторых, постоянно приходилось прятаться от потенциальных агентов Империи.

— Я устала, — заканючила я. — Мне нужен отпуск. Я хочу нормальной еды.

— Меня ожидает длительная подготовка к новой партии Избранных. — Будто бы в укор ответила яма. — Переходи к делу.

— В мире Блонди я почти лицом к лицу встретила с Аматри. Он едва меня не узнал! В мире Евы мне пришлось сражаться с оборотнями! А мир, из которого я вернулась сегодня? В сценариях Предназначения нет ни строчки про Конец Света. Меня к такому Клод не готовил! Я даже не поняла, на какой стадии уничтожения мир. Он таким уже был? Как его спасти-то? И откуда там ядерный гриб? В мирах-фэнтези такое нормально?

— Дробь, я всезнающий бог одно мира, а не всех.

Кажется я начала немного раздражать всемилостивую и всепрощающую яму.

— И что это должно значить?

— Я знаю, что пришла ты задать совсем другой вопрос. — Атрос выплюнул в меня горстку искр. — Скоро начнется церемония жеребьевки. У тебя ровно минута.

— Ладно, — сдалась я, застигнутая врасплох. — Мне нужен мир Избранной тридцать два.

— Клавдия Захарченко? — уточнил Атрос. Я кивнула. — Она справляется совсем неплохо. Видимо ее мир попал в ту часть зеркал, что ты разбила. У тебя есть основания

полагать, что до нее добрался Враг?

— Нет, дело не в нем.

В нем, но совсем чуть-чуть.

— Не думаю, что моя помощь требуется Избранной тридцать два, — замялась я, покрываясь густым румянцем. Почему так трудно признаться в собственных потребностях и желаниях? Почему я считаю себя недостойно хотеть чего-то для себя, если это заодно не поможет спасти целый мир? — В ее мире существует камень. Особый подарок, оставленный одной из ушедших богинь. По приданию, он может свести человека с его судьбой. Как бы далеко двое друг от друга не находились, сколько бы миров их не разделяло, камень соединит родственные души вместе. Отыщет истинную любовь.

Мне двадцать девять, а я это те заветные цифры, которые обрушиваются на тебя жутким осознание реальности. Мол, скоро четвертый десяток, а у тебя нет мужа, нет детей, нет квартиры, нет хорошо оплачиваемой работы. Все. Точка. Здравствуй, депрессия. Тут кто-то может заметить, что я спасаю миры, а это гораздо важнее тридцати квадратов жилплощади в центре или штампа в паспорте. Технически — да, а вот фактически... Когда всю жизнь провел под гнетом социального давления, так просто психику не изменишь.

Я в положении худшем, чем была год назад. Там хоть работа была средненькая. Знаете, сколько платят за Избранность? Нисколько. А если бы и платили, то в Центр деньги не протащишь, а в иных мирах виллами не обзаведешься. Еще я живу в каморке за тренировочным зеркалом. Опять же, собственность на меня не оформлена. Считай, на птичьих правах. На Земле я жила с родителями, что по какой-то причине не показатель успешной личности (але, вы давно пробовали вести быт с матерью, при этом оставаться с ней в хороших отношениях? Это уровень буддийских монахов, между прочим!), так что по этому пункту один-один.

Выяснив, что до заветной даты осталось всего-ничего, я, как истинный студент в душе, рванула быстрее исполнять хоть что-нибудь из заветного списка «что надо успеть к тридцати». Знаете, что побеждает все пункты, и автоматически повышает статус в собственных глазах?

Истинная любовь!

Атрос громко вздохнул.

Это выразилось в холодном дуновении ветра, поднявшемся из глубины ямы.

— Ты против? — насторожилась я.

— Если это твой выбор, разве могу я ему препятствовать?

— Очень даже можешь.

Я не умела создавать порталы. Это очень сложная магия, включающая в себя кучу математических вычислений. Для того чтобы кастовать проходы в другие миры нужно иметь дар, приличный уровень силы и десяток лет обучения в какой-нибудь магической академии. Из всего перечисленного у меня имелся лишь первый пункт. И то, с натяжкой.

Благодаря случайному стечению обстоятельств (что в отношении Избранной зовется волей богов), я получила магию, которая является основой в мире Врага. Но, поскольку меня не учили ею пользоваться (наш великий и неповторимый преподаватель Лёша, умеющий находить общий язык с любой магией, беспомощно разводил руками), приходилось все делать интуитивно. А интуиция — не моя стихия.

Я научилась открывать уже существующие порталы и закрывать их. Понимала язык жителей тех миров, в которые попадала. Не имела проблем с чужеродными инфекциями. То

есть, это не значило, что любая болезнь обойдет меня стороной. Просто я приобретала стандартный иммунитет среднестатистического обитателя мира, в который перемещалась. На этом плюшки заканчивались. Пожалуй, в Лэйтирии меня могли научить всем аспектам божественного дара, но зачем лишний раз напоминать злобной жестокой и рабовладельческой Империи о своем существовании?

— Любовь — это то чувство, ради которого стоит идти на риск, — прогрохотал Атрос. — Но, ты не совсем честна с собой и своими желаниями.

Я насторожилась. О чем это он?

В голове возник образ мужчины в черном, но я поспешила от него отмахнуться.

— Так ты поможешь?

— Своему первому неопиту за очень долгое время? Отчего же нет?

Сменившийся цвет кристаллов подсказал, что это яма-бог так шутит.

— Ха-ха. Очень смешно, — буркнула я, скрывая легкое смущение. — Ты мне, конечно, нравишься, но не до такой степени, чтобы тебе поклоняться или вешать твою фотку на зеркало машины.

— Вот и исполняй ее желания после этого, — притворно обиделась яма.

Стены пещеры задрожали, и из каменного плато выросло зеркало в полный рост. Бог стерильного мир мог менять реальность по своему усмотрению.

— Передавай привет железяке! — махнула я рукой.

— Клод взбесится, что ты отправилась в новый мир, не разобравшись с предыдущим. Он ненавидит, когда бросают что-то на полпути.

— Когда буду готова воевать с ядерными грибами и мутантами с дробовиками, вернусь обратно. А пока у меня из оружия только перочинный ножик и идеально ровные зубы — уж извините, в пекло не сунусь.

Атрос ничего не ответил, и я вошла в зеркало-портал.

Межпространственная мембрана привычно окутала меня серебристой пленкой. Свет закрутился вокруг цветными волнами. Я прикрыла глаза.

Один день на собственные нужды. Каждый имеет право на выходной. Толку с меня, как от Избранной, если я грустная, расстроенная и перегорающая? Спасение миров — благородное занятие, если делов на один раз или ты странствующий монах. Если же ты одинокая, почти тридцатилетняя незамужняя-неразведенная-неовдовевшая-бездетная-бездомная-безработная-среднестатистическая девушка с Земли, дела обстоят иначе.

По коже пробежала рябь. Портал схлопывался.

Приготовиться.

Привычные всполохи магии поползли по коже. Одежда замерцала магическими искрами, изменяя ее. Стерильный мир буквально очищал меня от примесей пройденных миров. Все хорошо. Никаких следов радиации из предыдущего мира я за собой не притащила. Только привычный страх с налетом паранойи.

Оп-па!

— Ой! — Приземлилась я на каменную брусчатку, кое-как устояв на ногах.

Голова немного кружилась. Мой дар боролся с забвением, накатывающим на каждую Избранную, покидающую Центр подобным образом.

Когда тошнота прошла, а звездочки перестали мельтешить перед глазами, я оглядела местность нового мира и холодно резюмировала:

— Это какая-то подстава.

Существуют стандартные правила перемещения между мирами с помощью магии смертных.

Первое. Открыть можно только тот портал, который уже существует. То есть, порталы я не создаю. Не тот уровень.

Второе. Нужно подстраиваться под рамки и законы нового мира. Если этого не делать, то мир очень расстроится и сотворит с тобой нечто ужасное. Или еще хуже, в принудительном порядке заставит соблюдать магические законы. С этим правилом Избранные обычно хорошо справляются, потому что действуют интуитивно (благодаря работе в Центре) и легко вписываются в обозначенные рамки.

Третье. Вытекает из второго. Недопустимость чужеродности. Если мир, к примеру, не предусматривает некромантии, то и не тащи ее туда. А коли притащил, будь добр, держать ее при себе.

А есть правило неписанное. Оно одно, но важнее всех прочих. Выжимка из личного опыта путешествий.

Если коротко, то звучит оно так: чудес не бывает.

Если вам предлагают бесплатное обучение в школе магии за ваши красивые глаза, или молодой человек с сияющей улыбкой, прекрасно-карамельно-страстным взглядом и фигурой стриптизера вырастает на вашем пути, посылайте этих всех благодетелей в баню. Собирайте манатки и валите в другой город. Потому что вас определенно пытаются завербовать на какое-то пророчество или великую миссию. Если же вас специально призывали из другого мира — все отрицайте. Косите под сумасшедшую амнезийную прокаженную простушку.

Есть портал перенес вас именно туда, куда вам надо, значит это ловушка.

Я пришла за артефактом. Я готова была вложить максимум стараний и сил, чтобы в ближайшие двадцать четыре часа пройти весь предложенный набор испытаний и достигнуть цели. А что вместо этого?

Камень-артефакт стоит в двух десятках метрах от меня. Полминуты, если идти шагом. Секунд десять, если побежать в моем апокалиптическом обмундировании.

— Да быть того не может.

Портал открылся посреди парка с огромными деревьями. Среди изумрудных крон проклевывались золотистые вкрапления осени, едва-различимые на фоне темнеющего неба. Ветер шелестел листвой. Ажурный мостик вел через декоративный пруд, усыпанный по краям бортика кустами ярких цветов. Камни-фонари освещали убегающую вдаль тропинку.

Время суток: ночь.

Была и вторая часть парка. Та, что передо мной. И отгораживал ее высоченный кованый забор с вензелями. От приоткрытых створок ворот вдаль уходила аллея. Заканчивалась она садовой аркой. Несмотря на прохладную погоду и глубокую ночь, алые бутоны роз, лилий, тюльпанов и неизвестных мелких цветов, украшали ее изгибы. За аркой на невысоком постаменте лежал камень. Совершенно обычный серый камень, размером с футбольный мяч. И ничего интересного бы в нем не нашел случайный прохожий, если бы свет полной луны, словно театральный прожектор, не падал на него с бескрайних небес.

Вот он — священный камень мира Клавдии. Всего-то десяток метров по белокаменной дорожке. Одно прикосновение, и моя истинная пара окажется рядом со мной в этом парке. Вот она — мечта на блюдце с золотой каемочкой и защитной пленочкой. Заходи и бери. Не

надо шататься в по подворотням, ища местный ломбард, чтобы сдать побрякушки и обзавестись нормальной одеждой. Не надо исполнять последнее желание умирающей ведьмы. Не надо читать стишок, стоя на табуретке.

— Ни капли не подозрительно, — хмыкнула я, пятясь подальше от узорчатых ворот.

Я пошла в обход.

Забор уходил по дуге. Под ногами хлюпали лужи от недавно прошедшего дождя. Ветер охлаждал кожу. Костюм, прихваченный из предыдущего мира, совсем не грел. В его задачу входила защита от радиоактивного дождя, а не обеспечение комфорта.

Прошло не меньше часа, прежде чем круг замкнулся, и я вновь оказалась там, откуда пришла. Приоткрытые ворота и загадочная аллея, укутанная призрачным светом луны и мерцающими камнями, стояли на том же месте.

— В магических мирах ничего хорошего ночью не происходит, — напомнила себе я.

Волшебный камень манил невидимой силой. Даже находясь от него на таком расстоянии, я чувствовала божественную мощь. Он мог исполнить мое заветное желание. Мог дать то, о чем я мечтала. Что я заслужила по праву.

Я должна подойти к нему. Чего бояться? Я — Избранная. Во мне живет магия. Чтс такого может случиться? Ладно, я помню, дофига плохого может случиться. Но есть ли что-то, с чем я не справлюсь?

Есть.

Опять же, много чего.

Я почти развернулась спиной к воротам, когда меня окликнул чей-то голос.

— Могу я вам чем-то помочь, элая?

Ко мне обращался старичок в опрятной военной форме. Он появился будто из ниоткуда. Вырос между стволов деревьев и вышел на тропинку с той стороны забора. Цепочка медалей на мундире поблескивала в мистической игре света зачарованных камней. Лицо незнакомца казалось приветливым, составляя контраст между строгой выправкой и добрыми умными глазами.

— Здравствуйте, ээ... элл?.. — невнятно пробормотала я. Если и было что-то, что я ненавидела в других мирах больше, чем присутствие приспешников Золотой оси, так это разнообразные обращения. Меня от них порядком потряхивало после мира Врага и тамошней прислуги — лэй, являющихся синонимом слову «раб». — Спасибо, я пока только смотрю.

— Поздновато для студенческого посвящения первокурсников.

Я ощутила прилив самодовольства. Он решил, что я первокурсница.

Льстивый комплемент подтолкнул приблизиться к воротам. Отсвет, шедший от светильников-камней, коснулся моих ног. Старичок прищурился, пройдясь цепким взглядом по моему наряду.

— Элая неместная?

— Первый день в городе. — Не стала врать

— И сразу в Таинственный сад?

— Очень хотелось узнать, правду ли о нем говорят, — уклончиво, но правдиво.

— О том, что Таинственный сад может исполнить любое желание, если проситель заплатит соответствующую цену?

Цена. Кто бы сомневался.

Я кивнула.

— Истинная правда, элая.

Я похлопала по карманам. С собой был перочинный нож, пакетик с солью, активированный уголь, спички и мешочек с драгоценностями. Надеюсь камень принимает краденные рубины.

— Кто определяет, что цена соответствующая? Что будет, если я не смогу заплатить столько сколько требуется? Можно ознакомиться с правилами?

Вдруг в этом мире очень плохой курс рубинов? Всякое бывает.

— Как много вопросов, — покачал головой старик. — Выбери тот из священных даров богини, что удовлетворит желание и ответ придет сам.

Звучало также расплывчато, как формулировка договора на рассрочку за мой телефон, которым я не успела насладиться.

Заметив мою заминку, старожил сада поспешил помочь:

— Студенты приходят в сад ради того, чтобы попасть в братство или сестричество «золотой молодежи». Обычные люди — за богатством. Ради чего вы здесь, элая?

Перед глазами маячил камень и призрачная фигура моего будущего возлюбленного.

— Любовь, — ответила я, ощущая липкие пальцы страха на плечах.

— Какое совпадение! Эти ворота ведут как раз к тому камню, что дарует встречу с тем, кто предназначен судьбой. Элая из благородных?

— Не совсем. — Заметив потухающий интерес в глазах военного, я быстро исправилась. — Я — маг. Волшебница.

На благодушном лице померещилась скептическая усмешка.

— Ладно, не совсем маг, но дар есть.

Служивый почесал подбородок.

— Дар — это хорошо.

— Не то слово, — согласилась я, все еще не решаясь ступить на светящуюся дорожку.

За спиной зашуршали кусты. Я нервно обернулась, вглядываясь в черноту сада. Опавшие листья скребли брусчатку, скользя по сумрачным дорожкам, теряющимся в густом золоте безмятежных кленов.

Когда я вновь вспомнила про старичка, он уже ковылял в сторону волшебного камня. Я поспешила за ним.

— Он соединит меня с истинной любовью или укажет на нее? — решила еще на одно уточнение.

Мы остановились у арки.

— Предания утверждают, что дух богини заглянет в сердце просителя и призовет того, о ком тоскует душа.

— Не нужно мне того, о ком тоскует душа, — запротестовала я. — Вполне сойдет абсолютно незнакомый человек. К чему тревожить тех, кого знаю?

— Это образное выражение, элая. Да не волнуйтесь вы так. Богиня, оставившая людям этот дар, знала толк в любви и истинных желаниях. Поверьте тому, кто живет очень давно и вдоволь навидался страждущих любви сердец.

Слова пожилого военного вызывали доверие и пробуждали азарт.

Подрагивающими пальцами я коснулась волшебного камня. На ощупь он оказался холодным и пористым, как замерзшая мочалка.

— Так и что теперь? — Я завертела головой, выискивая среди садовых красот блеск бриллиантового кольца, с которым ко мне подкрадывается потенциальный супруг.

Ничего. — Оно не работает. Почему не работает?

— Не переживайте вы так, элая. Это же священный обряд. Вы выполнили первую его часть, теперь нужно закончить остальные.

Я потеряла вспотевшие ладошки.

— Да, конечно.

— Обойдите камень четыре раза против часовой стрелки.

— Хорошо. — Метнулась я в круговую, путаясь в собственных ногах.

Раз. Два. Три. Четыре.

— Вновь положите руки на камень. Смелее.

Я положила.

— Теперь произнесите: «Вверяю себя».

Я повторила.

— Замечательно, элая. Осталась сущая мелочь. Передайте мне вашу душу.

— Ага, — пробормотала я, хлопая по карманам защитного костюма. — Погодите, что? Душу? Это еще одно образное выражение?

— Душу, — все с той же мягкостью а голосе подтвердил старичок. — Стандартная цена для неблагородных и бездарных девиц, алчущих знатного жениха.

— Простите, но эта душа меня последняя. Что там про нестандартные цены?

Лицо старика перекосило в судорогах. В одно мгновение челюсть потяжелела и вытянулась вперед. Лысая, обтянутая сморщенной кожей голова, оскалилась зубастой улыбкой. Глаза потемнели, сужаясь в щелочки. Одежда затрещала, взбухая на спине и руках буграми.

— Ну, что теперь с-с-скаж-жете, элая? — раздвоенный язык мелькнул между торчащими клыками.

Старик выростал в размерах. Из выгнувшейся в колесо спины, разрывая военный китель, вырвались изогнутые отростки. Темно-зеленые крылья распахнулись двумя звонкими лезвиями. Вместо доброго зрителя парка на меня смотрело жутковатое существо, срывающее остатки мундира когтистыми лапами.

— У вас вряд ли сердечный приступ? — на всякий случай уточнила я. Меня всегда пробивало на дешевый юмор, когда я не знала, как поддержать диалог.

Зловонное дыхание опалило кожу.

— Душа, — потребовало существо, перегнувшись через постамент.

— За что душа-то? Где моя истинная любовь? — продолжила недоумевать я, невзначай ныряя рукой в карман. — Дайте хоть глазком на нее посмотреть.

— Ты дотронулась до камня. Призвала божественную силу. — Когтистая лапа потянулась ко мне. — Контракт заключен. Тебе от него никуда не деться. Желание вступит в силу, как только будет уплачена цена. А уплачена она должна быть сейчас.

«Днем деньги, вечером стулья», — вспомнилась крылатая цитата.

— Ну уж нет, — выхватила я перочинный ножик. — Сначала покажите товар!

— 3 —

Мне никогда не приходилось встречать монстров. Таких, что с горящими глазами, огромными зубами, капающей из пасти слюны, налитыми кровью зрачками и шипами по всему телу.

Поэтому, когда существо перемахнуло через постамент, я все-таки завизжала.

Это вам не эльф с милыми ушками и не элегантный дракон-оборотень. Тут не до ужимок и стеснительных движений меча. Тут выхватываешь свое самое грозное оружие, попутно оглушая противника звуковым воспроизведением ноты соль третьей октавы.

Мой крик разнесся по всей аллее, вспугнув стайку дремавших птиц. Парковый привратник отреагировал иначе. Видоизменившийся старик взмахнул крылом, рассекая воздух. К счастью, перочинный ножик не подвел в самый ответственный момент. Острие крыла пришлось на основании лезвия.

Удар откинул меня назад.

Я повалилась наземь, врезаясь плечом в цветущую арку.

— Если убьёте меня, души вам точно не видать! — успела выкрикнуть, перекатываясь на бок.

Казалось бы, давно должна привыкнуть к разным вывертам магии и смело идти в бой на любую напасть. Но, нет. Каждый раз как в первый. Никаких послаблений.

«Пора рвать когти», — поняла я, натываясь взглядом на ворота сада. Что-то подсказывало, что за его пределы старик выйти не может.

— Как р-раз-зз наобор-рот, — лязгнул языком ночной сторож. — Если ты не хочешш-шь идти в услуж-жение к Великому визирю добровольно, то ему вполне с-сойдет компенс-сация в виде твоей туш-шки.

— Великий визирь? Это ты о себе что ли, жаба языкастая? — Я пригнулась. Каскад лезвий, вырвавшихся из крыла, пронесся надо мной, разрывая арку на фейерверк из щепок, листьев и цветов. — Некрасиво о себе в третьем лице. Не благородно.

— Сс-смелая, но глупай-а, — щелкнул двойным языком обманщик. — Но Великий визирь — это не я.

— Ой, как легче-то жить сразу стало, — делано восхитилась я. Желтая плащевка зацепилась за край разгромленной арки. Я дернула локтем, и здоровенный шмат ткани остался на земле, придавленный шипастым хвостом иномирного жителя. — Да что ты такое?!

— О, ты обо мне с-слышала. — Самодовольно произнес он. — Я — фомор.

Я не знала, что такое фомор. Мой новый знакомый больше напоминал здоровенную жабу с костяными пластинами на спине, как и динозавра, и подбитыми крыльями. Впрочем, я тоже мало походила на Избранную. Ни меча, ни приличного волшебства. Лёша — хранитель колыбели, отказался даровать мне еще один кокон с магией. Видите ли, моя золотая (толку с которой нет совсем!), неизвестным образом может повлиять на внедрение. Мол, только лэйтарцы умеют правильно к одному дару другой дар присоединять. Их магия древняя, настоявшаяся, а моя только-только вылупилась из яйца и может плохо отреагировать на подселенца. Да и не тянутся ко мне другие коконы, а слияние магии и человека идет от инициативы первого, а не последнего.

Гребанные предрассудки!

— Что такое фомор? Я вроде как не в курсе.

Меня не особо волновал ответ, но пока садовый фомор болтал, он отвлекался от валяния меня на земле и нанесения телесных повреждений. У меня появлялись какие-никакие секунды, чтобы придумать план побега или чтобы сработала магия Избранной.

— Ты никогда не слышала о фоморах? — От удивления элл Жаб забыл прошипеть согласные. Крылья замерли в воздухе, а в глазах потухла краснота. Позер! — Мы среднее звено в цепи исполнителей желаний. Тайнственные обитатели Пограничных земель. О нас

ходят легенды! Нами запугивают непослушных детей. Мы приходим в ночи, чтобы исполнить самые сокровенные людские мечты, но взамен забираем самое ценное, что у них есть. — Он важно скрести мощные лапы. — Ну?

— Вы типа наполовину демоны и наполовину джинны?

Лезвия крыла врезались в край дорожки, высекая солнечные искры. Взметнув оборванные лепестки цветов в воздух, я отпрянула обратно к камню.

Фомор стоял на краю ступеньки. Если запрыгнуть на пьедестал, потревожив проклятый камешек, и с ноги захватить в грудину, то элл Жаб равновесие не удержит. А там кувырком через него и деру к воротам.

— Ой, ну простите, что не сильна в мифологии пупырчатой живности! Уверена, вам люди тоже все на одно лицо.

— Мы приходим из Пограничных земель, — продолжал на что-то надеяться крылатый жаб. — Стражи Белокаменного дворца. Ну же, элая, о нем-то ты слышала.

— Ну, так... краем уха.

Фомор кланулся пастью. Кажется, я его расстроила.

— Такая невежда Визирю не нужна, — резюмировал он.

Опасный хвост стрелой метнулся слева, огибая постамент, но я уже была наверху. Волшебный камень внеземной любви опасно заболтался под ногами. Фомор надул зеленые щеки и с шипением выплюнул сгусток слизи. Я замахнулась ножиком, собираясь то ли разрубить, то ли отбить плевков, но тот врезался в лезвие, плавя металл подобно кислоте. Остатки слюны обожгли края плащевки, оставляя на ней черные пятна.

— Ах, ты ж! — метнула я в элл Жаба огрызок любимого ножа.

Рукоять отскочила от переносицы твари и улетела в кусты. Тут же хвост рубанул меня по ногам, скидывая на брусчатку. Группируясь, я откатилась к кустам жасмина.

Свет шаров-фонарей скрылся за пупырчатой тушей охранника. Пока он медленно приближался, я шарила по гладким каменным кирпичикам, ища что-нибудь, что даст мне еще пару секунд жизни. Когда стебель розы из разметанной в хлам арки впился в ладонь, я поняла, что пришло время крайних мер. Тех самых, где я вступаю в диалог с крылатиком.

— Эй, элл Жаб, может еще раз обговорим условия сделки?

— А-рр-рр! Тьфу ты... — затормозил он. — Как ты меня?.. Жабой назвала?

— Это я любя, — проблеяла самым милым голоском. — Так сколько там надо служить Великому визирю? У меня есть пара свободных дней в следующем месяце.

— До конца жизни.

Я прикинула варианты.

— Его или моей?

Элл Жаб выгнул пупырчатую бровь.

— На усмотрения сторон? — предположила я. — Ладно... Но договор предусматривает, что взамен я получу любовь всей своей жизни. Когда эта любовь появится? И что с ней дальше делать? Я и мой прекрасный принц будем вдвоем жить у Великого визиря. Не накладно ли?

— Артефакт предполагает, что ты встретишься с любовью, что предначертана тебе звездами, а не то что ты будешь с ним жить долго и счастливо.

Я открыла рот и поняла, что возразить нечего. В легенде о камне действительно ничего не говорилось о том, что будет после. Я опять купилась на красивую рекламу с заманчивым слоганом.

— Ну так?.. — приблизилась пасть жабьей мордой, обдавая зловонным дыханием. — Что выбираешь: служить моему господину в Белокаменном дворце или умирать на глазах возлюбленного, пока я буду вытряхивать душу из твоей тушки?

Увидеть мужчину всей своей жизни и умереть, или увидеть мужчину всей своей жизни и отправиться на службу к другой клыкастой твари? Оба варианта не были похожи на список желаний, что я загадала исполнить к тридцатилетию. Вот совсем. Наверное, стоило ставить цели попроще. Типа прокатиться на квадрацикле, записаться на курсы каллиграфии, мир спасти, в конце концов. Хотя нет, последнее я уже делала.

— Предложение заманчивое, — задумчиво протянула я. Элл Жаб мог раздавить меня одной лапой, а неуязвимость не шла в комплекте избранности. Мозги и здравомыслие тоже. — Но, честное слово, приятель, вот позвал бы меня не служанкой, а хотя бы погонщицей овец... — Я замахнулась подобранной веткой и со всей злости засадила ее в глаз фомору. Элл Жаб взвыл нечеловеческим голосом. — Ну не люблю я мыть посуду, не люблю!

Последние слова я кричала, улепетывая вдоль аллеи к воротам.

Я успела преодолеть ровно половину, прежде чем мощный толчок сбил меня с ног.

— Ты пож-жалешь об этом. — Вокруг моей лодыжки сомкнулась пупырчатая лапа. Из красного глаза жабодемона все еще торчал стебель, но ему она похоже не мешала. — Сейчас ты еще раз дотронешься до камня, и я откушу твою дурную голову.

Элл Жаб потащил меня за ногу. Я цеплялась ногтями, оставляя царапины на брусчатке. Руки скользили то по камню, то по придорожным светильникам. Фомор хорошенько дернул меня разок, и я утянула с собой светящийся шар.

— Эй, жабоморда!

Фомор замедлил движение, чтобы оглянуться на меня. Я извернулась, и оказавшись на попе, запулила в тварь магический светильник. Шар треснул. Запах жженой плесени ударил в ноздри. Элл Жаб издал дичайший крик, выпуская меня из лап. Горящая жидкость текла из расколотого светильника, сдирая кожу рождественским серпантинном.

Взмах крыла откинул меня обратно на жасминовый кустарник. Извергающая проклятья тварь, сфокусировала на мне налитый кровью глаз. Фомор раздувал щеки в ядовитом плевке, готовясь сотворить с моим лицом то же, что и магический шар с его мордой.

Я забрыкалась, но проклятые ветки держали так, будто состояли в стоворе с душегубом.

«Прощай моя неидеальная кожа и почти ровный нос», — только и успела подумать я, а потом четкий приказной голос из кустов громко повелел:

— Замри!

То ли от страха, то ли от безнадежности, я подчинилась. Рядом с ухом что-то вжикнуло. В могучую шею элл Жаба воткнулся дротик с синим в серебряную полоску оперением. В следующее мгновение безобидная вещица взорвалась пламенем.

Элл Жаб еще успел сделать несколько шагов вперед, прежде чем землю сотряс звук падения его пупырчатой туши. Раздвоенный язык в разорванной глотке шевельнулся в последний раз:

— Ты вс-се равно заплатиш-шь. Это нуруш-шимая с-сделка.

По зеленоватой коже потекла дымка. Пуф-ф! Тело фомора лопнуло, растекаясь слизью, будто расплавленный воск. Игла дротика звякнула о камень. Я шумно задышала носом, сдавливая приступы рвоты.

Что за чертовщина?

Я завертелась, выпутываясь из цепких веток. Если рядом ходит метатель взрывающегося оружия, я хотела бы иметь свободу в движениях.

— Эй! Кто там? А ну выходи! — прокричала я, продолжая бороться с кустарником.

Из темноты раскидистых ветвей вынырнула фигура.

Свет шаров-фонарей скользнул по довольно приятному лицу молодого мужчины, обозначил красный платок на шее, прошелся по форме защитного цвета, и не найдя за что зацепиться, распластался по земле.

Поднявшись на ноги, я ухватила с каменной площадки палку — остатки от расколовшейся арки, и по пятилась к постаменту. Метатель дротиков меня конечно спас, но это ничего не значило. Знаем мы этих красивых незнакомцев. Сначала он в ореоле мрачной тайны любезничает, выказывая манеры благородного аристократа, а потом оказывается, что все его состояние сколочено на поимке и продаже наивных идиотов, как ты.

— Душу не отдаю. В служанки не нанимаюсь, — сразу обозначила границы. — Спасибо что спасли меня, — и да, я помню о вежливости и приличиях. — Привет. То есть, здравствуй. Меня зовут... эй!

Не обращая внимания на такую снисходительную до слов благодарности меня, незнакомец прошел мимо. Остановился у постамента, сдернул с плеч вещевую сумку, расстегнул замок, закинул камень-артефакт внутрь и затрусил к выходу, оставляя спасенную даму (меня) у хлюпающей жижи-демона.

Еще раз.

Он похитил артефакт.

Артефакт, что должен свести меня с любовью всей жизни.

— Эй! А ну стоять! — бросилась я за ним. — Тут очередь!

— 4 —

Далеко, над самым горизонтом проскальзывали первые оттенки занимающегося рассвета. Своенравный ветер швырялся мокрыми каплями, мусором и опавшей листвой. Я неслась по мостовой за мужчиной, что утаскивал единственную ниточку, связывающую меня с будущим возлюбленным и мистическим контрактом.

У магии свои законы. Если прислужник сказал, что придется заплатить, то никуда не денешься. Радовало одно: в магических контрактах всегда есть лазейка. Я должна найти ее, прежде чем с меня стребуют душу или натравят карательный отряд в виде еще одного фомора или жуткого Визиря.

В этом деле очень помог бы только что украденный артефакт. Прежде чем будить всех библиотекарей, летописцев и великих магов королевства, стоило внимательней приглядеться к нему приглядеться. А еще лучше, не выпускать из виду, вцепиться руками и ногами, и мило улыбаясь, ждать. А то прискачет любовь всей моей жизни к волшебному бульжнику, а вместо меня — парень в красном платочке. Неудобно получится.

— Стой! Э-ээ... стойте!

Мужчина хлюпал ботинками по растекшимся на мостовой лужам, не обращая внимания ни на летящие во все стороны брызги, ни на промозглый ветер, ни на возгласы Избранной со стажем.

— Эй, можете остановиться на секундочку?

Догнала я бравого спасителя в одном из закоулков спящих домов.

— Я много времени не отниму. Мне бы камень на пару минут.

Похититель божественного артефакта продолжал быть верным своему маршруту.

— Эм... Не хотели бы вы поговорить о боге нашем едином? Или многоликом? О макаронном монстре? О его отсутствии?

Ноль реакции.

Я хлопнула ладошками по бедрам.

— Элл Красный платочек, да подождите же меня! — Резкий вдох и голосок на пару тонов мягче: — Вы, в самом деле собираетесь бросить красивую беззащитную девушку посреди безлюдного переулка?

Судя по ускорившемуся шагу, да, собирался.

Я остановилась, и прежде, чем мужчина скрылся за очередным поворотом, мрачно констатировала:

— Я закричу. Закричу по-настоящему громко.

Он замер будто пораженный заклятьем.

— Закричу, и через десять секунд стража заполонит весь квартал, — продолжила нагло врать. Ни черта я не знала про местные законы и систему правоохранительных органов. — Вас схватят, обыщут и найдут артефакт. Ну? Стоит это того, чтобы игнорировать девушку, элл Красный платочек?

Мужчина повернулся. Всем корпусом. Будто не человек, а боевая единица. Задрал голову. Пробежался взглядом по закрытым ставням, пустынной улице и чернеющим закоулкам.

Ощутимо повеяло угрозой.

— Вот настырная, — хрипло выдохнул он.

Неожиданное открытие поразило меня сильнее, чем долгожданная реакция. Голос мужчины звучал как-то не так. Иначе. Вне тональности мира.

Тем временем, незнакомец вытащил из внутреннего кармана странную трубку. Засунул в рот и плюнул. Свистящий звук прошелся по ушам и острой болью вонзился в плечо.

Я вытаращила глаза на торчащий из меня дротик. Тонкие металлические перья романтично поблескивали лучами расползающегося по небу заката.

Запоздало пришел отголосок боли.

— Что за?..

Я не могла поверить: меня убили?..

...Убить Избранную проще, чем кажется. Особенно, если она не в своем мире, не в цепях Предназначения и заражена магией Врага. Мне досталось сразу три бонуса разом. Проваливаясь во тьму, я цеплялась за крохи сознания, надеясь, что тот взрывающийся дротик не разнесет голову всмятку, если очень-очень захотеть. Что сила воли спасет от действия яда.

Но она не спасла.

У самого порога пучины мрака, золотистые лучи магии подхватили меня, утаскивая в воспоминания. В те события, что произошли, когда я впервые осознанно воспользовалась своей свободой воли — отправилась спасти Избранную.

Блонди.

Мир Отбора.

Скрестив руки, я стояла позади Избранной номер четырнадцать. Девушка аккуратно наносила на кожу пахучие крема, бросая короткие взгляды на мое отражение в овальном

зеркале трюмо.

Это была наша вторая встреча, после того, как белокурая красotka покинула тренировочный мир и отправилась покорять королевский двор. Как и у всех Избранных, ее память о Центре поблекла и осталась на уровне интуиции. Она меня совсем не помнила.

— Я не настоящий Защитник, — втолковывала я очевидное. — Не собираюсь я тебе служить до конца жизни. Дождусь окончания Отбора и свалю.

— Вот уж нет. Я пробудила кровь Лль'йор. Ты теперь мой Защитник. — Девушка покрутила кольцо на безымянном пальце. Чокер на моей шее плотнее сжал кожу. — Делай что говорят.

Я закатила глаза. Решая спасти самовлюбленную девицу, я никак не рассчитывала угадать в пути странной магии. Но тогда выбора не было. Кто ж знал, что характер Блонди может быть хуже того, от которого я натерпелась в Центре?

— Я не мифический дух из легенд. Я такая же как ты!

Блонди хмыкнула.

Ее реакция была понятна. Моя комплекция не дотягивала до длинноногой модели. Светлые с проблеском рыжины волосы были далеки от идеального тона. Они уходили чуть ниже плеч неуклюжими волнами. Постоянно путались и лезли в глаза во время тренировок. Я предпочитала собирать их в хвост или убирать заколкой-крабом. Распущенные волосы и замысловатые прически — удовольствие для светских дам и магичек со степенью визажиста.

— Я с Земли, — поправила я, потирая тонкую цепочку на шее. — Пожалуйста, отдай кольцо. Мне надоела эта пародия на ошейник. Этот бесчеловечно.

— Ха! Хорошая попытка. Но зря стараешься. Меня предупредили, что Защитники хитрые манипуляторы. Ты пойдешь на любую ложь ради свободы.

— А кто нет?

— Вот! — победно воскликнула она, щелкая шкатулкой. — Попалась! К твоему несчастью, я не настолько глупа, как тебе кажется. Получив свободу, ты тут же убьешь меня, а потом отправишься истреблять остальных носителей Лль'йор. До них мне дела нет, но себя как-то жалко. А теперь, будь добра, исполняй приказ.

Есть такие люди, что блещут умом совершенно не вовремя. Блонди не то что бы к ним относилась, скорее их возглавляла.

— Я не... Я не... — Я задыхалась от нахлынувших чувств. — Я не слуга! И не буду выполнять твои прихоти. Я пришла к тебе по доброте душевной, о чем теперь сильно жалею. Я хотела предупредить, что этот мир заражен и в него проник агент злой Империи. И его цель — ты.

— А-ха, — девушка ловко обозначила стрелки карандашом и приступила к завивке ресниц. — Ой, боюсь-боюсь. А теперь отправляйся следить за главной фрейлиной. Быть не может, что она случайно оказалась в числе конкурсанток.

Если бы из моих ушей мог идти пар как в мультиках, он бы уже заполнил всю комнату.

Сделав успокаивающий вдох, я выдавила сквозь зубы:

— Слушай, если не веришь, что я с Земли, спроси меня что-нибудь о нашем мире. Что-то, что мог бы знать только тот, кто там жил.

— Хорошо, — неожиданно согласилась Блонди, постукивая ноготочком по баночке с пудрой. Я сглотнула, ощущая давление на шее. — Столица Эфиопии?

— Эээ... Спроси меня что угодно попроще.

Она пожалала плечиками.

— Столица Сербии?

Мой мозг вскипел в котле беспомощности.

— Я помнила, правда!

— Второй закон Кеплера? — продолжала Блонди. — Ньютона?

А ведь пятнадцать лет назад Изольда Ивановна предупреждала, что однажды меня спросят об этом законе. Чертова ведьма!

— Ладно, — заправила она кудрявый локон за ушко, чтобы тот не мешал маскировать огрехи на идеальном лице. — Допустим ты из этих. Название первого альбома Бейонсе? Тоже нет? Кого сыграл Безруков в фильме...

— Стоп, — прервала я. — Так не пойдет. Это глупо. Я знаю про телевизоры, машины и кинотеатры. Этого достаточно, чтобы поверить в то, что я с Земли.

— Вовсе нет. — Девушка крутанула крышку коралловой пудреницы. — Может ты из параллельной земли. Или из мира, который дошел до нашего уровня прогресса. — Она прошлась круглой кистью по коже, оставляя за собой матовый след. — Или ты Защитник, промышляющий информацией, и кое-что знаешь о моем мире.

— Ну, коли так, — развернувшись на каблуках, я направилась к двери. — Вот тебе немного фактов из информационного улова. В нашем мире, вплоть до начала двадцатого века, в пудру добавляли свинец, который невероятно токсичен. Думаешь, здесь дела обстоят иначе?

Звук разбивающейся об пол пудреницы и вскрик Блонди, я услышала уже вылетев в коридор...

...Хватит!..

Магия Золотой оси продолжала подкидывать воспоминания из мира Блонди, а я отчаянно от них отмахивалась.

Я должна проснуться! Отпусти меня. Малыш! Верни обратно в сознание. Зачем ты мне это показываешь?

— Аматри, — прошелестела магия.

...Картинка пошла полосами, выплевывая в реальность. Дрожь сотрясла тело, взрываясь темными картинками прошлого.

Сказка Блонди закончилась хорошо. Я спасла ее, вернулась в Центр и...

Погодите, а где это я?

Я закашлялась. Хотела подняться, но что-то утянуло меня обратно вниз. Не на мокрую брусчатку, а на что-то мягкое. Я ничего не могла разглядеть: к глазам прилегал повязка. Руки, судя по всему, удерживала эластичная веревка, стягивая их за головой.

Уф, я жива! Плечо чертовски жжет, но я жива.

— Проснулась? — прозвучал голос, выбивающийся фальшивой нотой из гармонии мира. — И куда же тебя теперь деть?

— 5 —

Похититель содрал с глаз повязку.

Я невнятно что-то пробурчала. Язык едва шевелился. Во рту будто застряла вата, и слова отказывались складываться в нужные звуки. Кроме как кашлять, больше ничего не оставалось.

В глазах рябило. Потрескавшийся потолок шатался из стороны в сторону, мешая

сосредоточиться на одной точке. Кое-как сфокусировалась на появившемся в поле зрения человеке. Глубокие темные глаза морского цвета застыли на напряженном лице. Красный платок перекинулся с шеи на голову, банданой стягивая русые волосы.

Мужчина приложил палец к губам.

— Тише.

Я кивнула и тут же пожалела. К горлу поступила тошнота, а комната крутанулась каруселью. Сознание на мгновение подменило картинку. Я почти видела, как ко мне приближается ладонь в черной перчатке. Но, нет. Ошибка зрения. Вовсе перчатка не черная, а серая. Не из кожи. Трикотажная. С обрезанными (истертыми?) кончиками пальцев.

— Вот и все.

Мужчина из парка развязал узел, стягивая мешающую полоску материи. Я глубоко вдохнула воздух пыльной комнаты. Тут же под нос мне всунули кружку. Сил возражать не было. В горле нестерпимо першило, а думать о ядах не имело смысла. Хотел бы отравить, не стал бы ждать, когда очнусь.

Вода. Обычная вода.

Несколько жадных глотков спустя, комната вернулась в прежнее состояние.

— Спасибо, — поблагодарила я. Вежливость никогда не бывает лишней. Особенно, когда вас перед этим оглушили, проткнув иглой дротика, утащили с улицы и привязали к кровати.

Элл Платочек молча отступил назад. Поразительная немногословность для похитителя!

Я скосила глаза. Верхнюю одежду с меня предусмотрительно сняли. Не иначе как для того, чтобы я не спарилась в душной непроницаемой ткани плащевки. Сапоги стащили, чтоб не запачкала кровать. А мешочек с драгоценностями и активированным углем забрали чтобы... не мешал спать? Я очень надеялась именно на этот вариант.

Верить в то, что похититель женщин и божественных артефактов не покусится на рубины и потенциальное сырье для создания искусственных алмазов, очень в моем стиле.

Комнатка, в которой я очнулась, оказалась небольшой и достаточно бедно обставленной. Узенькое окошечко возвышалось над потолком, пропуская жалкие пучки света и звуки шума нагруженных улиц. Желтое пятно плащевки нашло себе место на стуле, который занял элл Платочек, оседлав его задом наперед и сложив руки на спинке. Кружка покоилась на хлипком столике за его спиной.

Мужчина отчего-то скрывался под плащом, несмотря на духоту помещения. Он бы и весь в него закутался, но то ли мужественность не позволяла, то ли понимал, что чучело в плаще может довести проснувшегося человека до инфаркта.

— Я не причиню тебе зла, — успокаивающим голосом, которым говорят с ранеными животными, произнес элл Платочек. — Я знаю, ты меня не понимаешь, но...

— Очень даже понимаю, — перебила я. — Ты не первый мужчина, что силой ограничивает мою свободу.

Наверное, есть во мне что-то такое, провоцирующее на похищение и незаконное удержание. Узнать бы еще что.

— Понимаешь меня? — Лицо садового спасителя окрасилось спектром эмоций: удивление, подозрение, недоверие и надежду.

Я прищурилась.

— Не то что бы одобряю, но понимаю, да, — осторожно продолжила я. — Уверена, были веские причины так поступить, и ты мне их сейчас объяснишь. Я готова их выслушать.

Я не тороплюсь.

— Нет, ты действительно понимаешь, что я говорю? — Он подался вперед, будто собираясь уличить меня во лжи.

— Пока ты особо ничего не сказал, но в целом...

Мужчина прикусил край кулака. Станный такой жест. То ли сомнение, то ли нервозность. Ох, лишь бы не сумасшествие.

— Нет, — покачал он головой. — Я это выдумываю. Слишком много времени прошло, — продолжал он. — Это усталость. Док предупреждал.

Вот, черт... А ведь почти поверила, что повезло хоть раз в жизни и попался адекватный похититель.

— Я здесь, — напомнила о себе. — Как насчет познакомиться? Родители дали мне имя Анна, но все зовут Дробью.

Внимание вернулось ко мне.

— Докажи.

— Эм... — осеклась я. — Паспорта при себе нет, но, честное слово, меня все называют Дробью.

— Нет, — мотнул он головой, — Докажи, что понимаешь, о чем я говорю. Повтори мое имя. Никий. Ну же, повтори!

— Все что угодно, если развяжешь. — Я показательно подергала руками, демонстрируя веревки. — Ник.

— Никий. Полным предложением

— Никий, — повторила я. — Тебя зовут Никий.

— Ты понимаешь меня, — ошеломленно выдохнул он.

— Чутьочку меньше, чем минуту назад.

Мужчина стянул с руки перчатку и вытер вспотевший лоб.

Одна из тех вещей, что будет удивлять вас в других мирах, это то, что всем плевать на то, что вы спустились с неба на драконе и с фаерболом в руках, но какая-то ерунда вроде правильно произнесенного имени может поразить всех до глубины души. Невероятно, но факт.

— Я понимаю тебя, ты понимаешь меня, — продолжила я развивать тему. — Раз уж мы все такие понимающие, может развяжешь? Руки сильно затекли.

Стул закрипел по полу. Элл Платочек отодвинул его в сторону, а сам отступил назад. Уперся о край стола, нащупал складной нож. Все это он провернул, не сводя с меня глаз.

— Ты говорила привратнику, что у тебя есть Дар, — припомнил он, крутя деревянную рукоять. Полуголая девица, выгравированная на металлическом торце, подмигивала пустыми глазницами. — Ты — ведьма?

— Магичка, — внесла поправку я. Подумав, внесла еще одну: — Самая добрая, безвредная и всепрощающая из всех существующих.

Признаваться в обладании Дара я не боялась. Если в мире есть студенты, обучающиеся магии, а магия, которой они обучаются, преподается в местной академии, то вряд ли обладателей Дара считают злом. И вряд ли элл Платочек матерый инквизитор, желающий выжечь скверну огнем и мечом.

— Дар заключается в том, что ты можете понимать язык чужаков?

— Угу.

Как-то легко раскрыли мою суперспособность. Я полагала, что однажды это станет

решающим козырем в переломный момент, а не определяющим фактором. Зато становилось понятным поведение Никия. Иностранец, решивший украсть волшебный камень, никак не ожидал, что его язык будет понятен кому-то из местных. Особенно, если он говорит на каком-то забытом древнем языке или редком диалекте.

Да, но он понимал, о чем говорила я. Понимал меня, но был удивлен, что я понимаю его. Это возможно понимать чужой язык, но не уметь на нем говорить?

— Больше ничего? Магия огня? Привороты? Способность выращивать урожай на неплодотворной земле?

— Это Дар. Дар от бога, а не список пожеланий на День рождения, — обиделась я.

Конечно бы, я хотела все перечисленное, но Лёша — магический жмот, а другие варианты получения магии я не рассматривала.

— Негусто.

— Сам-то в чем силен?

Мужчина по-простецки развел руками.

— Простой смертный, к великой удаче.

Знала я кое-что об удаче. К отсутствию магии она не имела отношения.

— Что хорошего в том, чтобы не иметь магии?

— Она тебя не убьёт.

— Спорный вывод.

— Не там, откуда я родом.

— А откуда ты родом?

Его профессия или род занятий многое могли бы рассказать. Охотник на нечистью? Искатель артефактов? Сбежавший псих?

— Сколь бы приятным мне ни было разговаривать с кем-то, кто может поддержать беседу, историю своей жизни я не поведаю. А вот ты, — указал он на меня нераскрытым ножиком, — заполнишь несколько пробелов.

Отблеск серебристой грани солнечным зайчиком проскочил по моему лицу. Жирный такой намек, но без прямой угрозы. Не верилось как-то, что элл Никий Платочек станет пытаться незадачливую девицу вроде меня. В его мимике и движениях читалась армейская педантичность, а не садистский прагматизм. Он не наемник. Скорее, солдат. А солдаты убивают на войне, а не в мирной жизни.

Впрочем, проверять теорию, я не спешила.

— Валяй, — согласилась, ерзая спиной по неудобному матрасу. Приходилось выгибать шею, чтобы видеть оппонента, а не говорить с потолком. — Спрашивай, мне скрывать нечего.

— Зачем преследовала?

— До тебя мне дела нет. Нужен только артефакт. И не навсегда. Так, на денек-другой. Очень уж не хочется в рабство к какому-то визирю. Если бы ты только позволил мне с ним немного поработать.

— Нет.

— Хотя бы на часик!

— Нет.

— Минут на сорок?

— Нет.

Вот упрямый индюк!

— Десять минут? Мы дольше спорим. Тебе нужен артефакт — забирай. Мне только уточнить пару моментов. Выясню, как получить, что хочу на халяву, и все. Клянусь, я его не сломаю. Я — профессионал.

— Прости, но так не пойдет.

— Всего на минутку! — Я протестующе дернула рукав, но лишь затянула узлы на запястьях сильнее. — Во имя Высших сил, да включи же в себе человека! Ты слышал, о чем болтал фомор? Я подписалась под магическим контрактом, условий которого не знаю. И теперь, мало того, что обязана отдать душу, так еще и мой возлюбленный застрял где-то на полпути.

— Дробь, верно? Я не могу дать тебе артефакт на изучение, вне зависимости от того, сколько времени это займет. Он нужен мне в активированном состоянии. Я неделю выжидал подходящего момента, чтобы забрать его именно таким.

— Дай мне с ним закончить и активируй сколько хочешь, — попросила я. — Божественный камень годится и для мужчины. С фомором вон как просто справился. А тут в награду еще красotka с небес в подарок спустится.

Мужчина покачал головой. Что-то напоминающие сожаления закралось в синее море радужек.

— Вторая половинка души мне сейчас не по карману. Да и преследование армии фоморов во главе с их визирем не сподручно. Видишь ли, пока ты не выполнишь свою часть сделки, каждую ночь за тобой будет являться кто-то из свиты правителя Туманного архипелага. И так до тех пор, пока ты не закроешь сделку. Благодарствую, но нет. Мне такие спутники не нужны.

Я в ужасе уставилась на Никия.

Он хотел оставить артефакт у себя, а меня без возможности спасти собственную душу? Я даже не смогу отменить сделку!

— А как же я?

— Ты — умница. Ты не первая, кто решился выступить против привратника, но первая, кто продержалась против него достаточно долго. Он не сумел обмануть тебя и утащить в дар Визирю. Думаю, тебе хватит сил и ума побегать от проклятья достаточно долго, чтобы я успел доставить артефакт домой.

— Так ты не спасал меня, а использовал как приманку, — запоздало озарило меня.

— Таков был план.

— План, в котором ты подставляешь девушку под смертельную угрозу?

— Своя шкура дороже, — пожал он плечами. — Уж прости, элая, но ты сделала выбор, когда решила, что можешь решить все проблемы с помощью магии. К тому же, из того, что я успел узнать, пока караулил артефакт, визирю не хватает симпатичных служанок. Тебя не убьют, если умно сторгуешься.

Как спасти Избранных, если каждую ночь за мной будет таскаться шайка низших демонов? Допустим, в Центр им за мной не пробраться. Но как получить своего «принца на белом коне» без повторного ритуала с артефактом? Фомор уверял, что нужно еще раз к нему прикоснуться.

Я откинула голову на подушку.

— Н-да, а я почти поверила, что ты мог быть обещанным богиней идеальным кандидатом в возлюбленные.

— Такое бывает лишь в сказках. Реальный мир груб, жесток и обманчив. И он ломает

тебя, если, наконец, не повзрослеешь. Произошедшее с тобой — хороший урок на будущее.

Я смерила Никия злым взглядом.

— Ты со своей реальностью в мою сказку не лезь, — выплюнула я. — Будет у меня и любовь, и суженый, и трехъярусный торт, дай только выберусь. А теперь развяжи мне руки.

— Ближе к закату. Слишком ты бойкая для наивной дурочки.

— Верить в любовь — не наивно.

Мужчина оттолкнулся от столика и шагнул ко мне. Черная полоска ткани мелькнула в воздухе.

— Верить, что любовь что-то решит, вместо того что бы усугубить — очень даже.

Я замотала головой. Элл Платочек больно ухватил меня за подбородок. Я задержала ногами, метя в мужчину. Клацнула зубами. Ткань мазнула губы и плотно впиалась в рот, придавливая язык. Я протестующе зарычала и начала отчаянно брыкаться на постели.

— Эй, — пригрозил мужчина. — Не прекратишь, оставлю фомору на растерзание в таком виде.

Я замерла. Подушка выбилась из-под головы, а сгнившие доски кровати продавились вниз.

Фоморы. Вечером за мной явятся фоморы, чтобы забрать обещанную награду.

День предстоял тяжелый.

— 6 —

Бесконечные часы ожидания хороши лишь для одного: поразмыслить обо всех совершенных глупостях дня минувшего. А их оказалось немало. Имея за спиной большой опыт, я умудрилась совершить все главные ошибки классической попаданки. Первое — доверилась незнакомцу. Второе — повелась на красивую легенду. Третье — облапала незнакомый артефакт. Четвертое — заключила сделку, не зная всех условий. И вот пожалуйста — лежу связанная, ожидая, когда коварный похититель освободит меня, чтобы использовать в качестве приманки для фоморов.

Тут уже не стоял вопрос, как встретить любовь всей своей жизни. Тут бы себя спасти. А принц на белом коне? Да черт с ним. Пусть лесом скачет. Не нужна мне вторая половинка с фоморами в придачу. Чего я вообще уперлась рогом именно в артефакт? Есть столько других не менее продуктивных вариантов. Сайты знакомств, свахи, в конце концов, в полночь на перекрестке можно ботинком в кого-нибудь швырнуть. И не надо забывать классику всех времен: «На новом месте, приснишь жених невесте».

Я пошамкала губами впившуюся в кожу ленту-кляп.

Никий никак на это не отреагировал. Он был занят — в сотый раз перебирал свое оборудование, сдувая с него невидимые пылинки. На столе лежали разные странные предметы. Маленькие коробочки со светящимися камешками и стеклышками. Цветные веревки. Скрученные обрывки проволоки. Шестеренки. Подобие штык-кирки-лопатки. Все это походило на инструменты, только я не представляла, какие. Что-то среднее между набором радиолюбителя, алхимика и охотника на нечисть. Это комплект не на один раз. Это инструменты, которые использовались часто и за которыми тщательно следили, потому что планировали пользоваться ими еще очень долго. Элл Платочек похищал артефакт не в первый и не в последний раз. Это было его работой. Работой по чьему-то заказу. Он не сдаст дар богини в ближайший ломбард, он отдаст его заказчику.

В какой-то момент мужчина заметил мое пристальное наблюдение. Оно не пришлось

ему по вкусу. Быстро укомплектовав пожитки в вещевой мешок, он отодвинулся на стуле в самый дальний угол комнаты. Вытащил книжку со стертым до нечитаемости названием. Зашелестел страницами.

Что ж, не мытьем, так катаньем.

Я пошевелила пальцами, разгоняя кровь. Никий обещал освободить перед своим уходом. Это давало надежду. В прошлый раз он напал на меня исподтишка. Теперь же я могла дать отпор. Все-таки меня тренировали не только мечом махать. Пара приемчиков в два счета уложила бы на лопатки несговорчивого похитителя, если тот даст немного слабину. Надо только дождаться.

Я прикрыла глаза, боясь, что взгляд выдаст намерения, и начала просчитывать варианты.

Время текло. Я ждала.

Когда мужчина вытащил изо рта кляп, я была готова. Как оказалось, он тоже.

— Если вдруг решишь наброситься на меня, имей в виду, я сильнее, и я вооружен, — предупредил Никий. — Ты же, едва отошла от мощного препарата. Схватка будет неравной. Ты покалечишься, тем самым облегчив работу фоморам.

Элл Платочек каким-то хитрым способом потянул за узлы, освобождая меня от сдерживающих веревок. Отцепил их от кровати и, аккуратно смотав в клубок, засунул в карман.

Я поднялась на пробу, готовясь воспроизвести один из тех приемчиков, что мысленно повторяла раз за разом в голове, и... голова пошла кругом. Черт! Никий не соврал. Я едва могла двигаться. Мышцы как кисель, а координация студентки после вручения диплома.

Обидно до ужаса! Со всеми тренировками, нескончаемыми кроссами и магическим потенциалом, что может покорять миры, не могу дать отпор обычному мужлану! Эх, надо было соглашаться, когда Клод предлагал потравить меня небольшими порциями особых ядов, чтобы выработался универсальный иммунитет.

— Поняла, — сипло отозвалась я.

— Не вздумай меня преследовать или звать на помощь. — Мужчина поправил красный платок, забросил мешок на плечо, и уже у самой двери добавил: — До заката осталось полчаса. Как только скроется последний луч солнца, за тобой явятся.

— Раз уж ты такой добрый, — проворочала я распухшим языком, — одолжи пару летающих игл с ядом. Дольше протяну. Это в твоих интересах, чтобы я продержалась дольше одной ночи. Мне-то уже терять нечего. Днем раньше, днем позже.

— Неет, — протянул он. — Я видел, как ты билась с фомором. Ты не сдашься. Ты будешь драться за жизнь до последнего. Я знаю, о чем говорю, элая Дробь. Ты выиграешь мне достаточно времени, с ядом или без. — Он кинул ключи. Я без особого интереса проследила, как те звякнули, ударившись о спинку кровати. Никий предполагал, что я их ловить, что ли? — Кстати, комната оплачена до утра. Спасибо за прекрасные минуты общения. Мне очень сильно этого не хватало.

— Стой! Кому ты продашь этот артефакт?

Мужчина усмехнулся.

Ага, как же, выдаст он своего нанимателя.

— Но передать-то можешь, что я тоже заинтересована в артефакте и готова заплатить очень много?

— Такая говорливая, — подивился Никий. — Ты точно сможешь заболтать фоморов на

пару ночей. Удачи, элая.

— Упырь! — крикнула я захлопнувшейся двери. — Не нужна мне твоя удача. Своя есть! Верно, Малыш?

Магия не ответила. Видимо ей было стыдно, что от нее совершенно никакого толку.

Более не теряя времени, я приступила к инвентаризации собственных способностей. Вытянула руки перед собой — те задрожали как хворые осинки. Развела в стороны, закрыла глаза, попробовала дотронуться до кончика носа. Чуть не лишила себя глаза. Встала. Села. Встала, но чуть медленней. Села. Поругалась. Успокоилась. Встала. Прошлась до стола. Прокляла все на свете. Успокоилась по-настоящему.

— У меня все еще нет предназначенного судьбой суженого, но от него уже куча проблем, — пожаловалась я желтой плащевке. — А как замужем будет? Вряд ли легче.

Что же делать? Как дать бой клыкастым жабам-переросткам?

Здравый смысл предлагал только один выход.

Я устремила к своим пожиткам. Напялила плащевку поверх кофты, что умыкнула из того же апокалиптического мира. При случае я собиралась поменять и то, и то, но случая не представилось. Мешочек с ценностями обнаружился во внутреннем кармане. Вор артефактов не опустил до банальной кражи. Или совести хватило (что вряд ли), или курс у моих камушков действительно очень плохой (что вероятней).

Закончив все дела, я покинула гостиницу. Прошмыгнула (проползла по стеночке) мимо дремлющего старичка и уткнула в подворотню.

Если за мной отправят монстров, лучше я столкнусь с ними на улице, чем в замкнутом помещении. Тем более что где-то в кодексе Избранной точно есть пункт о том, что нельзя подвергать невинных людей опасности. Наверное. Я его не читала.

Следующим пунктом был парк. Чтобы его найти, я потащила параллельно главной улице (которую гораздо проще найти, чем кажется. Я имею в виду: вы видели свой город? Вы знаете, на какой улице лежит асфальт и где стоят самые красивые и отреставрированные дома? А где больше всего толкучки, если не брать во внимание набережные?). Я очень сильно надеялась, что Никий снял номер не слишком далеко от своей цели.

Солнце таяло на глазах.

С каждым шагом мне становилось чуточку лучше физически, но вот эмоционально я терпела поражение.

Только бы успеть!

Местные граждане не обращали на меня внимания. Час пик он везде час пик. Люди торопятся домой. Кто пешком, кто в каретах. Кто с парой, кто с детьми, кто с покупками. Суматоха. На девушку в странных одеждах ни у кого не нашлось времени. Разве что завистливый взгляд схлопотала от попрошайек, когда мне перепала случайная монетка от сердобольной дамы в дорогих нарядах. Я как раз зазевалась на перекрестке, углядев знакомые очертания парка, и, видимо на моем лице обозначилась настолько сложная работа мысли, что в нем безошибочно углядели тяжкий недуг.

Когда я добралась к «таинственному саду», по небу уже позли светло-розовые мазки вперемешку со светом ускользящего солнца.

У меня оставались минуты.

Чуть ли не падая на колени, я ухватила за ствол клена. Листья зашелестели, обдав каплями скопившегося в кронах прошедшего дождика.

Я щелкнула пальцами, представляя сверкающие камни Атроса.

Портал не открылся.

Я огляделась, отмечая ориентиры. Нет, я точно вышла здесь. Портал из Центра открылся в этом месте. Открыть его снова, чтобы вернуться, тоже можно только здесь.

— Работай, зараза, — щелкнула еще раз.

По загривку поползли мурашки.

Ничего.

— Малыш, — позвала я. — Малыш, давай, как договаривались.

Щелчок.

Тишина.

— М-малыш, у меня нет на это времени.

Щелчок.

Щелчок.

Щелчок.

Темнеющие облака покрыла рябь сирени. Последние лучи солнца утекли за горизонт.

Я это не увидела. Я это почувствовала.

Ладонь обожгло болью. Я в панике уставилась на нее. На светлой коже, аккуратно по линиям, вырисовывались красные письмена, будто кто-то вычерчивал их невидимым стальным пером. Метка должника.

— Малыш, давай без шуток! — взмолилась я, прижимая исполосованную ладонь. — Атрос, открой проход! Мне нужна помощь! Атрос!

Прокричала я в пустоту. Забытый бог мольбы не услышал.

Ветер ударил в спину, обжигая разгоряченную кожу льдом. Незримое присутствие постороннего отдалось барабанной дробью в висках.

— Улиз-знуть вз-здумала, — зашипел знакомый голос. — Не выйдет. Никаких порталов, пока цена не будет уплачена.

Меня обдал холодом.

Это фомор! Тот самый фомор. Элл Жаб! И вещал он истинную правду. Конечно же, есть ограничения! У мира есть правила. Раз я заключила сделку, значит, подписалась исполнять его законы. И никто с поводка не отпустит, пока я не завершу все дела. Вот такая она доля Избранной в других мирах.

Бежать было поздно, да и некуда.

Сложив трясущиеся руки на груди и пятясь назад, я спросила:

— П-почему ты жив? — На последнем слове голос скакнул на октаву вверх, резанув по ушам. Надменного хладнокровия не вышло.

— Я же фомор, — проскрежетала мерзкая лягуха с перепончатыми крыльями, царапая брусчатку шипастым хвостом. Препятствий в виде забора, ограждающего Таинственный сад, он больше не видел. — Мы бессмертны.

— Сразу сказать не мог? Я теперь чувствую себя н-немного н-неловко. — Проклятая дрожь в голосе!

Элл Жаб раздул щеки с желтыми прожилками. Мне не требовалось много времени, чтобы сообразить, что это значит.

— Эй-ей! Стой! Я пришла поговорить!

Щеки, каждая размером с арбуз, неохотно сдулись. Красные глаза блеснули злобой.

— Думаешь, я стану с тобой говорить после того, как ты воткнула мне ветку в глаз?

— Так зажило же все. Вон, как новенький. Лучше прежнего.

— Боль была невыносимой! — яростно прошипел он, вываливая раздвоенный язык. — Как и тот яд, которым ты поразила меня. Может я и бессмертен, но боль всегда реальна.

— Стой-стой-стой! — закричала я, натягивая ворот кофты на нос. Вонь протухшей пищи сбивала с ног не хуже восьмibalльного землетрясения. — Тебя убила не я. И камень похитила не я. Ты же в курсе, что артефакта богини нет на законном месте? Мы могли бы обсудить его возвращение.

Фомор стрельнул глазами в сторону развороченной арки. За минувший день ничего не изменилось. На площадке все также валялись обломки ее обломки и подвявшие цветы, разнесенные в разные стороны ветром.

— Ты только что пыталась сбежать, — хмыкнуло дитя любви демона и джинна. — А теперь хочешь торговаться?

— Да, это называется быстрой адаптацией. Как тебе такой вариант: я верну артефакт взамен на свой долг. Ты получишь камень, а я свободу и голубоглазого блондина на стероидах. Все честно.

Фомор разразился каркающим смехом.

— Мне безразлично, что случится с камнем. Его местоположение не имеет значения. Увезут ли его в другое королевство, спрячут ли в тайную коллекцию. Его похищают не в первый и не в последний раз. Что только с ним уже не делали. Пытались снять проклятье, пытались использовать во благо. Неважно, все заканчивается тем, что приходит очередной проситель и его душа отправляется на службу Великому визирю.

— М-м-м... Другое предложение. Я все равно верну артефакт, и мы оба сделаем вид, будто ничего не было. Я не просила суженого, ты не пытался забрать мою душу. Отмотаем время назад и не встретимся.

— А может, я просто кину твою тушку под ноги Великому визирю? — щелкнули зубы у моего носа. — А он сам решит, какую пытку назначить нарушительнице контракта?

— Кхм, — прочистила я горло. — Ну, разве что он одинокая, светлая, никем не понятая, но страдающая любви душа.

Нет, ну а мало ли?

Кожистые крылья элл Жаба нервно затрепетали в воздухе, сдерживая очередной взрыв смеха.

— Великий кхм-ха-ха визирь? Да ты в жизни не сталкивалась с такой чернильно-черной и липко-густой как смоль душой, что у Великого визиря. Впрочем, и не встретишь. Не того ты поля ягода, чтобы он тратил на тебя время. Ты отказалась от этой привилегии. — Хлюпнув, элл Жаб провел языком по пупырчатым губам. — Прощай, элая.

Он распахнул крылья, целясь лезвиями в мое горло.

Мне оставалось только одно.

— 7 —

— Я хочу говорить с визирем!

Крыло элл Жаба застыло в воздухе, упираясь острым кончиком в мою сонную артерию. Что ж, контакт налажен. Продолжаем.

— Я не отказываюсь от контракта, — выдавила с трудом. — Я предлагаю обсудить его условия, но делать это буду не с тобой.

Фомор хрюкнул.

— Ты смеешь требовать встречи с Великим визирем, повелителем фоморов Пограничных земель и правителем Туманного архипелага?

— Мне есть что предложить.

— Хруфф, — выдохнули раздутые ноздри. В бордовых истекающих адским пламенем зрачках виднелось яростное желание поквитаться с той, кто посмел причинить ему боль и проявил вопиющее неуважение. Но крыло медленно отползло назад, давая возможность нормально вздохнуть. — Допустим. Продолжай.

Я скрестила руку на груди:

— Моя смерть ничего не стоит. А если оставишь в живых и позволишь встретиться с визирем, в накладе не останешься. Я очень ценный экземпляр. Я обладаю знаниями, что неизвестны вашему миру.

Отточенные лезвия пальцев подцепили мой подбородок. Фомор склонил голову, скаля отвратительную прорезь, что была у него вместо рта, в кривую улыбку. Красные глазки изучающе разглядывали мое лицо, будто что-то ища.

— Ценный экземпляр, говоришь? Ты никогда не слышала о фоморах, но утверждаешь, будто знаешь то, что известно мудрейшему из ныне живущих? Высокомерная йутулка!

— Мой магический Дар исключительный. Другого такого в мире не сыщешь. Проверь сам, если умеешь.

— Уже. — Раздулись огромные щеки. — Суть твоего Дара отличается от тех, что я видел прежде, но это вовсе не делает его ценным. Твоя одежда действительно странна. Тебя не пугает мой облик. Ты также не похожа на тех, кого я видел раньше, не считая одной девицы. Что не добавляет тебе стоимости. — Повисло недолгое молчание. Когти со скрежетом втянулись в толстые сальные пальцы, но возникшее напряжение не ушло, пока он не продолжил: — Но мне нравится твой запал. Ты посмела дать отпор превосходящей силе. Тебе хватило ума осознать свою участь и вернуться. Мне это нравится.

— Значит, мы договорились? Я встречусь с визирем?

— Сначала скажи, ты понимаешь, что отправишься в Белокаменный дворец на другой конец света? Очень-очень далеко. Во дворец, что кишит монстрами и разными тварями, от одного вида которых люди сходят с ума. На поклон Великому визирю, которого боятся собственные подданные? И ни я, ни ты, никто во всем мире не может гарантировать, что ваша встреча не закончится твоей гибелью?

Притворяться, что испугалась не пришлось. Тащиться за тридевять земель в логово мистических существ совсем не хотелось. И все же, внутри красным бутоном расцветало ликование. Как бы безумно ни звучало, но именно этого я добивалась — попасть во дворец!

Сейчас поясню.

Фомор не тот, кто владеет контрактом. Артефакт исчез вместе с Никием, которого я не представляла, как искать. Малыш играл в молчанку. Единственный, кто мог решить ситуацию — визирь. Если он тот, кому уходят все плюшки за исполненные желания, то он сможет разорвать контракт. А вот зачем бы ему это делать, я очень надеялась узнать у Клавдии.

Если я что и понимала в концепции Избранных, так это то, что порталы, через которые они попадают в миры для спасения, открываются именно в той точке, откуда должны начаться их приключения. Портал Клавдии, Избранной из моего потока, вывел к Таинственному саду и артефакту богини. Не надо выстраивать сложное математическое уравнение, чтобы понять, что произошло дальше.

Клавдия отправилась к визирю.

Никий сказал, что до меня были другие девицы, что находили способ сторговаться с фоморами. Элл Жаб подтвердил, что был кто-то на меня похожий. Кто бы еще это был, кроме Клавдии?

Если моя соотечественница имела хотя бы каплю сути Избранной (а она ее имела!), то успела заручиться поддержкой прислуги и разгадать пару секретов. Может и сердце визиря успела покорить? Впрочем, к последнему пункту оставались вопросы. Если визирь — такая же страшная лягуха, как и фомор-привратник, то я Клавдии не завидую. И пусть магия Врага просочилась сюда, без непосредственного участия Странников, наверняка девушка уже навела шороху во дворце.

Она будет там.

Я рассчитывала на нее.

— Да, — подтвердила я. — Я осознаю все последствия.

— И добровольно соглашаешься отправиться во владения Великого визиря?

— Да, добровольно, — ответила, чувствуя какое-то неудовольствие от сказанного. В прошлый раз это «добровольно» сильно меня подвело.

— Имей в виду, элая, если ты врешь, если твой Дар — какая-то подделка, если зря тратишь мое время, если тебе на самом деле нечего предложить Великому визирю, твоя кара будет столь страшной и мучительной, что ты пожалеешь, что я тебя не убил.

— Не сутулься, — наставлял меня элл Жаб, шлепая лапами по лужам подземелья. Шипастый хвост мотался из стороны в сторону иногда ударяя об пол и обдавая меня сотнями брызг. — Будь почтительна. Отвечай только тогда, когда спросят.

— Я думала, достаточно быть просто красивой, — пробурчала я. — Как же торговаться, если слова сказать нельзя?

Ежась от сырости и холода, я семенила вслед за элл Жабом. Я была уверена, что он специально открыл портал в подземелье, и вел меня самыми мрачными закоулками, чтобы запугать. Не могут затхлые коридоры с плесенью на стенах быть частью Белокаменного дворца. Если, конечно, мне не солгали про роскошь и богатство Великого визиря. Хотя, кто знает, каков эталон красоты у жабодемонов? Вон какой антураж с выдолбленными в стенах человеческими фигурами, будто бы извивающимися в агонии.

— Да, — вздохнул исполнитель желаний, — предыдущий бы не отказался от белого мяса.

В голове сразу возникла картинка. Огромная пузатая жаба с красными и синими прожилками, раскрывает пасть с тремя рядами желтоватых зубов и вываливает длиннющий язык. Две маленькие мушки вылетают из ее рта и уносятся прочь.

Я содрогнулась.

— Очень он любил молоденьких девиц с экзотической внешностью. Но быстро терял к ним интерес. Менял фавориток как перчатки. Обычно, уже через неделю, его возлюбленные отправлялись обратно домой, или же оказывались в этом подземелье. Тут уж как повезет.

— В подземелье? — я завертела головой, выискивая прячущихся дев.

Элл Жаб поднес коптящий факел. Соломенный свет мазнул по краю стены, позволяя в полной мере насладиться галереей скульптур из женских фигур, выглядывающих из камня. Каждая из них по-особенному отображала снедающие ее муки. Лица, некогда бывшие прекрасными, перекосились от боли. Казалось, они до сих пор безмолвно кричали в

бессильной муке.

К горлу подступила тошнота. Это не бутафория. Это люди.

И вот на это Никий предлагал мне согласиться?

— Ч-что? Что он с ними сделал? Как? — спросила я, и тут же пожалела. — Нет, я не хочу знать.

— Правильно, — промурлыкал элл Жаб. — Зачем портить веселье сухой историей, если можно все прочувствовать на собственной шкуре?

Я пропустила высказывание мимо ушей.

— Значит, не все служили визирю до конца жизни, — отстраненно произнесла я, разглядывая застывшие лица. Воздуха перестало хватать, а мысли забились в панике. Доводилось мне быть ледяной скульптурой. Одно из самых ужасных событий в моей практике. Но ты было обычное заклинание, подразумевавшее, что после его снятия, я буду жить. Вряд ли этим девушкам подобного выбора не предоставили. — Кто-то возвращался домой, чтобы воссоединиться со своим истинным суженым?

Эл Жаб оскалил пупырчатую морду.

— Только юные девушки. Только симпатичные. Только те, что были достаточно искусны, чтобы поддерживать интерес визиря достаточно долго. Но ты сильно не расстраивайся. Даже если бы старый визирь был жив, тебе бы свобода не грозила.

Я вновь не отреагировала. После коридора мертвых тел, подобные издевки не задевали.

— С прихотями старого визиря все ясно. — Скрыть презрение не удалось. — Новый визирь предпочитает те же забавы?

— Если я тебе скажу, будет не так весело.

Мне начало надоедать зубоскальство фомора. Не то он место выбрал, чтобы испытывать запуганную девушку на прочность.

— Будет не так весело, если ты потратишь время визиря на дурную девицу, пускающую слюни, или зайку, что взгляда поднять не посмеет. Я — твой улов! Чем больше интереса я вызову у визиря, тем больше милости снизойдет на тебя. Не зря же ты пересказывал этикет. Хочешь толкнуть меня подороже? Так не дави на психику и не запугивай. Лучше поделись информацией, иначе со мной рядышком на цепях повиснешь.

Последней фразой я немного перегнула палку. Пупырчатый фомор грозно взревел:

— Презренная дочь йутулов! Думаешь, можешь ставить мне условия? — Он резко развернулся, сгреб меня за грудки, отрывая от земли. — Отрыжка подгорных троллей! Ты угрожаешь мне? — Он как следует меня потрянул, и голова моя заболтала как у болванчика. — Я размажу твою черепушку одним щелчком пальцев, а тело брошу шакалам на осквернение.

— Личико случайно не попорть, — холодно ответила я, глядя в заплывшие кровью глаза.

Теперь-то стало ясно, что до встречи с визирем моей жизни ничего не угрожает. Фомор мог расплющить меня одним метким ударом хвоста, но не делал этого. Только запугивал. Даже первая встреча в парке была постановочной. Я нужна была невредимой. Я — ценный товар. Ох, что-то сильно не так с их новым визирем.

— Наглая элая, — пошелестел жабодемон мне в лицо. — Нич-ч-что, я своего момента дож-ждусь.

Он отпустил меня, и я шлепнулась в гнилостную жижу. Тут же из-за угла показалось несколько крыс. Они пронеслись мимо, мазнув лоснящейся шерсткой по рукам, и, скрылись

в темноте коридора.

Я взвизгнула, вскакивая на ноги.

Ну да, жабодемонов не боюсь, а крысы в дрожь бросают.

Фомор противно захихикал, раздувая истекающие слизью жабры. Испугавшись здоровенных грызунов, я порядком его позабавила, снизив градус агрессии.

Что за жизнь, а? Телепорты все открывать умеют, божественной магией как мусором разбрасываются, людей в камни обращают, а избавиться от грызунов не могут!

— Отвратительно, — пожаловалась я, обтирая ладони о края плащевки.

— То ли еще будет.

— 8 —

Когда мы ступили на широкую лестницу, ведущую вверх, фомор чудесным образом преобразился в человека. Рядом со мной вновь оказался старик с обманчиво-добрыми глазами и почтенной сединой, что украшала виски, серебристыми линиями проклевываясь у намечающейся лысиной.

— В одном элая права. В таком виде Великий визирь на тебя даже не взглянет, — поправляя пышные моржовые усы, авторитетно заявил элл Жаб. — Давай-ка мы с этим что-нибудь придумаем.

Я шмыгнула носом:

— А что не так?

Подумаешь, одежда вся в пятнах и слизи. Прическа растрепалась. Волосы свисают сосульками. Под ногтями грязь. Лицо перепачкано. Тело все чешется. С кем не бывает?

Фомор покачал головой.

Мы устремились по ступенькам вверх. Преодолевая ярус за ярусом, я нашла в себе силы оценить обстановку. Временная зона загадочного архипелага не соответствовала той, откуда меня переправили. За узорчатыми окнами сияло солнце.

«Несправедливо, что такая красота принадлежит страшным жабодемонам. На кой она им?» — пронеслось в голове, когда лестница закончилась, и неприметные двери вывели нас к внутреннему парку, огромную площадь которого занимали экзотические цветы, кустарники и искусственные фонтаны. Гранитные дорожки отполированного мрамора сливались в одну — главную, что устремлялась к величественным колоннам на небольшом возвышении. К помосту поднимались серебряные ступени и заканчивались у подножья трона. Под бликами солнца монолитные ножки царственного сиденья блестели самоцветами. За спинкой вздымались два павлиньих хвоста из золота с алмазными и рубиновыми вкраплениями.

Мой пульс зачастил, когда я представила, что прямо сейчас увижу визиря. После показательной прогулки по галереи запал торговаться пропал окончательно.

— Черт, — пробормотала я, выглядывая зеленого жаба-повелителя среди колонн. Но на троне повелителя фоморов не наблюдалось.

— Не время для приемов, — любезно пояснил сопровождающий, вдоволь налюбовавшись моей паникой. — В полдень тут тише, чем в любой другой час.

Фомор провел меня через ряд сводчатых перекрытий и вывел в новый коридор. Длинный ряд картин с красивыми молодыми людьми разных возрастов украшал стены. Мне подумалось, что это могли быть те самые вторые половинки заточенных девушек. К сожалению, нигде не стояло ни имен, ни дат, поэтому я быстро потеряла интерес.

Мы остановились у одной из стрельчатых дверей. Старик достал из-за пазухи увесистую связку ключей, выбрал подходящий, и отворил замок. Не успел он ее открыть, как с той стороны послышался вскрик и топот девичьих ног.

В животе заурчало.

— Прекрасные элаи, — поприветствовал фомор присутствующих, когда мы зашли в огромную комнату с высокими куполообразными потолками. Пол застланы ковры, а в центре и у окон, кто-то хаотично разбросал подушки. Несколько маленьких пуфиков стояло у низких столиков. На них, в хрустальных вазах, яркими пятнами, громоздились свежих фруктов. Среди этой роскоши обнаружились две девицы, лет на десять моложе меня. Они так искусно имитировали свое отсутствие, что я заметила их не сразу. — Встречайте новую сестрицу.

Две пары глаз впились в меня. Одна с любопытством, другая с недовольством.

Элл Жаб подтолкнул меня вперед.

— Давайте, девочки, создайте мне красоту. Ей вечером на поклон к нашему господину.

В воздухе повисло пугающее напряжение.

Элл Жаб довольно причмокнул и, изобразив поклон, покинул комнату.

Одну долгую минуту ничего не происходило.

— Здрасьте, — поздоровалась я.

Девушки оживились.

— Аделла, — представилась первая, с собранными в пучок кудрями цвета золота. — Семьдесят восемь дней.

— Флорин. — Шагнула навстречу вторая, разглядывая мой наряд. — Четыреста шестьдесят четыре.

— Анна. Дробь. — Сразу обозначилась я. — А что за цифры?

— Дни пребывания, — пояснила Флорин, чьи пепельно-русые свободными локонами спадали на плечи. — Я дольше всех.

— Значит, я представилась верно, — подытожила я, теребя рукав куртки. Этот жест был тут же замечен.

— Что это на тебе? — ухватила подол плащевки одна из девиц. — Дивная ткань.

— Парусина, пропитанная парафином, — предположила Флорин, заглядываясь на мою обувь.

— Зачем же делать его ярким? — не поняла первая. — Ты — лицедейка? А с волосами-то что? Чем ты их выбеливала?

Вывхватив плащевку, которую одна из девушек уже успела с меня стянуть, я скомкала ее в сверток и засунула подмышку.

— Руки прочь!

— Смотрите-ка, еще зубки скалит, — усмехнулась Флорин. — Тебе бы пыл поумерить. Строптивые здесь надолго не задерживаются.

Я нахохлилась. Надо же, как все сразу осмелели, когда фомор вышел из комнаты.

— Злоупотреблять гостеприимством Великого визиря в мои планы не входит.

— Решать не тебе. — Загорелая красавица отворила заднюю дверь хором и приказала: — Аделла, иди за полотенцами, я подготовлю комнату.

— Какую еще комнату? — не поняла я.

Златокудрая девица с гребнем-коронай смерила меня взглядом.

— Тебя надо хорошенько отмыть, элая Дробь. Раздевайся.

— Не-а, — Я теснее прижала к себе желтую ветровку. — Я еще не собственность вашего господина и прихоти его исполнять не намерена.

Бойкую Флорин мои слова не впечатлили:

— Я увидела много отчаянных душ, что были уверены, будто сумеют обмануть Великих визирей. Что как-то исхитрятся. Найдут, что предложить взамен себя. И знаешь еще ни у одной не получилось. Послушай меня внимательно и пойми: твоя судьба была предрешена в тот момент, когда ты дала согласие фомору. Единственное, что ты можешь сделать, это принять нашу помощь, и позволить привести себя в порядок. Это ничего не исправит, но, хотя бы, ты будешь чистой и перестанешь чесаться.

Я сдалась и позволила утащить себя в купальни.

Клубы пара вздымались к потолку. Аромат масел расплзался по воздуху. Жесткая мочалка вбивалась в кожу, сдирая верхний слой эпидермиса.

— Я ищу кое-кого. — Тело нежилось в горячей воде. Кто-то вспенил мыльную жидкость и нанес мне на волосы. Мелкие цветастые пузырьки взвились в воздух. — Ее зовут Клавдия.

Мне надавили на плечи, заставляя уйти под воду. Несколько секунд бескрайнего блаженства заструились по коже. Затекшие мышцы застонали от пережитого напряжения. Только сейчас я осознала, как же сильно продрогла в осеннем парке и извилистом подземелье лабиринта.

Я вынырнула.

— Может, кто из вас ее знает? Клавдия прибыла недель или месяцев назад.

Или лет? Время в разных мирах текло очень по-разному. Узнать наверняка я могла только у самой Клавдии.

Девушки перекинулись между собой многозначительным взглядом.

— Лучше бы она билась в истерике, — наконец выдала Флорин. Ее подруга кивнула. — И повод есть. Ты посмотри на этот оттенок. Волосы как пакля! По-моему что-то с прошлого раза еще осталось?

Флорин вскочила и побежала к ширмам. Аделла наклонилась ко мне ближе.

— Все новенькие в другой части дворца, — шепнула она. — Мы имен не запоминаем. Нет смысла, пока Великий визирь не вынесет своего решения. Но если он тебя одобрит, попадешь к младшему составу, к самым последним приобретениям.

Чтобы договориться с главным жабом, надо выяснить у Клавдии его тайны. А чтобы выяснить у Клавдии тайны, надо договориться с жабом. Чудесный замкнутый круг.

— И что нужно сделать, чтобы меня одобрили? — также тихо спросила я, поглядывая на ширмы. Босые ступни мелькали под звон стеклянных склянок.

— Кто бы знал. — Пожаловалась девушка. — Вкусы Луноликого были странными, но предсказуемыми. С новым правителем все иначе. Даже фоморы-собиратели не знают, чем ему угодить. А сам Великий визирь не торопится стянуть покров с этой тайны. Вот к нам всех и тащат без разбора.

— Меня не тащили. Я, вроде как, сама напросилась.

Аделла криво усмехнулась.

— Это ты так думаешь.

Флорин вынырнула с тремя бутылками.

— Кожа у нее совсем не ахти, — пояснила она. — Надо бы ее тоже отбелить.

— Черному... гм... Великому визирю нравятся смуглые. — Запротестовала первая. Пахучие масла заскользили по плечам, стекая на спину и плечи. Аделла уверенно растирала их по коже.

— Вовсе нет! — Флорин принялась втирать другое средство мне в волосы. — Он выбирает благородных. У новеньких у всех кожа, что парное молоко.

— А как же Ди? Не кожа, а чистая бронза!

— Наверное, принял ее за мартышку.

Златовласая блонди сдавленно хихикнула.

— Знаете, я могла бы сама себя помыть, — предложила я. — Вовсе не обязательно помогать.

— Приказ есть приказ. — Пожала плечами Аделла.

Слушать нелестные сплетни о других девушках мне совсем не хотелось. Поэтому я принялась забрасывать над вопросами. Толку оказалось мало. Девушки ничего не знали о тех, кто сумел покинуть дворец фоморов. Кого-то они видели после аудиенции, кто-то бесследно пропал. Куда отправлялись последние, было неясно. То ли навеки застывали в подземельях, то ли действительно уходили к своим возлюбленным. В последнее, впрочем, никто не верил. Как не верили и в рассказы элл Жаба. За предположение о том, что можно расторгнуть контракт, меня вовсе подняли на смех.

— Все дело в том, — авторитетно заявила Флорин, повязывая мне на голову шелковый платок, — понравиться ты ему или нет.

Я завернулась в халат и нацепила сандалии. Настроение стремительно опускалась к уровню абсолютного нуля.

Я не умела нравиться людям. Точно не с первого взгляда. Не то чтобы я была взбалмошной или оторвой, или с тяжелым характером. Просто не умела и все. Я скорее из тех людей, что нравятся со временем. Или остаются пустым местом, не стоящим внимания. В редких исключительных случаях, я порождала ненависть. Как у Клода. Он до сих пор немного меня недолюбливал, даже после того как я доказала, что не являюсь предательницей и спасла Центр.

Мы вернулись обратно в комнату.

Я устало опустилась на пуфик и спросила:

— Как он хоть выглядит-то?

— Кто?

— Великий визирь.

— Ты что, не видела? — у Флорин загорелись глаза. Я посчитала это плохим знаком. — Вы же пришли из главного коридора. Там вся преемственность правителей фоморов, начиная с восьмого века.

Я припомнила висевшие на стенах картины.

— О!

— В самом деле, не видела? Пошли, посмотришь!

— Как?

Девушка вытащила из складок платья ключ и в одно мгновение расправилась с замком.

— Иди, — разрешила Аделла, — я пока подготовлю гардероб. Тебе лучше заранее знать, с чем придется иметь дело.

Разнеженная и благоухающая цветами, я поплелась вслед за Флорин. Та уже унеслась в конец коридора, и восторженно замерла у дальнего портрета.

Значит, выглядят они как люди, — подытожила я, без особого интереса следя за сменой лиц на картинах. — Но, фомор, что привел меня, имел две ипостаси. Не исключено, что Великий визирь легко меняет одно лицо на другое.

Я остановилась рядом с Флорин. Посмотрела на картину, и поняла, что не могу оторвать взгляда. Девушка о чем-то увлеченно рассказывала. Меня тем временем поглотил белый шум.

— Это визирь? — слова дались не сразу.

— Не то, чего ты ожидала, да? — усмехнулась девушка.

Изображенный на картине напоминал прибывшего с запада иностранца. Белокурый, улыбочивый, с легким загаром. Совсем не та внешность, что ждешь увидеть у правителя замка, разместившегося в жарком климате. Его ясные светлые глаза, цвета бушующего торнадо, искрились смехом и молодостью. Я бы могла дать ему лет двадцать пять, если бы не знала, что истинный возраст человека на портрете совсем иной. Хотя, какой из него человек? Типичный лэйтарец.

— Значит, он тот, кто выставляет цену за желания? — С трудом выдавила я, чувствуя, как внутри медленно разгораются искорки истинной Избранной. — Это он вас всех здесь держит?

Аматри.

Аматри из Лэйтарии, что порабощает миры, лишившиеся божественной защиты. Агент империи Золотой оси. Самый молодой и вспыльчивый из всех Странников. Улыбочивый лорд, что пытался сдать меня совету на развоплощение.

Он был здесь. И он взращивал ростки магии заражения.

Я прикрыла глаза. Я смогу. Я справлюсь.

— Нет, — печально вздохнула девушка. — Уже нет. Это предыдущий Великий визирь. Луноликий принц Туманного архипелага. Мы его так звали между собой.

— Подожди, это предыдущий? — я завертела головой. — Кто же мог занять его место?

Зябко ежась Флорин указала на картину рядом.

— Его мы зовем Темным повелителем.

— 9 —

Флорин назвала его Темным повелителем. Я знала его под другим именем. Тинхе. Он же Странник, он же мужчина в черном, он же агент Империи Зла и неутомимый разрушитель миров. На его счету самое больше число загубленных жизней Избранных.

Он — Враг.

С большой буквы, ага.

Тинхе неистово презирал все что связано с богами, судьбой и Предназначением. Хранил личную ненависть к Клоду и был готов на все, лишь бы Центр перестал существовать.

Он так далеко зашел в достижении своей цели, что сумел переманить на свою сторону одну из Избранных, к которой металло-бог испытывал чувства, а затем, уговорил ее помочь стереть Центр из бытия. Я и сама оказалась частью его плана. Тинхе манипулировал мной, чтобы пробраться в стерильный мир. Все могло закончиться очень плохо, если бы вовремя не сработало Предназначение.

Последняя наша встреча закончилась тем, что он попытался забрать меня в мир Золотой оси. Очень уж хотелось темноволосому стратегу разобраться, действительно ли я полноценный носитель магии лэйтарцев или же очередная ложь старых богов. Плюс

(исключительно моя вина!), у него имелись подозрения (взращенные мной), что он мог пасть жертвой Предназначения и оказаться предначертанным романтическим интересом (а как еще его было убедить меня не убивать и не сдавать на опыты?) для Избранной номер сто сорок семь дробь два (в простонародье — Дробь). За все это я в итоге расплатилась тем, что влюбленная в Тинхе подручная вырубил его и забрала из распадающегося на куски стерильного мира, а меня оставила умирать.

Я до сих пор не знала, в курсе ли вечный мститель, что я жива. Знал ли, что Центр переродился, функционирует и в скором времени примет новый поток Избранных, изъятых с нашего богатого на таланты закрытого мира.

В любом случае, нахождение Тинхе в мире Клавдии было странным. Да, это часть его работы (хобби?), странствовать по оставленным богами мирам, находить Избранных, разрушать их Предназначения и подталкивать мир к неизбежной регрессии, чтобы позже предложить покровительство процветающей Лэйтарии. Тут все ясно. Действовать открыто он не мог, так как сущность мира тут же бы восстала против него (вспоминаем правила путешествий между мирами посредством магии). Поэтому логично, что Тинхе пришлось принять на себя личину визиря, чтобы оказаться ближе к Избранной, которую он собирался сбить с пути. Клавдию. Но... Какого черта тогда на картине рядом — Аматири?!

Присутствие двух лэйтарцев в одном мире настолько не укладывалось в голове, что я почти забыла, что мне надо бояться. А мне прям надо было. Не бездумно и иррационально, а очень обоснованно и целенаправленно. Я ни в коем случае не должна была пересечься с Тинхе в этом мире. Особенно теперь, когда у него против меня контракт на душу и душу моего затерявшегося в пути возлюбленного.

Ненависть Тинхе к Избранным рассчитывалась холодной непостижимой логикой и принимала жестокие обличия. Я близко Врагу неровня. Любая наша конфронтация обернется для меня катастрофой. Один щелчок пальцев, и я отправлюсь возглавлять колонну каменных статуй.

— Есть в нем что-то потустороннее. — Глаза Флорин заблестели, а голос наполнился сладостью экзотических цветов. — Картина всего не передает. Нет таких красок, что воссоздали бы магнетическую притягательность его ауры. В нем столько скрытой силы, — вздохнула она. — Под его взглядом немеют ноги, руки дрожат как осиновые листья, а сердце заходится как заводная игрушка.

— Ты описываешь симптомы пониженного гемоглобина и признаки нарушения работы сердца, — авторитетно предупредила я.

Все-таки я из продвинутого мира, Избранная и попаданка. Это значит, что не имея профессионального образования в какой-либо сфере, я просто обязана давать по ней советы. Особенно по экономике, политике и медицине.

Впрочем, Флорин моих прогрессивных идей не оценила.

— Поверь, когда ты с ним встретишься — поймешь, что мои речи не лживы.

Я ей поверила. Аритмия и гипервентиляция были обеспечены. Мужчина в черном стал главным действующим лицом в моих кошмарах.

Мне нужно выбираться отсюда. Срочно.

— У тебя есть ключи от комнаты, — осторожно заметила я, когда девушка повела меня обратно в отделанную шелками темницу. Пожалуй, я могла бы рвануть из дворца прямо сейчас. Но как далеко я сбегу в одном только халатике? — Как-то странно.

— Мы не узницы. А это не тюрьма.

— Звучит неубедительно.

Девушка пожалала плечами.

— Разве? Ты сделала свой выбор. Сама. Ты пришла в тот сад. Ты призвала силу богини. Согласилась пойти к Великому визирю в Белокаменный дворец. Да, сейчас у тебя нет ясности, ты сбита с толку новым местом и странными существами. Это пройдет. Будь уверена, все сомнения исчезнут, после того как великий Визирь проявит к тебе милость.

Я могла бы поспорить, но смысл? Если Флорин считала жизнь во дворце среди фоморов лучшей платой за ее любовь и душу, то кто я такая, чтобы не соглашаться?

— Ключи у меня потому что я негласная смотрительница. Приглядываю за новенькими, чтобы глупостей не творили, — протянула она с отчетливой интонацией «я знаю, что именно ими ты собираешься заняться». — Не печалься, долго следить за тобой не стану. Получишь аудиенцию у Визиря, дурные мысли голову покинут, сможешь беспрепятственно передвигаться по дворцу. Тогда и покажу твой новый дом. Подберем занятие по нраву.

— А если я пообещаю не делать глупостей, можно ли мне устроить экскурсию пораньше. Например, сейчас?

Я просияла самой обворожительно-безобидной улыбкой, на которую была способна. На Лёше и Атросе она иногда срабатывала. Может быть сработала бы и на Флорин, если бы девушка была забытой богиней.

— В халате и тапочках? — вскинула бровь темноволосая красавица. Женская натура оказалась посильнее истлевающей божественности. — Неприятности найдут тебя сами, Дробь Анна.

Я оглядела свой наряд. Шелковый халат доставал почти до щиколоток и приятно охлаждал кожу в преддверии грядущего полудня, но для разведки и спасительной операции подходил чуть меньше чем «нет».

Потребовалось некоторое время, чтобы успокоить себя и отговорить от необдуманных действий. Этого хватило, чтобы Флорин закрыла за нами дверь и убрала ключ. Краем глаза я заметила, куда именно она его спрятала.

— Так что случилось с луноликим принцем? — отстраненно уточнила я. Не то чтобы меня интересовала судьба Аматири, но на всякий случай, следовало бы знать, куда он отправился. Не хотелось бы на него наткнуться в самый ответственный момент. — Как его сместили с должности Визиря? Была дуэль или он просто сложил полномочия и свалил?

— Попридержи язык, — прошипела Флорин не хуже фомора. — Мало того, что глупая, так еще и бестактная. При Великом визире не смей подобного болтать. Помалкивай, глядишь и за умную сойдешь.

Ага, позволит мне Тинхе молчать. Аж два раза.

— Да в чем проблема? Луноликого принца больше нет. Визирь умер. Да здравствует Визирь!

Мне следовало знать, что цитату никто не оценит. Злобный взгляд и едкая тирада на мою попытку разрядить атмосферу — вот она награда.

— Фло, ну чего ты взъелась? — Вмешалась Аделла. — Она тут первый день. Манерам не обучена, традиций не знает. Да посмотри на нее, — махнула девушка рукой.

Я глянула в зеркало. Что ей во мне не так? Русые волосы, загубленные осветлителем, впервые за долгое время не выглядят как пакля. Корни отрасти еще не успели. Фигура почти в норме. Мешки разве что под глазами. Да и косметики я давненько не видела. Лицо изможденное. Взгляд усталый, потухший. А так-то выгляжу лучше, чем после обычной

сорокачасовой рабочей недели.

— Пропал он, — продолжила мастер комплиментов. — Темный повелитель нас много об этом расспрашивал. О том, чем Луноликий занимался в последние дни, чем интересовался. Но кто же нас станет посвящать в дела Великого визиря? Искал он что-то. Часто покидал дворец. А что и где, — девушка пожала плечами, — не нашего ума дело.

Что он искал Аматири? Не Клавдию же. Она была здесь, прямо перед его носом Странников в первую очередь интересовали Избранные и их магия, и уж потом все остальные блага мира.

Я плюхнулась на пуф и вдруг заметила пропажу.

— Эй, а где плащ? Где кофта? Где мои вещи? Где все?

Невинно затрепетали ресницы златокудрой красотки.

— Я их замочила.

Я издала невнятный звук.

Все-таки сбегать предстоит в халате. Нет, я не в обиде. Стоило догадаться, что предстать перед Великим визирем мне не позволят в порванных и запачканных шмотках. Хорошо хоть не выбросили.

Вещи, найденные в карманах, Аделла разложила на коврик. Под ее скептическим взглядом, я смела ладонью оставшиеся рубины, соль и затесавшееся синее перышко в мешочек.

Все еще недобро поглядывая, Флорин всучила мне сверток с новой одеждой. Обеспокоиться о размерах я не успела, так как выданный наряд мало чем отличался от того же самого халата. Подол до пола, размах складок, цветочный принт и пояс вокруг талии. Поверх всего прилагались неброские украшения. Воспользовавшись помощью с облачением в наряд, от блестящих безделушек я мастерски уклонилась.

Нет уж. Никаких сережек и ожерелий. Хватит. Блонди как-то мне такое нацепила, так я полмесяца потом билась за собственную свободу. Это если умалчивать о том, что я постоянно цеплялась украшениями за ручки дверей и всевозможные крючки. А сколько тканей полегло в затяжках! Мне, конечно, не жаль богатств всяких иномирных захватчиков, но сердце сжималось при мысли о том, как легко погибают в моих руках прекрасные вещи.

— Спрашиваю исключительно ради праздного интереса. Где комнаты других новоприбывших? К примеру, вот выйду я в галерею с картинами. Куда дальше?

— В настойчивости тебе не откажешь, — с каплей уважения в бочке неодобрения заметила Фло. — Первый и последний раз, Дробь Анна. Все важные разговоры в приличном обществе Туманного архипелага ведутся либо во время купаний, либо прогулок, либо трапезы.

Я оценила все количество шнуров и завязок на новой одежде.

— Кто хочет прогуляться до комнат других новоприбывших?

Вопрос был принят холодным равнодушием.

Златовласая Аделла неохотно потянулась с раскиданных по полу подушек. И на недовольный взмах веера Флорин пояснила:

— Время пришло.

Поднявшись, Аделла скрылась за другой дверью. Не той, что вела в купальню. Спустя минуту комната наполнилась приятными ароматами. Девушка вернулась и приступила к сервировке низенького столика, наполняя его маленькими чашечками и блюдецками.

Лениво обмахнувшись веером, Флорин неохотно обратилась ко мне:

— Ты не глазами хлопай, а смотри, как и в каком порядке она все расставляет.

— А, чего?

— Важные разговоры, трапеза, аудиенция у визиря, — перечислила она. — Помнишь?

— Что?

Ребра веера стукнулись о ладонь.

— Аудиенция — это вечерняя трапеза, на которой тебе предстоит прислуживать визирю.

Я задохнулась в праведном возмущении.

То есть, я еще и не поужинаю?

Потом задохнулась в менее праведном, но более мелочном возмущении.

Черта с два я буду кое-кому прислуживать за столом!

Острый угол веера ткнулся мне в бок. Я не выдержала и высказала все, что думаю о малолетках, злоупотребляющих потенциально опасными аксессуарами восточного гардероба. Наверное, меня хватило бы на долгую лекцию с неакадемическими вставками, если бы не Аделла со своими вкусами у моего носа.

Запах чего-то пряного заставил меня заткнуться и уставиться на свою тарелку. Чашечки с напитками последовали одна за другой. Аделла заговорила о порядке подачи. Вкусы наполнили рот. Негодование растворилось, уступая место приятной наполненности.

Готова признать, это работало. Принятие благоухающей пищи расслабляло. Постепенно градус напряжения снизился. Мы перешли к легкой беседе. Наложницы разговорились, а я перешла к другим вопросам.

— Есть причины, почему его зовут Темным повелителем? Ну, помимо очевидного.

Аделла подперла рукой подбородок, закинула в рот угощение.

— Прежде чем появляется он, приходит его тень.

Я не помнила подобных спецэффектов у Тинхе в Лэйтирии. Наверное, это у них новая мода или же, учитывая безразличие Странника к тенденциям высшего света, признак дурного вкуса.

— Тень, как что-то иносказательное? Или прям тень?

— Угу, — подтвердила Аделла. — Прям тень. Комната погружается в темноту, из углов выползает мрак, а вслед за ним, будто бы из ниоткуда, появляется Он.

— Точно? В полной темноте как можно понять, что он появляется?

— Вот ты неуч, Дробь, — с ленцой в голосе откликнулась Флорин, нежась на подушках. — Не полная же тьма наступает. И появляется он не из ниоткуда, — это она уже златовласой.

Насытившись, я тоже откинулась на подушки. Девушки вступили в малоинформативный спор. Я пыталась в него вслушиваться, но все меньше и меньше улавливала суть. На мгновение (клянусь, всего на одно!) я прикрыла глаза.

И вырубилась.

Хотела бы я свалить все на коварно подмешенное снотворное, но факт остается фактом. Бессонная ночь, отходняк от яда, стресс, горячая ванная и сытный обед подкосили меня в два счета.

Очнулась я, когда солнце безжалостно ползло к горизонту.

Как оказалось, я не единственная, кто наслаждалась полуденной дремой. На соседней софе придавалась сну Флорин. Аделла свернулась калачиком на подушках. Послеобеденный отдых — часть культуры во многих странах с жарким климатом.

Что ж, пора действовать.

— 10 —

От точки «А» до точки «Б» я добралась без проблем. Даже больше, чем без проблем. В одном из коридоров меня поймали два стражника-фомора. Особо не разбираясь, они сами притащили меня к нужному месту, что-то пробормотав о том, что начальник не в духе и все-таки проверяет. Зашвырнули в очередные комнаты-хоромы. Я не сопротивлялась. Выказала благодарность, что помогли забывчивой потеряшке, и смело шагнула в залы, предназначенные для служанок-наложниц.

— Извините, дамы. Можно секунду вашего внимания?

Девушки в цветастых нарядах под стать моему, сидели группками по разные стороны от небольшого бассейна в центре зала. Мое появление ни у кого не вызвало особого впечатления, его попросту проигнорировали. Наложницы занимались своими, очевидно, очень важными делами. Переплетали друг другу косы, выстраивали прически, украшали волосы цветами, расписывали кожу странными красками.

Навскидку, Клавдии среди них не было. А должна была! Странник бы ни за что не заколдовал бы ее в камень. Избранные — важный ресурс Лэйтарии. У них целые празднества проводят в честь отречения Избранных от их Предназначения.

Одна из девиц сидела на краю купальни-бассейна и болтала ногами, вспенивая розовую воду и играя с плавающими лепестками цветов. Я обратилась к ней.

— Эй, я ищу девушку по имени Клавдия.

Наложница от неожиданности дернула ногой. Капли мелких брызг упали мне под ноги. Я опасливо отодвинулась. Не хотелось, чтобы следующая «случайная» волна окатила меня сверху донизу.

— Я — новенькая. Зовусь Дробью. Клавдия моя подруга.

Реакции не последовало. Я почесала подбородок, вспоминая основные принципы попаданства.

— Знаешь, может она и не Клавдией представилась. Кто оставляет свое имя если можно выбрать любое другое? Хотя, если оно красивое... Клавдия. Клав-ди-я, — протянула я. — Кто-нибудь с именем Лав или Ди? Или просто со странным именем. Сама понимаешь.

Наложница не понимала. Или очень искусно делала вид, что не понимает.

— У нее очень необычная внешность, — отчаялась я. Время-то поджимало. Флорин вот-вот проснется или время аудиенции настанет. — И говор странный. Наверное, как у меня. И поведение странное. Опять же, как у меня.

Молчаливая купальщица стрельнула глазами в сторону одной из дверей и покачала головой.

Ага, вот она реакция!

— О, поняла.

Я рванула к указанной двери. И знаете, ни фигя я, оказывается, не поняла.

Иногда я бываю до ужаса невнимательной и непонятливой. Обычно в самый неподходящий момент. И дело не в том, что я совсем дуб дубом в оценке ситуаций. В Центре нас учили полагаться на интуицию (которая появлялась вовсе не с бухты-баракты) и доверять чувствам. Это работало, если Избранная действовала согласно своему Предназначению. И это теряло абсолютно какой-либо смысл, если в мире присутствовал хоть один представитель Золотой оси.

Итак, без стука я дернула ручку и распахнула дверь. Аккурат с такой траекторией и скоростью, чтобы лоб в лоб столкнуться с мощной фигурой монстра.

Знакомые жабы глаза остановились на мне. Щеки с прожилками раздулись в негодовании. Несколько долгих секунд фомор смотрел на меня не моргая, а потом раздвоенный язык мазнул по губам:

— Ты! Тебя с-здесь быть не долж-жно!

— А вам не идет лож-жная ш-шепелявость, — передразнила я, заглядывая монстру за плечо. Позади лакея-перевертыша виднелась рыжая шевелюра знакомой Избранной.

Победа!

— Кто это? — Девушка привстала, чтобы подойти ближе и лучше меня разглядеть.

— Не твоего ума дело. Вс-сего лиш-шш-ь оч-чередная статуя в гроте!

Клавдия охнула. Мощная лапа отпихнула ее. Пугаясь в драпировке платья, девушка повалилась на низкий столик. Сушеные лепестки цветов посыпались на отполированный до зеркального блеска пол.

— А ну иди сюда, мелкая...

Захлопнувшаяся дверь перед носом разоряющейся твари не позволила дослушать исторгаемые им эпитеты в мою честь. Что-что, а резко хлопать дверьми я умею.

Не соображая, я рванула к выходу. И надо было мне в тот самый момент поскользнуться на луже, что осталась у бассейна!

«Ведь знала же, что она здесь», — успела подумать, запинаясь о бортик и ласточкой ныряя вниз. Вода булькнула надо мной, застилая волной лепестков роз. Неожиданный вес опустился на плечо. В отчаянной панике я потянулась вверх, но нога молчаливой наложницы пихнула меня на дно.

— Где она?! — сквозь толщу воды донесся рык. — Где эта бестия?!

Через небольшие проплешины пены и алых лепестков, я видела, как фомор рыскает краснющими глазами по купальне, но натывается лишь на пустые глаза запуганных невольниц.

Нога соскользнула по дну. Я заскребла ногтями по плитам, сопротивляясь воде, выталкивающей меня обратно на поверхность. Колыхающаяся вода отразила искривленную рожу недодемона. Злобный взгляд жабы застыл на прозрачной поверхности. Аккурат на том месте, где среди пены и лепестков покачивались оборки моего платья.

— Куда она побежала?

Если бы кончающийся кислород не жег мне легкие, я бы точно забыла, как дышать.

— Безмозглые йутулки! — рыкнул Жаб, разворачиваясь на когтистых лапах.

Туша поплелась к выходу. Взмахом крыльев фомор резанул по стене. Каменное крошево полетело вниз. Как только дверь захлопнулась, я вынырнула из воды. Сквозь жадные глотки воздуха я кое-как поблагодарила молчаливую наложницу. Та лишь дернула плечом.

Здраво рассудив, что вряд ли фомор вернется сюда в ближайшее время, я под звуки капающей воды, пошлепала обратно в комнату Клавдии. Что ж, целых сорок минут я была красивая, причесанная и ухоженная. Теперь я — вновь я.

В этот раз я постучала в дверь. Это уже не имело смысла, но я постучала. Подождала целую секунду и вошла.

Избранная ползала по полу, собирая разбросанные кусочки цветного мусора. Что-то пугающе-покорное читалось в ее движениях. Это совсем не тот образ силы и уверенности, что ореолом висел над Клавдией в Центре. Уныние, тишина и апатия — вот, что я

выдавалось в сгорбленной спине, опущенных плечах и безвольном лице.

— Клавдия, — позвала я, мимоходом разглядывая еще одну купальню с высокими потолками и резными стенами.

Избранная разжала ладонь, разглядывая подобранный обломок сухой веточки.

Придерживая мокрый подол, я опустилась рядом. Девушка не стала возражать, когда я принялась подбирать разбросанные лепестки, бусинки и прочую мелочевку, будто бы украденную из гнезда вороны.

— Меня зовут Дробь. Я искала тебя. Мне очень нужно с тобой поговорить.

Клавдия положила находку на высокую подставку (пюпитр?), и обратила на меня взор карих глаз.

— Я тебя раньше не видела. — Молвила она и без особого интереса уточнила: — Кто ты?

Я замялась. Уже приходилось рассказывать одной Избранной, о себе. Это обернулось плохой историей. С тех пор не спешу вываливать встреченным Избранным всю подноготную про себя и Центр.

— Друг. Я хочу помочь тебе выбраться отсюда. И себе. Нам обеим.

Клавдия подошла к мраморному пюпитру с холстом, тонкими пальцами подцепила изящную сухую веточку — одну из поднятых с пола, мазнула по ней кисточкой с клеем и пристроила в углу картины. Кажется, она мне не поверила. Да я бы тоже себе верить не стала.

— Зачем мне выбираться отсюда?

— Чтобы исполнить Предназначение, найти любовь, спасти мир и дальше по тексту.

Наверное, мне надо готовить более вдохновляющие и информативные речи. Но я промокла насквозь, сердце бьется в панике, а время уходит быстрее, чем деньги с зарплатной карточки.

— Я уже нашла свою любовь.

Судя по тону и пустому лицу, нашла она не любовь, а баночку успокоительного и пачку антидепрессантов.

— Отлично! Осталось только мир спасти и вернуть мне артефакт.

Мой энтузиазм не зашел. Что странно, поскольку Избранные обычно более эмоциональны и подвижны. Клавдия же едва находила силы со мной говорить.

— Ты мокрая, — проинформировала она меня таким тоном, будто бы предполагала, что я могла этого не знать. — За портьерами, там, где ширмы, есть стеллажи со сменной одеждой.

Я едва ли не топнула ногой от негодования. Она меня совершенно не слушаа.

— У меня нет времени размусоливать разговор на несколько часов. Коротко — я собираюсь помочь тебе, но сначала ты должна помочь мне. Расскажи что-нибудь важное о визире, чтобы я могла нас спасти. Звучит безумно, но дела обстоят так.

— Если ты переоденешься — простудишься, — ответила та, выискивая погрешности в своем рисунке-аппликации, над которым она так усердно трудилась, продолжая приклеивать всякий кусочки мусора к холсту.

Я потеряла виски.

— Хорошо, переоденусь, — согласилась я, передавая девушке переломанные лепестки засохших цветов, — а ты расскажешь, что такого важного в этой картине, что ты не можешь от нее оторваться даже ради спасения собственной жизни.

Неопознанное творение Клавдии представляло картину с расположенными на нем семенами, листьями, перьями и травой. Возможно, по завершению, это бы превратилось в прекрасную и наполненную смыслом картину, но пока я видела лишь разрозненные частички хлама, что в прежней жизни я еженедельно выскребала из квартиры и выбрасывала в мусорное ведро.

— Ошибана.

Это она про меня?

— Что? — вежливо уточнила я.

Клавдия указала кисточкой на картину.

— Это ошибана.

— Икебана? — предложила я более знакомое слово.

— Ошибана.

— Это существительное или глагол?

— Это искусство.

— Ага, тот еще талант.

— Это настоящий вид искусства. — В голосе впервые появился намек на активную эмоцию. Ту, что заставляет злиться и сопротивляться. — Искусство создания картин из природных материалов.

Потрясно, мне попался человек с тонкой душевной организацией.

— Я так сразу и поняла, — хмыкнула.

Девушка не ответила, продолжая выстраивать одну ей понятную схему из цветов. Я покосилась на ширму. Мне правда нужно сменить одежду. В мокрых тряпках далеко не убежишь. Да и следы легко найдут по лужам.

Я медленно выдохнула и направляясь к ширме.

— Эй, тут нет сменной одежды. Только халаты.

— Конечно, — подтвердила Клавдия. — Это же не гардеробная, а внутренние купальни.

Но ты мокрая и другого выбора у тебя нет.

Несколько минут я колебалась, таращась на заполненные полки. Передо мной встала давняя проблема общественных пляжей. Обычно в ней фигурировал купальник и отсутствие нормального места для переодевания. В нынешней ситуации переменные слегка изменились. Пришлось решать: снять абсолютно всю одежду и ходить голой под халатом или снять только верхнюю одежду, оставив нижнее белье, которое намочит шелковый халат в самых пикантных местах.

Стандартные Избранные сталкиваются с проблемами выбора между красивым и очень красивым мужиком, мои же проблемы выглядят именно так.

Я выжала мокрую одежду и развесила ее на ширме. Во дворце, нагретом жарким солнцем, вещи должны сохнуть быстро. В купальнях одни девочки, стесняться нечего. Когда пойду дальше, натяну обратно немного подсохшее белье.

Я завернулась в самый длинный и самый плотный халат, что разыскала.

— Итак, — выглянула из-за ширмы, — что же особенного в этой ошибане?

Девушка показала зажатую между пальцами бусинку.

— Видела такую?

Я подошла ближе, чтобы разглядеть самую обычную на вид бусинку.

— Да, одна где-то тут валялась.

— Смотри. — Клавдия вытянула руки вперед, скрестила указательные пальцы и

пробормотала: — Вижу тебя.

Красная блестящая нить, роняя пыльцу из света, поползла из ее рук. Метнулась к лавке и поползла к стене. Я следила за магией, как замороженная. Девушка вышла из-за пюпитра и последовала за нитью. Подняла портьеру, в которую упиралась поисковая стрелочка и вытащила из-под нее голубую бусину.

— У тебя есть Дар! — обрадовалась я. — Ты не отдала его жабодемону. Ты можешь колдовать!

Магия — это хорошо. Добавляет шансов к удачному побегу.

— Я называю ее Путеводной Нитью.

— Что ты еще умеешь? Огненные шары метать? Может летаешь?

На красивом лице вспыхнул румянец смущения.

— Все.

— Все? — Я не верила своему счастью. — Ты можешь наколдовать все что угодно?

Вот это Лёша молодец. Не поспешил.

— Нет же. — Смущение сменилось досадой. — Это все что я могу. Находить мелкие вещицы. И то, если у меня есть их подобие, дубликат или какая-то часть. Поэтому я сижу с этой «картиной». Потому что это все, на что я способна.

Вот откуда столько апатии. Клавдия оказалась в прекрасном волшебном мире, но с Даром, в котором она не видела потенциала.

— Когда я оказалась здесь, то подумала, что я особенная. — Продолжила девушка, уловив некоторое разочарование с моей стороны. Честно говоря, я тоже надеялась, что в ее арсенале способностей будет нечто весомое. — Знаешь, вроде Избранной. В этом мире есть понятие Избранной? Спасительницы? Я думала, что у меня есть какая-то великая миссия. Как ты и сказала. Спасение мира, представляешь? Только это не так. Не знаю кто ты и почему тебе нужна именно я, но, пожалуйста, оставь меня в покое и уходи. Я не тот, кто тебе нужен.

Так, некоторые подсознательные воспоминания у нее остались. Это хорошо. С этим можно работать.

— Клавдия, ты обладаешь очень могущественным Предназначением, — попыталась я скопировать интонацию Клода. Павшая духом Избранная мне не поможет. — Тебе только кажется, что все идет наперекосяк. Твои дурные мысли — это морок Врага. Просто абстрагируйся от эмоций и поймешь, что любая проблем тебе по плечу.

Мне казалось это прозвучало достаточно пафосно, чтобы мотивировать, но Клавдия услышала что-то вроде «у тебя депрессия? Так ты просто не думай о плохом!».

Девушка склонила голову, и россыпь кудрявых локонов опустилась на недоделанную работу.

— Правда? Думаешь это пустые выдумки? Попытайся представить, Дробь. Знаю, что сложно, но попробуй. Представь, что ты случайно попала в другой, совершенно незнакомый мир, с совершенно бестолковым даром, без малейшего понятия, зачем ты здесь. Ты одна. Без друзей. Без родных. Более того, мужчина, которому ты предназначена как великая любовь и судьба, скорее всего, заточен в каменную статую. Ах да, — легкая горечь пополам с досадой, — еще твоя жизнь зависит от прихоти таинственного Темного повелителя, что едва удосужился задать тебе пару вопросов, а потом и вовсе забыл о твоём существовании. Представила? А теперь скажи, что, по-твоему, может быть хуже этого? Не можешь? Тогда тебе не понять, почему я сижу здесь и не трачу время на глупости незнакомки.

А вот тут мне как раз было чем крыть.

— Погоди-погоди. Гипотетически я могу представить кое-что хуже. Например, если ты неслучайно попала в другой, относительно незнакомый мир. У тебя есть очень могущественным дар, и ты знаешь, что конкретно должна сделать, но у тебя нет ни малейшего шанса свершить задуманное. Ты не одна. Есть Враг, который не совсем человек, и которому ты точно не предназначена никаким местом (хотя возможно не раз говорила ему об обратном), но он здесь и заточить его в камень не представляется возможным. А встреча с условно таинственным Темным повелителем не обойдется парочкой вопросов, а превратится в допрос с пристрастием. Шансов, что он забудет о твоём существовании, нет совсем. Ну, что скажешь?

Уголки губ Клавдии дрогнули.

— Скажу, что фантазия у тебя есть. Но... черт!

Я вздрогнула. Яркое солнце неожиданно скрылось за тучами. Комнату накрыла мягкая темнота. То есть, я решила, что дело в солнце и тучах. Как иначе объяснить, что резко потемнело, а по белоснежному мрамору комнаты поползла тень?

Я глянула в окно. Небо оставалось светло-голубым, лишь самую чуточку багровея к западу.

— Что за ерунда?

— Темный повелитель вернулся.

— 11 —

Клавдия неловко всплеснула руками, рассыпая только что собранные материалы для ошибаны.

— Он идет сюда!

— Зачем? — переполошилась я. — Что ему от тебя нужно?

— Не знаю. — Растерянность смешалась с привкусом надежды. — Ходили слухи, что он интересуется изменениями в ткани реальности. Ищет следы неестественных порталов. Он мог что-то найти и связать это со мной, потому что... — Клавдия неловко замолчала.

Она не сказала напрямую, что пришла из другого мира. О таком не треплются с первым встречным. Я не сказала, что знаю ее тайну. Умолчала и о том, что те самые возмущения реальности, скорее всего связаны со мной.

Или не связаны? Про неестественные порталы я слышала впервые.

— Черт, мне надо спрятаться!

Из общего зала с купальнями донесся какой-то шум.

Он уже здесь. Так быстро!

— Почему? Это часть отведена для наложниц, здесь всем разрешено находиться.

— Не всем! Не мне! — Запаниковала я, обводя взглядом гладкие мраморные колонны и резные стены зала. Купальни не предполагали мест для игр в прядки.

В пустой надежде я метнулась к портьерам, выискивая скрытые двери, ведущие в другие комнаты. Двери, как будто устроив заговор против меня, отказались появиться в нужном месте. Зато шкафы с халатами, шлепками и полотенцами устроили на целенаправленную охоту.

Клавдия удивленно следила за моими метаниями.

— Здесь всего один выход.

Я затравленно оглянулась, примечая резное окно. Оно не запиралось на защелку. Я

дернула створки. Прохладный бриз ворвался в наполненную полумраком комнату. На мгновение я бросила взгляд за стены дворца. Огромные зеленые холмы уходили до самого горизонта. Внизу бежала река, заканчиваясь грохочущим шумом водопада.

Слишком высоко, чтобы прыгать.

— Он не должен увидеть меня такой!

— Какой

Гомон за дверьми и уверенная поступь сигнализировали, что Темный повелитель вот-вот ворвется в зал.

Клавдия встала из-за пюпитра, готовясь приветствовать Великого визиря.

«Какой? — задалась я вопросом. — Растрепанной, нервной и незащищенной. Испуганной и безоружной. В одном халате! Нет, единственный приемлемый вид, в котором я готова встретиться с Врагом, это тот, где я полностью одета, с мечом наголо и нормально работающей магией наперевес».

Дверь распахнулась.

В отчаянии я юркнула за ширму. За ту самую, на которой сушились мои шмотки. Размытая роспись витражей слилась с алыми бутонами ткани, делая меня частью интерьера. Затаив дыхание, прижалась к тонкой прорези.

— Элая Клавдия.

Враг вошел в комнату.

Скользкий полумрак в то же мгновение потянулся к его темной фигуре.

Мужчина прошел несколько шагов и замер напротив взволнованной Избранной.

Он несколько не изменился. Разве что сменил плотную ткань формы Странника на легкие штаны-шаровары, подпоясанную ассиметричную рубашку. Хотя остался верен перчаткам. Конечно же, черному цвету он тоже изменять не стал даже в такой жар. Я понадеялась, что жгучее солнце и температура, зашкаливающая за тридцать пять градусов, не оставили без внимания его вызывающий стиль «Алладина-ниндзя».

Вслед за Великим визирем в зал просеменил уже знакомый фомор элл Жаб. Вновь в форме человека преклонного возраста.

Клавдия склонилась в неловком поклоне.

— Мне больше нравится, когда меня зовут Диа, Великий визирь, — смущаясь, вымолвила она. — С этим именем я лучше вписываюсь в местный колорит.

— Конечно элая Диа, я понимаю.

Тинхе произнес это без какого-либо намека на иронию. Отточенная интонация поражала своей заранее продуманной жестокостью. Ведь я знала, что в случае успеха миссии Странника, Избранную заберут в Лэйтарию, где вместе с Предназначением лишат имени, оставив девушке безликое звание рабыни — лэй.

Клавдия же приняла снисхождение к своей просьбе за проявление благосклонности от повелителя фоморов. Зря. У Тинхе рука не дрогнет отправить юную девушку на ритуал расщепления.

— Спасибо, Великий визирь.

Мужчина в черном величественно кивнул, а после, с явным недовольством обратился к мнущемуся у дверей прислужнику.

— Элл Кхрим, есть веская причина, по которой ты нарушаешь уединение моего визита к элае Дие?

Фомор-перевертыш, вытянувшийся в струнку как заправский солдат, согнулся в

глубоком поклоне.

— Простите, что прерываю, Великий визирь, но вы приказали незамедлительно докладывать, если с артефактом богини Незримых путей произойдет что-то необычное.

Мужчина будто бы на секунду задумался.

— Действительно, приказывал.

Тинхе встал вполоборота, и я пожалела, что размытые витражи ширмы мешают разглядеть выражение его лица. Мне внезапно захотелось уловить ту самую незримую ауру, что заставила гордую Флорин и внимательную Аделлу склониться перед обаянием мужчины в черном, а Клавдию вынырнуть из пучины депрессии и засиять искренней улыбкой.

— Элая Диа, мне жаль, что приходится так неожиданно прерывать нашу долгожданную встречу, но дело касается долга, чести и блага государства.

Красиво заливаешь! — восхитилась я чужому лицемерию.

— Не оставите ли нас ненадолго? Не думаю, что это займет много времени. А после я бы хотел продолжить наш разговор.

— Как я могу вам запретить, Великий визирь? — пролепетала Клавдия, будто замороженная.

Избранная еще раз поклонилась и покинула зал. Я была на сто процентов уверена, что наложница забыла о моем существовании и погрязла в девичьих мечтах.

— Итак, — Темный повелитель кивнул прислужнику. — Артефакт.

Я затаила дыхание.

Ладно, не досталось мне в свое время лавр Избранной. Но неужели это произойдет сейчас? Я получу то, о чем так долго мечтала! О чем читала в стольких книгах. Грезила наяву. Да. Да! Это он. Случайно подслушанный разговор! Прямо как по учебнику Избранных. Я-то думала мне такое уже не светит, но вот, это произойдет прямо сейчас. Настоящий подслушанный разговор, что откроет мне страшную тайну!

Если, конечно, Тинхе не знает, что я его подслушиваю и нарочно ведет разговор, чтобы я его подслушала, чтобы вынудить меня потом сделать что-то, что я никогда бы не сделала, если бы не подслушала. А, плевать. У меня будет свой секретный случайно подслушанный разговор!

— Его похитили, мой повелитель, как вы и предполагали. Я наблюдал за вором, но особо ему не препятствовал, как вы и приказали.

А?

— Расскажи о воре подробней.

Фомор принялся описывать элла Красного Платочка.

«Это не секретный подслушанный разговор, — расстроилась я. — Не может разговор считаться секретным, если я знаю о его содержании. Да что там, знаю гораздо больше, чем мог поведать фомор».

— Что еще за девушка?

Я встрепенулась, когда жабодемон упомянул меня.

— Ничего особенного, мой повелитель. Необразованная, глупая, хамоватая йутулка.

— Она могла быть в сговоре с вором?

— Не думаю, мой повелитель. Обычное совпадение. Элая пришла за даром богини и заключила договор.

Тинхе немного помолчал. Проследовал к столику Клавдии и сосредоточил внимание на ее творении. Возможно, он чуть больше разбирался в искусстве культур разных миров,

потому что в картине из засушенных листьев разглядел какую-то подсказку.

— Это ее пришлют на вечернюю аудиенцию?

— Да, мой повелитель. Ее зовут Анна.

— Анна? — переспросил Тинхе. — Непривычное имя для наших краев.

— Она не из благородных, мой повелитель. Замарашка из провинции. Про фоморов ничего не знает. Совсем из дремучих мест приехала.

Тинхе поднял со стола Клавдии какой-то мелкий предмет. Мне показалась, что это та самая бусинка, которую Избранная нашла с помощью магии. Странник повертел ее в руках, что-то прикидывая.

— Расскажи подробнее об этой Анне.

У меня совсем чуть-чуть перехватило горло.

Элл Кхрим принялся пересказывать события прошлого дня. В его интерпретации они разительно отличались от того, что запомнила я. Например, в версии жабоморда, я была злобной невоспитанной хамкой, которую он к прискорбию своему пожалел, и, после моих долгих и слезных уговоров, согласился дать шанс пойти на услужение к Великому визирю. О чем сейчас Элл Кхрим безмерно сожалеет и умоляет достойнейшего из достойных повелителей фоморов о снисхождении к жалкой мне, и просит не тратить время, а сразу позволить наложить на меня каменное проклятье.

Вот же злопамятная рожа! Потерял меня и теперь вовсе хочет списать со счетов!

— Мог ли неизвестный похититель быть связанным с этой девушкой иным способом? — внимательно выслушав, спросил Тинхе. Я наострила уши. — Узами богини.

— Никак нет, мой повелитель. Богиня не открыла ей истинный лик, она повела ее Незримым путем. Позвольте уберечь вас от проклятья и закончить жизнь этой недостойной девицы.

Ась?

Я напряглась. Если Тинхе согласится, фомор выловит меня и без всяких сожалений обратит в статую. И буду я томиться в подземельях веки вечные. Если же нет, то на вечерней аудиенции Тинхе слова не даст сказать. Разорвет контракт, сгребет в охапку и закинет в один из завоеванных миров Лэйтирии, где меня препарируют как лягушку.

Черт, мне надо срочно как-то закрепить себя законом этого мира.

— Что ж, элл Кхрим, у тебя большой опыт. Полагаю, в этом вопросе я могу тебе доверять.

Тинхе в очередной раз подписал мне смертный приговор.

— Благодарю, мой повелитель.

Вот если бы моя магия работала! Та самая магия, которая не может вернуть меня в Центр только потому что мои действия идут вразрез с правилами мира Клавдии. Мира, из которого я не могу уйти из-за магического договора. Договора с великим визирем, в жилах которого течет та же магия, что и у меня...

Минутку. Ха!

— Если ты считаешь, что девушка не стоит моего времени...

Закончить предложение Враг не успел.

Под грохот падающей ширмы, как под занавес, на сцену вышла я — прекрасная Избранная, которую в шестом классе не взяли в драмкружок. Правильно, в общем-то, сделали. Я всегда отчаянно переигрывала.

На секунду в комнате повисло гробовое молчание.

Что ж, опять отыгрывать спектакль мне.

— Любовь моя! — раскинув руки, я бросилась в объятия к Тинхе. Скромные такие объятия. Видимо кто-то не читал сценария и оттого застыл на месте, как черный соляной столб. — Ты нашел меня!

Три долгих пугающих секунды Великий визирь не шевелился и, кажется, даже не дышал. Мужское тело, стиснутое в моих объятиях, застыло в напряжении. Сначала я собиралась броситься к Врагу на шею, но побоялась, что руки нет-нет, да и сожмутся в удушающем захвате.

Итак, Тинхе не обнял меня в ответ. Я не стала принимать это на свой счет. Предпочла думать, что он один из тех типов лэйтарцев, что стесняются открыто демонстрировать свою любовь ко мне.

— Дробь? — едва слышно прошептал Странник.

Я прижималась к нему так тесно, что могла чувствовать стук его сердца. Ох, это прекрасное мгновение его шока! Жаль, что прошло слишком быстро.

— Что. Ты. Делаешь? — Шепнул он у самого уха.

— Вписываю себя в рамки существующего мира, — так же тихо ответила, продолжая вжиматься в мужчину, будто это как-то могло защитить.

— Я чувствую тебя, — очень, очень ровным голосом произнес Тинхе. Тектоническая плита не смогла бы сказать это более бесстрастно.

Что?

С запозданием на несколько секунд мозг подкинул три факта: на мне тонкий халатик; я крепко стискиваю Тинхе в объятиях; на нем такая же легкая ткань, через которую ощущается все, а мое белье осталось валяться под ширмой.

Что ж, не время сторгать со стыда. Смена действий. Акт второй.

Я отпрянула назад, прижимая руки к груди, но не выходя из роли актрисы драматического театра:

— Вот чей истинный лик показала мне богиня, когда я попросила ее о встрече с возлюбленным! Судьба свершилась!

Где-то на периферии у жабодемона случился сердечный приступ. Ну или что-то очень на него похожее. Глазки выпучились, лицо пошло красными прожилками. Вот кто умеет подыгрывать. Его можно брать в напарники на импровизацию.

— М-мой повелитель, прошу простить, я с-сейчас-с же от нее избавлюсь.

На этот раз фомор заикался абсолютно искренне.

Враг кинул взгляд через мое плечо на бледнеющего и краснеющего жаба.

— Та самая элая Анна, я полагаю? — Идеально выверенный баритон: мягкий, утонченный бесстрастный.

Привратник нервно кивнул.

— Да, мой повелитель.

Тинхе глубоко вздохнул.

— Ну здравствуй, любовь моя.

За дверью сдавленно охнула Клавдия.

— 12 —

Аудиенция все же состоялась.

На той самой открытой площадке, среди раскинутых садилов зелени, резного белого

камня, журчащих фонтанов и, казалось, полсотни шелковых подушек и расшитых золотой нитью ковров.

Избранная и Враг.

Я старалась держаться равной ему.

Что было сложно, поскольку за ним стояли сила, опыт и целая Империя. Да что там, судя по рассказам наложниц, одной ауры хватало, чтобы подавить любое сопротивление. Я же могла противопоставить опасному противнику только одно — чувство собственного достоинства.

Неважно, что я в халате и с влажными волосами, высыхающими абы как, разливаю по чашкам напитки, а он аки черный шейх, восседает на своем троне из подушек. Это не повод для потери силы духа. Если верить опыту мудрых женщин, то неуверенная в себе девушка будет чувствовать себя ужасно в самых дорогих и модных нарядах, а уверенная и в мешке от картошки останется королевой.

Врать не стану. Обычно я принадлежала к девушкам первого типа. Еще чаще к тем, кто выглядит средненько, и чувствуют себя соответственно. Но! Было во Враге что-то такое, что заставляло меня забыть обо всех комплексах, выпрямлять спину и гордо вскидывать подбородок.

С царским достоинством я расставляла блюда и совершенно не собиралась стыдиться того, что завариваю Врагу чай. Вот еще!

— Я подозревал, что ты выжила. — Он первым прервал молчание. — Полагал, что выбросило в один из новых открывшихся миров.

Я покачала головой.

— Подробностей ты от меня не услышишь.

Солнце расплзлось по небу насыщенной бургунди. Фоморы вынесли в открытый сад факелы на высоких ножках. В свете живого огня фигура Врага казалась еще более зловещей.

— Время в мирах течет по-разному. Для меня с нашей последней встречи мог пройти год, а для тебя пара суток. И все же я сомневаюсь, что ты выбралась из погибающего совсем недавно Центра.

Звякнула чашка. Повалилась набок и покатилась, оставляя на скатерти темнеющей след: я задела ее широким рукавом халата.

Мне не позволили переодеться, но я успела натянуть на себя то, что снимать не стоило ни в коем случае. После, под присмотром четырех фоморов, меня отвели в тот самый зал Приемов под открытым небом. Там уже было все готово для вечерней трапезы. Мне достался процесс сервировки и обслуживания своего новоиспеченного повелителя, чей цепкий, прожигающий душу взгляд, фиксировал каждое мое движение.

— Центр выжил. — Тинхе не спрашивал, он констатировал факт. — Я где-то допустил ошибку.

Мои руки болезненно вцепились в крохотную чашечку, рискуя разломать ее на черепки.

Даже если до этого у Врага были сомнения, моего изумления хватило, чтобы подтвердить его догадку. Враг слишком хорошо строил причинно-следственные связи.

— Не волнуйся так, Дробь. — Он потянулся вперед через столик, и я ощутила, как холодок пробегается по моей коже. Тинхе это заметил. Обхватив кончиками пальцев грани моей чашки, мужчина в черном поставил ее на место. Жесткая линия губ дрогнула в улыбке — он насмеялся надо мной! — Сейчас Центр для меня задача второстепенная.

— Можно подумать, бы тебе поверила, поклянись ты хоть всей своей родней и магией в

придачу! — окрысилась я, но глиняный чайничек подхватила и наполнила емкость заново. — Будто в твоей жизни есть что-то важнее личной вендетты забытым богам.

— Кое-что есть, — его взгляд скользнул по мне мимолетной тенью. — Дела Незыблемого трона.

Незыблемый трон Первых — это правящая верхушка Лэйтарии, или что-то в этом роде. Они основали Великие дома Золотой оси, и ими пугали молоденьких лэй.

— Эти дела как-то связаны с пропажей Аматри? — Сложила я два и два.

Странники путешествуют в одиночестве. То, что до Тинхе визирем был Аматри, исчезнувший из дворца таинственным образом, несколько не вписывалось в привычную схему Империи Зла.

Мужчина нахмурился.

— Я знаю, что ты не имеешь к этому никакого отношения, но ради своего же блага, держись подальше от всего, что с ним связано.

На секунду я опешила. Это что он сейчас такое сказал?

— Аматри в самом деле пропал?

Лицо Врага осталось невозмутимым.

— Ты совершила огромную ошибку, объявившись в этом мире живой именно сейчас.

Я совершила ее, попавшись ему на глаза.

— Черт, ты же не думаешь, что я могу быть к этому как-то причастна? — Потянулась к расписным тарелочкам, чтобы занять руки.

— Не думаю. — Враг подпер рукой подбородок. Закуски и напитки его мало волновали, но он внимательно следил за тем, как я переставляю миниатюрную утварь. — Но у других может быть отличное от моего мнение. Некоторые считают Избранных довольно опасными зверушками.

Я хотела спросить, кто эти «некоторые», но вовремя остановилась. Враг счел мой поступок удовлетворительным.

— Итак, Дробь. Вернемся к главной теме вечера. — Он позволил возникнуть паузе. Я внутренне подобралась, ожидая худшего. — Что за странный выбор псевдонима?

Я с подозрением покосилась мужчину. Он что, пьян? Что за странные вопросы?

— Ты знал, что я представляюсь Дробью. Чего вдруг сейчас озаботился?

— Нет-нет, — помахал он рукой. — Что еще за «Анна»?

— Имя. Мое имя.

— Анна?

Когда он вновь повторил имя со странной интонацией, до меня дошло, что до этого момента он не знал, как меня зовут. Когда Странник считал меня обычной назойливой Избранной, он не утруждал себя вопросами о моем прошлом. Не спросил, как зовут. Зачем? Таких как я — сто сорок семь в потоке. А этих самых потоков в жизни Врага — бесчисленное множество. Не запоминать же теперь всех, верно? К тому же, скоро стану лэй и имя не понадобится совсем.

— Анна — это же не имя, а палиндром.

— Вау! — восхитилась я. — Ты такой галантный и обходительный собеседник! Я вот раньше думала, что ты живешь один потому, что это твой осознанный выбор. А теперь понимаю, что это осознанный выбор всех женщин Золотой оси.

— Так ты размышляла о том, почему я один? — задумчиво протянул он, ничуть не обидевшись на мое высказывание. — Теперь назвалась моей истинной парой. Говоришь о

любви. Ты пришла в этот мир за помощью богами, что сводит вместе родственные души? Я прав, Дробь?

Чашка противно звякнула о блюде.

В первую секунду я хотела все отрицать. Но вовремя сообразила. Если Враг узнает, что помимо личных интересов я путешествую по мирам, чтобы помочь Избранным, попавшим под магию заражения, то паранойя Тинхе выйдет на новый уровень. Дела Империи тут же забудутся, и Странник вновь задумается о том, что я очень хорошо смотрюсь в качестве развоплощенной Избранной.

— Да-да, за тем самым артефактом, что способен свести вместе две истинные половинки. Я всего лишь человек, Тинхе. Я хочу любить и быть любимой. Может у лэйтарцев такой функции нет, но вот у людей она заложена на генном уровне.

— И что, сработало?

Это не мог быть праздный интерес. Враг не разменивается на бессмысленные вопросы. За ними всегда таился скрытый мотив, который позже оборачивался смертельной ловушкой. У меня не хватало ума, чтобы разглядеть двойное дно в его вопросе, но все еще был проверенный способ сбивать его с толку.

— Сработало.

— И кого показал артефакт?

Я оскалилась в улыбке.

— Тебя, любовь моя.

Он хмыкнул. Клянусь, я почти услышала замаскированный смешок.

— Мы не связаны Предназначением. Я не твой возлюбленный-спаситель. Во второй раз эта уловка не сработает, Дробь.

— Значит, в первый раз все-таки сработала?

Тинхе откинулся на подушки, возводя очи к небу. На потемневшей глади, солнце сменилось россыпью незнакомых звезд. Блики теплого света факелов заскользили по морщинкам, собравшимся в уголках темных глаз.

— Признаюсь, был момент, когда я почти допустил подобную возможность.

— Ха!

Он отвел взгляд от звезд и вновь обратил на меня.

— Это лишь доказывает, что хитрость и коварство ушедших богов, цепляющихся за былую власть, не знает границ. Незыблемому трону не стоит недооценивать проблему с Избранными. Раз боги не пожалели сил на грандиозный обман, чтобы сбить с пути одного из лэйтарцев.

Я закатила глаза. И после этого он называет Избранных высокомерными! Его послушать, так в Центре собрался целый кворум богов, чтобы разработать план, как охмурить одного конкретного Врага.

— Я тебя умоляю, эти трое с моими скромными запросами на любовь справиться не могут. Куда им до твоих изысканных предпочтений? У тебя полный гарем наложниц. Бедные девушки голову ломают, не знают, чем тебе угодить. А ты шныряешь мимо их покоев в поисках каких-то возмущений реальности.

— Ты ушла от моего вопроса. Почему? — Глаза Врага поймали мои в ловушку. Искра озарения мелькнула безжалостным метеоритом, когда-то стершим динозавров с лица земли. — Вор. Тот человек, что украл артефакт.

У меня не было никакого желания выгораживать Никия. Не после того, что он сделал.

Но просто так отдавать мужчину в руки Врага было бы бесчеловечно. А Враг точно захотел бы устроить какую-нибудь подлянку.

— Никий — не мой возлюбленный. Он — удачное стечение обстоятельств. Совпадение.

Я говорила ровно, сдерживая взгляд Врага, и видела, как он мне не верит.

— Никий, — повторил Тинхе, и я почувствовала неожиданный озноб.

Сердце зачастило. Странное беспокойство пробежало мурашками. Я пожалела, что отказалась от украшений, предложенных старшими наложницами. Нервозность накатила волной. Я забыла, куда девать руки. Сейчас как раз не помешал бы браслет на запястье и кольцо, которые можно теревить.

Я сжала тканевую салфетку.

— Все в порядке, Дробь. Тебе незачем беспокоиться о Никии. — Внезапно, будто не было никакого напряжения, отмахнулся Тинхе. — Его существование не имеет значения, раз я здесь.

Салфетка в моих руках смялась в комок.

— Не поняла.

Удерживая чашку, он оттопырил мизинец, указывая на меня.

— Душа за встречу с возлюбленным, верно? Таковы правила этого мира. И тебе от них не сбежать. Поэтому ты в моем дворце. Надеешься придумать, как ускользнуть от выполнения обязательств. Избранные никогда не хотят играть по правилам, но в этот раз выбора у тебя нет.

— Я слышала, что тут не хватает рабочих рук и душу можно выкупить обратно за год преданной службы, — решила разрядить обстановку шуткой. Ага, щас.

— Чтобы позже зажить счастливой жизнью с похитителем артефактов?

— Он не... — Я запнулась. Тинхе вел себя странно. Он не был таким в Лэйтарии. Возможно во время работы Странником он как-то менялся? Может, на него влиял мир, в котором он находился?

— Он не... что?

— А не пошел бы ты! — разозлилась я. — Не твое дело, в кого я там влюбляюсь! Я свое Предназначение исполнила. Спасла свой мир. Я больше не Избранная! В отставке я. На пенсии. Вне круга твоих интересов и интересов Золотой оси. Финита ля комедия!

— А вот тут ты ошибаешься.

Тинхе поднялся с места, и я вскочила следом. Чайник и чашки с лакомствами полетели на пол. Ваза с цветами опрокинулась, разбиваясь о край узорчатой пиалы. Все очень быстро пошло под откос.

— В тебе все еще течет наша магия. — Злость исказила красивое лицо Странника. — Значит, ты одна из нас. Артефакты, богиня, любовь. Ни один лэйтарец не смеет связывать себя подобными узами.

Не колеблясь, я потянулась к Малышу за магией.

Иметь дело с жестоким и расчетливым Врагом — крайне опасно, почти смертельно, но столкнуться лицом к лицу с неконтролирующим себя лэйтарцем — совершенно иной уровень безумия.

Черт, да что у него там в голове перемкнуло?

Малыш откликнулся хрустальным перезвоном.

Артефакт, богиня, любовь — прошлось эхо по подсознанию и осело золотой пылью.

Мир Блонди. Отбор. Аматири. Еще один похищенный артефакт.

Я почти ухватилась за мысль, когда Враг воспользовался магией.

— 13 —

Сила Золотой магии прошла по мне легкой волной. Не из-за того, что Враг бил слабо или моя собственная защита была хороша. Дело в специфике магии лэйтарцев. Она не несла в себе физическую мощь. Враг не целился в меня чистой силой, что могла сбить с ног. Он обратился к той отрасли магии заражения, что отвечала за подчинение. Разновидность манипуляции сознанием. Именно ее Флорин назвала «особой аурой» Темного повелителя.

— Подойди ко мне. — Голос Врага мягкой пылью золота засверкал на коже сковывающими узами.

Тинхе использовал раньше эту способность на мне. В тот раз я смогла противостоять.

Почти.

«Малыш, — мысленно позвала я. — Это не противоречит правилам мира. Тут мы можем побороться».

Дар мгновенно отреагировал на просьбу. Тесные сети чужого волшебства не нравились и ему тоже. Клубы блескучей пыли взвились вверх.

Мужчина ударил ладони друг о друга, стряхивая с тонких перчаток невидимые блески.

— Осторожнее с этим, Дробь. Золотая магия опасна. Лэйтарцам тяжело управлять ей в полной мере, а они обучаются с детства и на протяжении веков. Как долго магия у тебя? Неделью? Две? Ты не умеешь ей пользоваться. Ле'ахеш'иарс'ту не обучил тебя. Он слишком боится нашей силы.

Я покачала головой, крепко стискивая зубы. Не позволю Врагу узнать о Центре больше, чем сейчас.

Тинхе будто бы позабавила моя решимость.

— Подойди ко мне. — Повторил он, усиливая напор.

Сердце будто бы сжали тиски. Магия стальными оковами защелкнулась на ступнях, потянув вперед.

— Перестань, — попросила я. Слова откликнулись в голове эхом боли. — Что ты хочешь этим доказать?

Нас разделял низенький столик, черепки расколотой чашки и крохи моего самообладания.

— Что у меня нет желания тебе навредить, Дробь. — Мелькнула улыбка. — Верь мне.

Новый толчок магии. Пыльца, что защищала меня, осыпалась вниз мелким дождиком. Золотинки красиво вспыхивали, прежде чем растаять жжеными фантиками новогодних конфет.

Блики горящих факелов гуляли по уверенному лицу Врага. Темные пряди волос разметал ветер, приведя их в легкий беспорядок. Так ему идет больше, — отметила я, не понимая, почему нахожусь в напряжении. Подумаешь, попросил к себе подойти. Это же не сальто сделать. Это ножками раз-два. И не по стеклу или горящим углям. По мягкому ковру между разбросанных подушек.

Я сделала шаг. Один. Другой. Третий.

— Молодец, Дробь. Ты все делаешь правильно. — Его голос стелился тихой умиротворяющей тенью. — Я хочу тебе помочь.

Конечно, зачем громкие звуки? Я ведь так близко. Все хорошо. Хорошо? Конечно, я же улыбаюсь. Тинхе больше не злится на меня. Он говорит, что хочет помочь мне. А мне нужна

помощь! Я совсем не понимаю магию, которой владею. Он бы мог меня научить.

Я моргнула, пропустив какое-то мгновение, и вот его рука на моей груди, в центре солнечного сплетения. Там, где теплом отзывается Малыш, ожидая, когда я отвечу на его зов. Потому что чужая магия заражения тянется к нему и...

Клянусь, это было не специально. Я не планировала. Не притворялась и не выжидала момента. Я была полностью поглощена непривычными чувствами, когда меня что-то кольнуло. Совсем не больно. Потому что эти ощущения принадлежали не мне, а Малышу.

Кокон магии вздрогнул под натиском чужой силы.

Опять же, я не собиралась. Я хотела бы сделать это целенаправленно и осознанно, но то что произошло — чистый рефлекс.

Нет, сработал инстинкт.

Малыш ощутил боль.

В моей голове будто щелкнул затвор. Я перехватила запястье Врага, выворачивая его чуть больше, чем советуют правила самообороны. Удар в сгиб локтя. Хруст сустава. Следующее движение могло бы прийтись в причинное место, но к тому моменту Странник успел среагировать.

Мужчина в черном отдернул руку, отталкивая меня назад. Силы он приложил чуть, но ее хватило, чтобы я не удержала равновесие и плюхнулась вниз на подушки.

— Ауч! — это я ударила локтем о столик. — Больно же!

Тинхе, сжимая свое запястье, ответил неразборчиво. Это было что-то очень сильно на лэйтарском, потому что перевода от Малыша не последовало. Вспыхнули искры света, в одно мгновение сменяя искаженное от боли лицо Врага на раздраженное.

— Дробь. — Послышалось предупреждение.

Я потеряла ушибленный локоть.

— Ну и мерзавец же ты! Верь ему, ага.

— Я хотел обследовать твой Дар, и убедиться, что с ним все в порядке. — Он глянул на запястье. Еще одна порция искр окутала черную перчатку. Мужчина осторожно пошевелил пальцами. — Но Избранные головой думать не любят, а сразу лезут на рожон.

— А ты, в следующий раз, спрашивай разрешение, — огрызнулась я. Локоть все еще болел, а оставшиеся чашки с едой и напитками разлетелись в стороны. Половина подушек была безжалостно испорчена.

— Спросил бы — позволила?

— Конечно нет! Ты сделал ему больно!

— Ему?

— Это мальчик. — Огрызнулась я.

Врагу потребовалось несколько секунд, чтобы переварить услышанное. Все это время он пялился на мой живот, явно предполагая худшее. Я почти могла видеть, как в черноволосой головке начинает созреть новый план, поэтому поспешила пояснить:

— Я о своем Даре.

Еще чуть-чуть мужчина поколебался. Клянусь, я почти ощутила его разочарование из-за того, что только что придуманный план придется отложить.

— У магии нет пола. Но, если тебе интересно, «Он» развивается правильно. Без отклонений.

Тинхе нагнулся, прогибаясь в спине, и протянул руку.

— Ты сказал, что не хочешь навредить, но, знаешь, — проигнорировала я его жест,

самостоятельно поднимаясь, — только этим и занимаешься. Никогда, слышишь? Никогда не используй против меня этот вид магии! Какого черта, а?

Враг выпрямился, вновь оборачиваясь в непроницаемую статую.

— Только в противостоянии я мог проверить силу Дара. Ты сопротивлялась — это хорошо. Значит, процесс проходит естественным путем. Ты не успела навредить себе силой артефакта.

Сердце ухнуло вниз.

Убеждению Тинхе я воспротивилась в самый последний момент, когда меня дернул Малыш. Не почувствуй он боли, и я беспрекословно следовала бы воли Врага. Значит ли это, что с магией что-то не так? Или с ней как раз все так, а проблема во мне?

— В первую встречу в Лэйтарии все было иначе, — осторожно припомнила я. — Что изменилось?

Он не хотел отвечать. Не хотел, но, — чувство вины? — что-то его заставило.

— В тот раз это был не более чем легкий флер. Лэйтарцы никогда не используют его в полную силу, чтобы не ломать слабую психику лэй.

— А ты сейчас?..

— Вполсилы, Дробь. Ты мне пока нужна.

«Пока», значит.

Я тихо выдохнула сквозь зубы. Хотелось еще немного покричать на Врага, но раз он отвечает на вопросы — грех упускать!

— Аматри не использовал на мне ничего подобного.

— Он младший среди Странников: — холодно отозвался Враг. — Не все грани магии ему доступны. И, он использовал, только ты не заметила.

— О-о, — протянула я. — Так тебе приказали приглядывать за младшим коллегой? Вот зачем ты в Белокаменном дворце?

Зря я думала, что видела злость Тинхе. То, что отразилось на его лице, не имело ничего общего с теми эмоциями, что я наблюдала раньше. Магия всколыхнулась в нем яростным вихрем, дрожа от сдерживаемого гнева.

— Он мне не коллега. — Льдом проскрежетали слова. — Мелкий крысеныш вновь позарился на мои вещи. Утащил кое-что и смылся. Я не мог спустить ему это с рук. Не в этот раз.

Мудрые женщины знают, когда надо надавить, а когда лучше отступить. Сейчас разумен был второй вариант.

Я поправила полы халата.

— Раз ты выяснил, что хотел, пожалуй, я вернусь к наложницам.

— Дробь.

— Поздно уже. Тебе рано вставать. Всякие визирьские дела. Поиск сородича. Дела Незыблемого трона. Рада была повидаться.

— Дробь, прекращай.

— Факелы почти догорели...

— Дробь, мы не все обсудили.

Я изобразила удивление.

— Разве?

— Твой Дар ограничен запретом. Да, я понял это. Ты не можешь покинуть открытый мир, пока не разрешится вопрос с контрактом на душу. Каков был план, пока ты не узнала,

что великий визирь — это я? Что намеревалась предложить повелителю фоморов?

Я недоверчиво скрестила руки.

— Дробь. Я пытаюсь решить проблему.

— Я хотела разорвать контракт, — призналась я. Врать сейчас не казалось разумным.

Мы в любом случае должны решить этот вопрос. — А если бы не вышло, то — не знаю. Договорилась бы на что-нибудь попроще. Год в качестве служанки.

Закончив предложение, я поняла, что довольно часто выбирала себе роль прислуги. Камер-лэй в Лэйтарии. Мальчик на побегушках у Блонди. С самооценкой, наверное, проблемы.

— Итак, — подвел итог Врага. — Значит, если я разорву контракт — ты используешь магию, чтобы покинуть мир и вновь спрятаться в Центре. Если же, я поменяю условия сделки, через год ты обретаешь довесок в виде какого-то проходимца.

— Почему сразу проходимца? Я рассчитывала на наследного принца сказочного королевства или на очень перспективного мага. Раньше думала, что и отважный рыцарь сгодится, но ты их видел? Они только в поэмах смелые и романтичные. А на деле — жуткие мужланы.

Враг вскинул брови.

Я пожала плечами.

А чего он ожидал? У меня с желаниями все просто.

— Или, — продолжил Тинхе развивать мысль. Тут-то я почувствовала неладное. — Раз выбора у тебя все равно нет, я могу выдвинуть свои собственные условия. Душа мне, конечно, твоя не нужна. — Враг сделал паузу, позволив моему воображению разыграться. — М-мм, Дробь? Так что мне выбрать?

Я представила, что именно он может пожелать взамен моей души. Вновь открыть проход в Центр? Нет, магия не откроет ничего, пока не будут выполнены условия. Сдать явки и пароли новых Избранных? Так я не видела новый поток, а Избранные из моего прихода уже под прицелом. Добровольно уйти с ним в Лэйтарию? Опять-же, золотая магия не пустит.

Не станет же Тинхе требовать от меня чего-то ужасного? Например, убить кого-то. Или мыть посуду за всем гаремом. Честное слово, в мире Отбора я так набегалась на посылках у Блонди, что любая ручная работа вызывает стойкое отторжение на уровне цепочек ДНК.

А если он из вредности захочет оставить меня здесь лет на пятьдесят? В восемьдесят тоже можно обрести счастье со своим возлюбленным, но, наверное, не на очень долгое время.

«Дар, — пронзила страшная мысль. — Он может забрать мой дар. Я торговалась им с фомором. Предлагала Малыша взамен свободы».

Ужас на моем лице отразился достаточно явно, потому что Враг потянулся вперед.

— Что ты себе представила?

Я поджала губы.

— Верно, — довольно протянул он. Черные глаза оставались холодны как ночь на Северном полюсе. — Ты поняла. Дар. Я могу взять его в качестве оплаты. И мне не нужно твое разрешение.

Тинхе разыграл это так, будто мысль пришла ему в голову только сейчас. Но, нет, он понял, что заберет Дар в тот момент, когда увидел меня в комнате Клавдии. Он проверил магию на дееспособность и, убедившись, что товар непорченный, решил забрать. Не было у

меня никаких вариантов. Он морочил мне голову. Именно так он поступал со всеми Избранными, что встречал на пути. Оборачивал их желания против них самих, и превращал жизнь в ад, пока они не отрекались от Предназначения.

Я прижала руки к груди, чувствуя тепло от присутствия Малыша. Моего маленького кокона магии, который еще не вырос в полноценный Дар. Только благодаря ему я понимала местный язык. Только благодаря ему я была защищена от местных вирусов и бактерий. Я даже могла не бояться радиации, пока он со мной! Но дело не только в этом. Это же Малыш. Это как отдать ребенка. Как я могла?

— Нет, — попросила я. — Не надо.

— Ты не хочешь быть одной из нас. Зачем же тебе наша магия? Если ты так безалаберно относишься к ней и к нашим традициям, может мне стоит передать ее кому-то, кому она больше нужна?

Ладонь запульсировала магией. Красные линии должника взвились колкой энергией. Враг поманил их к себе. Нити вытянулись в струнку и метнулись к Тинхе. Меня дернуло вслед за ними.

— Без глупостей, — предупредил он.

Я вновь попыталась сопротивляться, но красные узы держали крепко.

Я заключила контракт. Я должна была расплатиться.

— Нет, Тинхе. Не делай этого! Пожалуйста, не делай! Я больше не Избранная, у меня нет Предназначения.

Не думала, что дойду до того, что стану его умолять. Но одна мысль о том, что Враг заберет Малыша и отдаст его кому-то другому... Кому? Алисе. Предательнице. Фанатичной стерве, продавшей своих соплеменниц. Или Малыша пустят на опыты. В лэйтарские лаборатории, где безымянные ученые будут выяснять, почему симбиозы Золотой магии и лэй оказались менее продуктивными, чем мой и Малыша.

Здоровая рука Врага перехватила мою ладонь с меткой.

— Не переживай насчет своего проходимца, Дробь. В Лэйтарии он тебя не найдет. Золотая ось оградит от обременительных уз.

Нити вонзились в кожу. Огонь рванул по венам к солнечному сплетению. Рука Врага сжалась крепче. Соленые капли слез брызнули из глаз.

И...

Ничего не произошло.

Ладонь все также горела печатью. Магия в напряжении пульсировала внутри меня.

— Так быть не должно. Что ты сделала?

По моим щекам текли слезы. Грохот сердца бил по перепонкам.

— Нет. — Он отдернул руку. Провел ладонью над перстнем, надетым поверх перчатки. Несколько фиолетовых мазков мелькнули у основания камня. — Не ты.

— Что? — спросила я, утирая рукавом лицо. — Что это значит?

Враг крепко сжал кулак.

— Артефакт покинул мир. — Мужчина указал вглубь темного сада. — Вы, двое! — крикнул он двум теням стражников. — Отведите ее обратно. Глаз не спускайте до моего возвращения.

буквально это имел ввиду?

Два жабодемона у двери пырились на меня выпученными глазами. Ни один ни разу не моргнул за время, что я за ними наблюдала. И не произнес ни слова.

— Им запрещено с нами разговаривать, — пояснила Клавдия. — Всем, кроме эл Кхрима и еще нескольких фоморов.

Меня вернули в комнату к Клавдии. Решили, что раз Темный повелитель забрал меня отсюда, значит и возвращать нужно сюда же. Я не спорила. Появляться на глаза Флорин и Аделлы желания не было. Немного мучила совесть за то, что я воспользовалась их доверием и свалила. Ключ я конечно же вернула, как только открыла замок, но легче на душе от этого не стало.

Прошло несколько часов, как ко мне приставили охрану. Время давно перевалило за полночь. Остальные наложницы отправились по своим спальням, но мне уйти из малой купальни (вот как это называлось!) не позволили. В качестве компромисса притащили для меня кушетку (софу?). Клавдия осталась со мной для компании (ради того, чтобы разведать, как прошел разговор с Темным повелителем). Поскольку особых указаний в ее сторону не было, девушке позволили задержаться. Она предположила, что поблажку сделали потому что фоморам попросту неуютно оставаться со мной наедине (эй!).

Мне полагалось спать без задних ног, но сон совершенно не шел. В голове лихорадочно гудело от жуткого перенапряжения. Раз за разом я прокручивала разговор с Врагом и искала пути спасения. Их все еще не было. Но я продолжала напрягать мозги.

Итак, в сто пятый раз.

Мои главные проблемы: Враг и похищенный артефакт.

Тинхе не завершит контракт, пока артефакт в другом мире. Оставим вопрос о том, как волшебный бульжник оказался за пределами. Сосредоточимся на Никии. Он говорил, что специально ждал, когда артефакт активируется, чтобы его забрать. Но как долго тот нужен активированным и зачем? По-другому его не переправить в иной мир? Сомнительно как-то. Остановимся на том, что работающим он нужен на долгое время для чего-то важного.

Хорошо ли это для меня?

Да, раз уж артефакт в другом мире мешает отобрать Тинхе (не, ну не подлец же?) у меня Мальша.

Нет, если это означает, что я застряла во дворце визиря-Врага на длительный срок. Очень. Прямо до конца жизни. И жизни Тинхе, кстати, тоже.

Странник связан теми же запретами мира, что и я. Пока контракт не будет заключен ему не выбраться. С этим все ясно. Но как же он заберет артефакт, если тот в другом мире? Отправит фоморов? Есть какие-то лазейки в правилах?

Если я права, то ситуация с артефактом выглядит еще страннее. Можно было предположить, что какой-то другой Странник (да тот же Аматри, чтобы загнать Тинхе в ловушку!) заказал похищение артефакта, а потом утащил с собой. Но золотая магия его бы не выпустила. Не просто же так Лэйтария присоединяет миры только после того как те сдаются и принимают патронаж более сильной цивилизации. Им нужно дозволение. Иначе, все артефакты, вся магия, все волшебные вещички не будут работать как надо.

Вывод первый: Никий передал артефакт не носителю золотой магии. Вывод второй: есть некто, кто помимо лэйтарцев сёрфит по мирам. Кто черт побери еще может шататься между мирами?! То есть, да, я. Лёша, поскольку он бог чего-то там, и, видимо, правила с ним работают как-то иначе. Но, кто еще? Помимо Золотой оси есть еще один жуткий мир с

всесильными магами?

Стало не по себе.

Если я собиралась вернуть артефакт (а я собиралась его вернуть и нафиг расколотить, чтобы он отменил все тупые контракты!), хотелось бы знать, с кем придется иметь дело. С еще одной Избранной? С ней договоримся. С богом? Забытым, злым и со скверным характером, который нанимает людей, чтобы те притащили ему чужое добро? Ну, такое. С межпространственным монстром, голодным до страданий других людей? Нет, спасибо!

И где во всем этом место Аматри? Не случайно же мне мерещится.

Еще раз.

Аматри. Мир Отбора. Артефакт, что выбирает будущему правителю подходящих кандидаток в невесты. Хм... Почти как тот, что уже украли здесь. Что же с ним стало после Отбора? Эх, совсем не помню. Убрали его куда-то. Унесли с глаз долой. Или похитили? Что если Аматри это заметил? Слишком индифферентно парень относился к своим обязанностям Зла-Во-Плоти. Так, пошпынял немного Блонди, подпортил всем нервы и свалил. Что если он каким-то образом напал на след воров? Выяснил их следующую цель! Как сказала Клавдия, Тинхе искал какие-то возмущения реальности, что никак не могли быть связаны с открытым мной порталом.

Дальше моя мысль обрывалась. Не хватало данных, чтобы понять, куда Аматри делся. Если бы он пропал после похищения артефакта, можно было предположить, что он ушел в другой мир следом. А так...

А не пристукнул ли его Тинхе тихонечко? Или обратил в камень, а теперь делает вид, что не при чем? Белобрысый франт украл у него что-то очень важное, раз мужчина в черном разозлился. Ради чего Аматри рискнул попасть в немилость к старшему товарищу? Мой Враг-то зверюшка злопамятная.

Итого, что я получила?

Первое, есть сила, что не входит в систему богов, Избранных и Странников, и, которая, ворует любовные артефакты. Есть крохотный шанс, что эта сила может стать союзником Центра.

Второе, есть гипотеза, что пройди я в какой-нибудь обычный портал, что создан не золотой магией и богами, мир меня выпустит. Может даже не придется завершать контракт! Жаль, что портал этот взять неоткуда.

Вот и все. Выводы есть, а действий — нет. Тинхе найдет артефакт. Точно найдет! Вернется и закончит начатое.

«Не переживай насчет своего проходимца, Дробь. В Лэйтирии он тебя не найдет».

Тинхе не оставит меня в покое забрав в магию. Из-за меня провалился его план по уничтожению Центра, и он захочет отомстить. Без Малыша я не буду представлять никакой ценности и сил для сопротивления. Враг заставит меня отправиться в мир Золотой оси. Вынудит отречься от богов. А дальше — сотворит все что придет в его большую голову.

Я тихо застонала в подушку.

Если бы я могла разорвать контракт! Тут же бы свалила в другой мир. Хоть в тот же мир апокалипсиса. И Клавдию бы с собой прихватила. Нечего ей тут делать. Как только Тинхе найдет Аматри и вернет свою вещь, вся сила Странников обратится против Избранной.

Похищенная вещь...

Согласился бы Враг смягчить свои условия, если бы я нашла то, что у него стащили?

— Пс-с. Ди, ты еще не спишь?

Ворох ткани зашевелился на полу; девушка постелила тонкий матрас рядом с софой. Очень рядом. То есть, если я направлюсь ночью в уборную, есть все шансы случайно на кое-кого наступить.

— Диа, — поправила она бодрым голосом. Будто только и ждала того, что я ее позову.

— Диа, ты видела Луноликого?

— Видела. — Девушка перевернулась набок. — Какое тебе до него дело? Одного визиря мало?

Я фыркнула, заводя руку за голову.

— Его одного больше, чем хотелось бы.

— Первое свидание часто бывает неудачным. Завышенные ожидания и все такое.

— А?

Избранная вздохнула. И совсем по-детски, будто мы в летнем лагере, спросила:

— Темный повелитель правда твоя истинная любовь?

Я вспомнила то, что видела Клавдия. Сначала я врываюсь к ней в малую купальню, потом требую компромат на Визиря, несу чушь, прячусь и выскакиваю к Тинхе с объятьями и заявлением, что он моя любовь, а тот особо не сопротивляется. Вполне себе поведение незрелых влюбленных.

— Он так на тебя смотрел, — протянула девушка, не дождавшись ответа.

— Да, — согласилась я. Темные непроницаемые глаза, поглощающие свет вокруг себя. — Очень жутко.

— Вовсе нет! Он смотрел с надеждой. Как будто вот-вот исполнится его заветное желание.

Ага, так смотрят на умирающего донора, чье сердце потом достанется твоей любимой девушке.

— Какое он поставил условие? — Клавдия приподнялась, облакачиваясь на софу. Сияющие глаза жаждали жарких подробностей.

Почувствовав себя гипернеловко, я чуть отодвинулась к спинке.

Вот лучше бы она в своей апатии сидела. Неужели чужие любовные драмы настолько привлекательны?

Да.

— Мы не завершили контракт. Кое-что произошло, — рвано прозвучал мой голос. — Визирю пришлось уйти.

— А, возмущение реальности, — поскущела она, сползая обратно на настил. — Луноликий тоже ими интересовался.

— Ты знала о планах Луноликого?!

Стражи-фоморы вздрогнули от моего выкрика.

— Извините, — понизила я голос. — Вы с ним общались?

— Мы довольно часто болтали. Он был милым. Любопытным. — Она прикрыла глаза, возвращаясь в былую тоску. — Мне казалось, что он мог бы быть... А, неважно.

— О чем вы говорили?

— А вы с Темным повелителем?

Ага, секрет за секрет.

— Визирь сказал, что не верит в мою любовь, — уклончиво ответила я.

Девушка сочувственно покачала головой.

— Потому что боится, что если поверит, ты разобьешь ему сердце?

«Клавдия, — мысленно обратилась я к Избранной, — мы же из одного мира, а не из одной драмы. Ты что несешь? Ты видела эту жуть в черном? Он одним видом своим пугает. Я дышать забываю, когда он рядом.»

Поскольку ни я, ни Клавдия не владели телепатией, она моих мыслей не услышала. Поэтому отреагировала благосклонно.

— Мне так жаль. Я уверена, что тебе удастся растопить его сердце.

Я обняла подушку и грустно кивнула.

«С паяльником, разве что».

— Луноликий хотел, чтоб я кое-что для него нашла.

— Но ты умеешь находить только мелкие вещи, и то, если есть близнец-двойник-дубликат.

Сомнительно, что Аматри решил таким образом искать залежи золота.

Жаль, такая классная бизнес-идея пропадает.

— Ага. — Девушка поднялась. Стражники напряглись, но с места не сдвинулись. Приказ относился только к моей персоне. Клавдия, кутаясь в простыню, подошла к столику. Открыла шкатулку с мелким мусором (рабочим материалом для ошибаны). В сумрачном свете луны блеснули очертания острого предмета.

— Шпилька, — констатировала я, когда девушка протянула мне предмет. — Обычная шпилька-невидимка, которой закалывают волосы.

Я произнесла это вслух, надеясь, что Клавдия меня поправит. Мол, что ты, это не обычная шпилька, это недостающий элемент ключа от четырех стихий, что превратят тебя в королеву Алмазного града, где ты будешь повелевать серебряными драконами и фонтанами вечной молодости! Но, девушка молчала. Судя по ее взгляду, она надеялась, что я тоже скажу ей нечто подобное.

— Он говорил, чья она?

Девушка мотнула головой.

— Только что она ему дорого обошлась.

Конечно, напал небось на какую-нибудь невинную барышню! Если бы кому-то пришло в голову выдирать у меня из прически шпильки, дешево бы ему это не обошлось. Я знаю, о чем говорю. Со мной такое бывало!

— Шпилька, — повторила я, сверля ее взглядом. Даже немного ее потрясла, чтобы проверить, не сыпется ли с нее магическая пыльца.

Что ж, вариант, что именно эту вещь Аматри стащил у Врага, отпадает. Не стал бы Тинхе из-за такой мелочи сходить с ума.

— Ты не рассказывала о шпильке Визирю? — на всякий случай решила проверить я. — Новому, который Темный.

— Нет, — зевнула Клавдия, прикрывая рот уголком ткани. — Он не спрашивал. Да я ничего не нашла. Нить ускользнула в пустоту. Слушай! — оживилась она. — Что если это как в Золушке? Только вместо туфельки — шпилька. Луноликий встретил девушку, но она пропала, и все что у него осталось — шпилька. А теперь он нашел свою принцессу, потому и исчез. — Радость сменилась досадой. — Вот же леший.

— В Золушке принц примерял туфельку девушкам, поскольку сильно страдал амнезией и не запомнил ее лица. Да и шпильку Аматри не взял с собой.

Клавдия подскочила. Темно-карие глаза горели торжеством.

— Ты с Земли, — прошептала она. — Я знала это. Поняла, как только тебя увидела. —

Она больно ткнула меня пальцем в бок. — Признавайся, что происходит. Мы участвуем в каком-то эксперименте? Откуда ты знаешь тайное имя Луноликого?

Я промышчала нечто невразумительное, давая себе время, придумать что-то на ходу. Вновь посмотрела на шпильку и меня осенило. Я знаю, как найти артефакт!

— 15 —

К рассвету Тинхе так и не вернулся. Из чего выходило, что Никия, как и артефакта он не нашел. Или же артефакт перенесся так далеко, что нахрапом его не возьмешь.

Это давала надежду.

Клавдия покинула меня еще час назад. Девушка на удивление легко поверила в мою наспех скроенную историю попаданства. Не то что бы я ей открыто соврала, скорее обстоятельно недоговорила. За моими плечами стоял опыт с Алисой и ее ужасным путем становления Избранной. Мне до сих пор было непонятно, пала ли девушка из-за вмешательства Врага или в ней изначально таился изъян, подтолкнувший к предательству. История с Блонди показала, что свою слабину показывать нельзя. У Избранных на них нюх. Вцепятся и не отстанут, пока как золотая рыбка не исполнишь все их желания.

Полностью умолчав о Центре и богах, я очень обтекаемо поведала об избранности и напустила завесу тайны. Мол, не могу всего рассказать, ибо страшный секрет и печать молчания. Не могу раскрыть большего, иначе случится нечто ужасное, но с радостью объясню про артефакт, похищение и важность его уничтожения. И, конечно же...

— Обстоятельства таковы, что Темный повелитель, как должно быть очевидно из его прозвища, зло во плоти, — поведала я, для эффектности напуская в голос мрачной таинственности. — И его нужно остановить.

Девушка крутанула прядь волос пальцем и слегка прикусила зубами.

— А Луноликий визирь — добро?

— Нет, он тоже зло.

— А Никий — похититель артефактов?

— Он в особенности.

— А хорошие ребята есть?

— Мы с тобой.

— То есть, все красивые и властные мужики — плохие, а мы — милые, но абсолютно ординарные девчонки с планеты Земля, — хорошие? — Прозвучало с некоторым укором.

— Типа того.

Клавдия нахмурилась.

— Значит, ты ждешь, что плохие парни перебьют друг дружку, а потом добыешь оставшегося? — Предположила она.

Звучало, как хороший план. Жаль, что не я до него додумалась.

Клавдия трактовала молчание по-своему.

— Как именно? — Уточнила она.

— Очень просто. Я никого не буду побеждать. Это невозможно. Если ребята из Золотой оси здесь, значит, я уже проиграла. Все проиграли. Дело времени, когда все полетит в Геенну огненную, ну или что тут вместо нее.

— Тогда в чем смысл?

Я буквально чувствовала, как природа Избранной Клавдии пытается осознать мои далеко не геройские планы. Где-то внутри нее горела искра спасительницы, тщательно

разожженная и хранимая тремя богами Центра. Эта искра рождала желание бороться с несправедливостью, двигаться вперед, сражаться за свои мечты и любовь.

Я таких иллюзий больше не испытывала.

— Находим артефакт раньше Врага — Темного повелителя, уничтожаем его (артефакт, конечно же), молимся той самой богине, чтобы все сработало, я открываю портал, и мы идем пытаться удачу в другой мир.

— И оставляем на троне этого монстра, что держит в заточении стольких людей? Тебя ведь эл Кхрим тоже вел через катакомбы? Ты видела галерею каменных статуй?

— Мы не можем им помочь. Себя бы спасти, — сказала и ощутила к самой себе жуткое презрение.

Неужели одна встреча с Врагом лишила меня всей храбрости? Такая из меня Избранная получается.

— А как же Темный повелитель? Если с ним свела богиня, стоит ли так сразу отказываться от столь замечательного шанса? Ты думала о том, чтобы стать его возлюбленной и попытаться изменить устоявшийся порядок вещей. Чего только не творят влюбленные мужчины. Глядишь и гарем бы распустил, вернул бы девушек своим нареченным.

Я не рассказала Клавдии о мире Золотой оси. Только о том, что произошло в этом мире и о Враге-Великом-Темном-Маге, с которым пришлось несколько раз скрестить клинки.

— Эм... Я соврала. Камень богини не показал мне лик Темного повелителя. Я это придумала, чтобы он от радости лицецерения меня живой, он не прибил меня на месте.

Несколько секунд девушка молчала, обдумывая услышанное.

Затаив дыхание, я ждала ее реакцию. Та меня не огорчила.

— Хитро! — поразилась Клавдия. — Как это я сама не додумалась? Объявляешь себя невестой главного фомора и все! Никакого контракта и адских условий труда. Пальцем тебя никто тронуть не смеет. Даже он сам. Какой угодно злодей дважды подумает, прежде чем вредить истинной паре, предназначенной свыше.

— В идеале — да, — согласилась я. — Казнить на месте он меня не стал, но поверить — не поверил.

— Потому что он твой личный Враг. С большой буквы. Я правильно поняла?

— Ага, — неуверенно подтвердила. Представлять Тинхе в качестве «своего личного Врага» было чуть более чем пугающе. Мне больше нравилось думать, что он Враг Центра в целом.

— Так, но, если он не твоя любовь, то где твоя? Тот самый вор?

— Нет. Вроде как я его увижу, когда договор будет заключен.

Девушка окинула меня долгим взглядом и вдруг спохватилась.

— Незримый путь богини! Эл Кхрим сказал про него.

Я натянула простынь ближе к подбородку, кутаясь, будто в комнате стояла зимняя прохлада, а не теплая восточная ночь, разгоняемая легким ветерком из окна. Ладонь с невидимой печатью договора неприятно пощипывало. Она одна была постоянным напоминанием о том, что я ввязалась в мистическую сделку. Подтверждением того, что божественные силы этого мира отыскали человека, что станет для меня кем-то особенным.

Или нет.

— Я не знаю, что такое Незримый путь богини.

— Но как же? — Диа придвинулась ближе, заглядывая мне в глаза. Ее пальцы нервно

теребили бахрому на ткани. — Ах да. Ты вряд ли в курсе всех сплетен гарема. И конечно же никто из фоморов не объяснил. Незримый путь — это... Пожалуй я тоже не смогу толком рассказать. Тут сторожил расспрашивать надо.

Я с сомнением глянула на стражников.

— Они не выглядят очень разговорчивыми.

— Не у них. У Флорин. Она здесь дольше всех. Больше чем она, о благословении богини никто не знает.

Наложница со смуглой кожей не казалась человеком, что охотно готов помочь ближнему своему. Змеей подколенной ее тоже не за что было назвать, но у меня осталось стойкое ощущение, что девушка попросту не успела раскрыть весь свой злобный характер. В какой-то момент мне показалось, что она нарочно позволила забрать ее ключ, чтобы я выбралась и попала в неприятности.

— Как бы там ни было, Диа, без твоей помощи нам не выбраться.

— Если хочешь мое авторитетное мнение — из дворца дороги на волю нет.

— Но Визирь же покинул его.

— Он маг. Что ему до непроходимых лесов и скалистых обрывов? А за тобой следят фоморы, да и эл Кхрим зуб на точит.

— Как-то сюда привозят продукты, шелка и прочее.

— Туннели рассчитаны на фоморов, как и порталы.

Я ненадолго задумалась.

— Есть одна идея...

Выслушав ее, Клавдия посетовала:

— Она ужасна, в ней куча дыр и предположений, но все лучше, чем ждать непонятно чего.

Девушка прикрыла глаза. Я последовала ее примеру, почти сразу погрузившись в сон. Утро предстояло напряженным.

И вот я плююсь на дверь и жду возвращения Клавдии. Комната тяготит тишиной и безмолвными статуями моих наблюдателей. Минуты тянутся с непозволительной медлительностью, будто на каждом шагу застревают в кисельном болоте.

Наконец дверь заскрипела.

Один из стражей скосил на нее глаза и тут же выпрямился, подобрав живот.

— Диа! — Я бросилась к двери, но, к счастью, вовремя затормозила. Из овального проема показалась приторно-слащавая рожа лысоватого фомора в человеческом виде. — Эл Кхрим, — мои губы свело как от свежего сока лимона, — какой неожиданный сюрприз. Чем обязана?

— Наглая йутулка, — презрительно бросил он, цепким взглядом обводя мои странные покои. — Как смела ты лгать в лицо Великому визирю? Как смела порочить мое имя, мерзавка?!

Он едва не плевался ядом.

Путаясь в подоле нового наряда, я отшатнулась назад.

— А вы не должны караулить сад и заманивать невинных дев лживыми обещаниями?

Эл Кхрим оскалился в неприятной ухмылке.

— Много ли вас там было невинных.

Что-то в этом меня задело.

— Значит, пока артефакт не на своем законном месте, вы будете прохлаждаться во

дворце? Работать не надо, сиди на дармовых харчах, да в стенку плюй. Удобно.

— Манеры, безродная ты девка! — взревел он.

— Эй, попрошу, временно безродная девка и потенциальная невеста Великого визиря!

Кожа эл Кхрима пошла красно-зелеными пятнами.

— Не бывать этому! Раз артефакт побывал в твоих руках, не позволит богиня тебе обрести счастье с тем, кто не предназначен ее волей.

— Кто ж замужем-то счастье ищет? У меня искренний корыстный интерес на жилплощадь.

Я не заметила его движения. Лишь вскрикнула, когда жаб ухватил меня за волосы, запрокидывая голову назад.

— Не с-с-смей!.. Лж-ж-живая... Он уз-з-знает о твоём обмане!

— Но сначала он узнает о твоём нападении, — пискнула я, — Ему не понравится, если со мной что-то случится! Эй, стража, разве вы не должны охранять меня?

В облике старика жабодемон был не так силен, но ему хватило мощи, чтобы отшвырнуть меня на несколько метров. Я приземлилась на софу, и та со скрипом отъехала назад.

— Они ничего тебе не должны, — оправляя сюртук от складок, поведал жабоморд. Тусклые глаза, изъеденные возрастом, метнулись к стражникам. Подчиняясь безмолвному жесту, те двинулись к выходу.

Я хорошо помнила крылья-лезвия эл Кхрима и как легко они разбивали камни в щепки. Он еще не сменил человеческий облик на иной, но утешало это мало. Исследование комнаты еще накануне подтвердило, что дополнительного выхода в ней нет.

— Бежать некуда, — подтвердил старик с задетым эго.

— Вы не тронете меня, — чуть менее уверенно заявила я, поднимаясь с софы.

В воздухе повисло напряжение. За секунду до того, как кожа фомора должна была пойти трещинами трансформации, нашу идиллию прервали. Дверь хлопнула, едва не врезаясь в спину эл Кхрима. Подобно взбешенному демону в комнату ворвалась Флорин. Следом за ней неслась Диа. Смуглая брюнетка, ничуть не стесняясь посторонних, ринулась ко мне.

— Ах, ты ж гадина двуличная! — указующий перст Флорин уперся мне в грудь. — Я на нее лучшие крема и масла трачу, а она вздумала нашего повелителя охмурять!

Диа, удерживающая Флорин за другую руку и не дающая той вцепиться мне в волосы, едва слышно пробормотала:

— Ей-богу, Фло, мы же цивилизованные люди.

Эл Кхрим деликатно подвинулся, в одно мгновение скидывая флер грядущего видоизменения. Он подобрался, придавая лицу благодушное выражение. И даже пальцем не пошевелил, чтобы остановить разбушевавшуюся наложницу. Скрестив руки на груди он с удовольствием наблюдал, как Флорин пытается до меня дотянуться. Я же застыла как вкопанная.

Внезапно захотелось прочитать астрологический прогноз для моего знака зодиака на сегодняшний день.

— Если решила разобраться с ней по старинке, так подсыпь яд или изрежь ее любимое платье ножницами. Ай!

Клавдия все же не удержала взбесившуюся фурию и та, ухватив меня за отворот платья, врезала мне головой по лбу. Удар вышел смачный. Аж до звездочек, белого шума и обидного

смешка фомора.

— До яда и ножниц мы еще доберемся! — замахиваясь свежим маникюром вскричала бестия.

Примерно где-то в этот момент я вспомнила, что я все-таки Избранная с неплохими навыками самообороны. Что изнеженной в ароматных купальнях Флорин далеко до боевых способностей Алисы, и я могу защищаться.

Перехватив руку скандалистки, увела ее в сторону, сразу подставляя подножку. Будь наложница действительно серьезным противником, я бы еще коленкой в живот добавила. А так, не калечить же?

Ни фоморы, ни Диа, ни уж тем более Флорин, не ожидали от меня подобной прыти. Когда сторожила гарема полетела на пол, а я, выворачивая ей руку, уселась сверху, в комнате повисла тишина.

— Дикарка и смутьянка, — кисло отметил эл Кхрим, первым выйдя из ступора. Сожаление, что я так легко отделалась, читалось на его лице открытым текстом шестнадцатого кегля. — Посмотрим, что останется от тебя к вечеру.

Развернувшись на пятках смотритель сада, чеканя шаг, покинул скромную обитель. Его позиция была ясна. Зачем убирать своими руками, если достаточно лишь намекнуть несчастным девицам с покалеченными судьбами, что кто-то выбивается из общей колеи? Что ж, зато сам он на некоторое время оставит меня в покое.

Проследив, как закрывается дверь за фомором, я мысленно выдохнула.

— Слезай уже, — взбрыкнулась подо мной Флорин. — План и правда ужасный.

— Ой.

— 16 —

Всполохи огня разрезали каменные изваяния и сгустившийся мрак. Эхо растаскивало звуки ударов трех пар башмачков по сырой земле.

— Именем Великого визиря — остановитесь или будете уничтожены!

Рядом с моим лицом просвистело копье, высекая искры в каменной глыбе. Острие впилося аккуратно между статуями миловидной девушки и охваченным муками юношей.

— Мать божья! — ахнула Диа, хватаясь за древко. — Это тупик. Дальше хода нет.

— Какой неожиданный поворот! — притворно восхитилась Флорин, вжимаясь позади меня в статую. — Я несколько раз пыталась достучаться до вас с этой мыслью.

Я натужно улыбнулась, поворачиваясь к туннелю. Три демона сокращали дистанцию быстрее, чем я была готова.

Флорин, злобный фомор на хвосте и оружие, нацеленное на меня, — превзошли все ожидания на сегодняшний день. Что ж, план с самого начала пошел наперекосяк.

Кто мог подумать, что Флорин захочет пойти с нами? Сидела она в гареме четыреста шестьдесят четыре дня тихонечко, вздыхала по каждому новому визирю, манившему недоступной красотой, и тут вдруг понесло девицу. Не выдержало сердечко суровой пытки. Очередной правитель фоморов ускользнул из ее рук.

— Если вы хотите добыть камень богини и расколоть надвое — я с вами, — заявила темноглазая брюнетка сразу, как стук шагов эл Кхрима стих за стенами малой купальни.

— А как же... Почему? — растерянно промолвила я. Впрочем, особых объяснений от Флорин не понадобилась.

Визирь, царствующий до Амати, искусно манипулировал наложницами, развлекая себя

интригами внутри дворца и за его пределами. Он выступал грозной и суровой силой для соседей-людей и соседей-монстров. Луноликий Аматри очаровывал всех неземной улыбкой и притворно-мягким отношением к своим вынужденным невольницам. Стража восхищалась его величием и внутренней силой. Соседи — утонченным вкусом и остротой ума. Темный повелитель Тинхе вогнал всех в ступор и долговременный шок. Ему было откровенно плевать на внутреннюю и внешнюю политику фоморов. Его ничего не радовало и ничего не злило. В лучшем случае своим подданным он внушал страх. В худшем — непонимание.

Привычный уклад дворца затрещал по швам.

На своей собственной шкуре я прочувствовала насколько тщательно и умело Тинхе подходит к своей работе. Как выстраивает долгосрочные планы. Как ловко реагирует на смену обстоятельств. В мире же Наложниц он откровенно халтурил с местным контингентом, вкладывая лишь ту толику сил, которая помогала вписываться в хронику мира. Нет, вовсе не из-за того, что начал терять хватку или подзабыл на собственную работу. Просто соблазнение Клавдии на темную сторону и регресс мира не стояли в его приоритетах. Он искал Аматри. Остальное оставалось за пределами его интересов. Стоило ли удивляться, что подобный игнор принес последствия?

Таила ли мысли о побеге Флорин до нашей встречи? Повлияло ли появление Избранной на ее решение? Имело ли это для меня какой-то значение? Нет. У самой яркой последовательницы порядков гарема были ключи от многих дверей, информация о смене караулов на всех этажах и определенная репутация среди фоморов. И именно в этом я отчаянно нуждалась.

Я думала, нежданная союзница проводит нас с Клавдией до катакомб и отправится обратно на бархатные подушки, чтобы потом, если вдруг наша авантюра закончится провалом, летящей походкой выйти сухой из воды.

Я ошибалась. Но со мной это случается постоянно.

Выцепив из вещмешка синее перышко, я передала его Дие. То самое перышко, что отвалилось от оперения дротика, которым в меня целился Никий в парке. Чудом затесалось вместе с вещами, и не пострадало во время стирки.

Тогда за нами еще не гнались фоморы. Мы шествовали мимо стражей маленькой тихой группкой. Эл Кхрим приказал моей личной охране держаться чуть в стороне, на случай, если одна из особ женского пола захочет повыдергивать мне космы.

— Одного не понимаю, если артефакт принадлежал богини, то с какой радости его пользуется повелитель фоморов?

Диа вскинула бровь. Мол, мы в другом мире, с демонами, магией и белокаменными дворцами, а ты не понимаешь только одного? И даже не того, что когда-то существовало реальное божество, а конкретно его отношений с камнем?

Флорин состроило кислую рожицу.

— Если ты не знаешь эту историю, как вообще нашла Таинственный сад?

Браслеты на ее руках звякнули. Девушка зябко обхватила себя за плечи, будто на ум пришла очень неприятная мысль. Можно было привести сравнение с внезапно набежавшим сквозняком, но явный раздражитель произрастал из глубины мятежной души.

— Ладно, слушай, — молвила она. — Это давняя история. Почти легенда.

Все началось с девушки. Конечно же, молодой и красивой. Драматичные истории о любви редко обходятся без таких особ. А это история именно о любви. Не просто же так здесь замешена богиня, что покровительствует возлюбленным, и артефакт, что объединяет

сердца.

Итак, была девушка. Нет, летописи не сохранили ее имя. Не сохранили и причин, по которым непорочная дева затерялась в дремучем лесу близ земель двуипостасных. Да кому нужны эти причины? Девушка заблудилась. Темнело, холодало, дикие звери вносили коррективы в свое ночное меню. Испуганная и уставшая потеряшка взмолилась богине, той единственной, чей лик хранился в ее доме. И — о чудо! — то ли в тот день богиня не была столь рьяно озабочена повседневными божественными делами, то ли мольба была столь искренней и жалостливой, но едва пропал последний луч солнца, на поляну к девушке вышел юноша.

О, что это был за юноша! Девушка в жизни таких не встречала! В одно мгновение светлый лик экзотического незнакомца очаровал ее своей небрежной красотой. У несчастной не осталось ни единого шанса, кроме как без памяти влюбиться. Незнакомец вывел ее к людям, и не успела она рассыпаться в словах благодарности, как исчез из виду.

С тех пор девушка потеряла и сон, и аппетит. Прошло время, и вновь она взмолилась богине. И вновь та решила ответить.

— Жить без него не могу! Не губи мою душу, коли свободен он и по нраву ему я, дай нам свидеться вновь, — попросила девушка.

Богиня явила священный камень, тот самый, что хранился в ее божественном хранилище, и, благодаря которому, соединяла сердца влюбленных, и повелела:

— Коли притронешься к нему, и отправит он тебя к твоему возлюбленному, так и быть, благословлю вас, и быть вам вместе. Коли нет, пойдешь под венец с тем, к кому он тебя приведет.

Конечно девушка согласилась! Пространство засияло, и вошла она в магическую прореху. На той стороне ждал ее совсем не прекрасный юноша. Жуткое и уродливое чудовище из страшных сказок. Двуипостасный. Скверна цивилизованного мира.

Испугалась девушка. Вновь взмолилась:

— О, богиня, не губи мою душу. Не отдавай меня чудищу зеленокожему.

— В смысле? — не поняла богиня. — Вот же твой прекрасный юноша. Тот самый из леса.

Фомором оказался таинственный незнакомец. Да не рядовым, а сыном Великого визиря.

Девушка в ужасе смотрела на лицо-морду бывшего возлюбленного. А после пала на колени и вновь взмолилась богини.

— Ошиблась я! Не отдавай меня демону страхолюдному. Верни в дом отчий!

Но в этот раз, номер не прошел.

Разгневалась богиня. Как же так, ее слезно умоляли о даре любви, а после его получения отказываются.

— Нет, — сказала она. — Коли мой камень указал на него, быть вам навсегда вместе. Связаны будете самыми крепкими узами — нитью незримой.

Девушка в слезы. Фомор — в растерянность. Слишком легко и просто отвергла его красавица. Отец фомора — Великий визирь — в приступ гнева.

— Что за гнусные проделки небесных? — возмутился правитель фоморов. — Наша раса не признает над собой власти иноземных богов. Не пойдет мой сын под венец с безродной женщиной одноликой!

Прав был Великий визирь. Нельзя богине людей властвовать над судьбами фоморов.

— Но она пошла на принцип, — закончила Клавдия вместо Флорин. — И заключила богиня с повелителем фоморов договор. С тех пор, каждый, кто хочет найти или подтвердить свою любовь божественным артефактом, обязан платить дань Великому визирю. Взамен же... Что он должен был взамен?

— Неважно, — вмешалась Флорин. — Великий визирь обманул богиню. Только поняла она это не сразу.

Я собиралась задать вопрос, в чем именно крылся обман, но не успела. Блики факела мазнули по стене, демонстрируя тупик. За нашими спинами послышался топот фоморских лап. Демоны-таки догадались, что спуск в катакомбы выходит за рамки дозволенного наложницам.

— Из подземелий нет выхода за пределы дворца! — В узком проеме катакомб эл Кхрим нависал над нами в устрашающем оскале акулы-мутанта. Крыло расправилось в веере лезвий. Один из острых краев качнулся в воздухе зависая перед моими глазами. — Мимолетное внимание визиря заставило тебя возгордиться. Ничего, пара свежих надрезов на личике работает отличным противоядием.

Раздвоенный язык в предвкушение мелькнул между пупырчатыми губами.

— Давай, Диа! — скомандовала я.

Избранная впихнула копьё в руки Флорин. Вытащила синее перышко и щелкнула пальцами.

Истерзанные магией каменные породы осветились пылью телепортационной магии. Портал, что перенес меня из сада в подземелье, спрятался между двумя каменными фигурами. Его создал эл Жаб. То есть, фомор хотел, чтобы все думали, что портал создан им. На самом деле это был обычный межпространственный проход, запрограммированный на свою волну.

У порталов, как и у магии, есть свои правила. У тех, что открывают проходы между мирами они более сложны и требуют огромных затрат. Те же, что переносят из одной точки мира в другую, проще. Обычно требуется соблюдение определенных условий. Например, знание точного времени, когда портал готов работать, магия, что способна его активировать, маяк, на который ориентируется портал как на конечную точку выхода, и умение обращаться с внутренними потоками, чтобы те не расщепили вас на атомы. Если какой-то из перечисленных факторов вам не доступен, то вы, либо не сумеете этот самый портал открыть, либо попадете в беду. Впрочем, если вы хорошо изучили всю кухню создания порталов и имеете немного удачи Избранной (или золотой магии), на многие условности мир готов закрыть глаза.

Я хлопнула в ладоши, активируя цветную пыльцу магии, видимую только мне. Крохи полетели в стороны, переплетаясь с магией Дии. Мигнул портал. Путеводная Нить метнулась к мерцающему провалу.

Работает!

— Вперед! — скомандовала я.

Эл Жаб замер. Где-то в его мозгу переключилось, не позволяя подать сигнал мышцам и приказать стражникам действовать. Прямо перед его глазами, одна за другой мы юркнули к свету нашего спасения.

— Ведьмы, — севшим голосом пробормотал он. Броситься за нами вдогонку он не успевал. Я переключила портал в то же мгновение, как последняя часть моего тела покинула объятья портала.

— М-мать!

Солнце ударило в глаза ярко и беспощадно. Затхлый воздух подземелья сменился свежестью травы и хвои. По ушам прошла задорная птичья трель, сопровождаемая гомоном птиц-подружек.

Мы повалились на землю одна за другой. Между нашими телами в землю воткнулось острое копьё.

С грацией лани Флорин поднялась на ноги, отряхивая прилипшую листву. Среди кустов и деревьев дикой природы девушка смотрелась почти инородно. Шурша тройным слоем юбок длинного платья, она прошла по полянке. Глядя на нее, я чувствовала острое желание поискать съёмочную группу, что выбралась за город на фотосессию с топовой моделью.

— Это не Таинственный сад. Где мы?

Диа пошевелила рукой, указывая в сторону Путеводной Нити.

Я потерла ушибленный бок.

— Я взяла ориентиры Путеводной Нити. И если я хоть что-то понимаю в работе порталов, то мы перенеслись туда, где прячется похититель артефакта.

— Или туда, где он оставил один из своих дротиков, — с мрачным оптимизмом добавила Диа, вырывая из лап кустов остатки подола. — Или к кузнице, где производят эти самые дротики. Или на птичью ферму, где ощипывают пух для этих дротиков. Но точно не туда, где спрятан тот самый артефакт.

Я поднялась на ноги. Вытащила из заплечной «сумки», переданной мне Флорин, пару обуви, брюки, кофту и желтый плащ. Легкое шелковое платье заняло их место на дне холщового мешка.

— Может и так, — пробормотала я, натягивая штотки. — В любом случае, надо подготовиться, чтобы застать Никия врасплох.

Через несколько минут я закончила. Обрадованная смене гардероба, я даже озарила улыбкой своих сообщниц (как же я скучала по грубой ткани и тонкому запаху дешевых синтетических волокон!). Сообщницы не ответили взаимностью. Мой радостный взгляд столкнулся со стремительно бледнеющим лицом Клавдии.

— Что не так?

— На месте! — скомандовал мужской голос откуда-то из-за плеча.

Я обернулась.

Из-за деревьев, у того самого места, куда упиралась красная нить, стоял человек. Не Никий. В руках он держал винтовку, нацеленную прямо на меня. Обычную такую винтовку. Может я не особо разбиралась в оружии, но это было точно не кремневое ружье века девятнадцатого, а что-то весьма современное, хоть и местами потертое.

— Ты тоже его видишь? — одними губами промолвила я.

Клавдия, хорошо осознающая угрозу огнестрельного оружия, тихо ответила «Да».

— 17 —

Я стояла на месте не шевелясь.

Тот страх, что жил со мной в родном мире, поднял голову и злорадно улыбнулся металлическими зубами. Все стало как-то сразу реальней.

Когда попадаешь в миры с магией, чудесами и волшебством, волей-неволей воспринимаешь все в ярких цветах. В легком состоянии измененного сознания. Будто всегда

находишься чуть-чуть под градусом.

Мне приходилось делать довольно опасные вещи. Прыгать в порталы, что расщепляют из-за любой крохотной ошибки. Разбивать чужие проклятья, что основаны на страхе. Идти с мечом наголо против чистой магии. Все это должно было закалить мой дух. Заставить с усмешкой смотреть в лицо опасности.

Но не заставило.

Дуло ружья, направленное в лицо, трезвило хлеще окунания с головой в прорубь.

Магия — такая штука, которую всегда можно отменить или обратить, или защититься внутренней силой, преобразованной в щит. Да мало ли еще что? А вот пулю в брюшной полости силой любви не победишь. От нее не увернешься и мечом не отобьешь.

Я застыла как засохшая жвачка на парте. А вот Флорин проигнорировала мужчину. Проблема запутавшихся локонов волновала ее сильнее. Возможно, в богатые хоромы гарема редко врывались мужчины наперевес с огнестрельным оружием, что плохо сочетается уровнем технологического развития мира.

Пока я боролась со страхом суровой реальности, Клавдия взяла ситуацию под свой контроль.

— Руки вверх, — четко проговорила она, подавая нам пример. — Без паники и резких движений.

Слова Избранной вернули меня в чувства.

— Что за отсебятина? — опешила я.

— Я по телеку видела. Надо со всем соглашаться.

— И я о том! Соглашаться, а не свои варианты предлагать. Он приказал на месте стоять, а не вот это вот все. Давай руки еще друг дружке свяжем. Или что уж, чайную церемонию закатим, раз мы такие покладистые.

Потерпев поражение в борьбе с выковыриваем листиков и веточек из достойной зависти шевелюры, Флорин включилась в тему. Уперла руки в боки, обдавая незнакомца презрительным взглядом трех тысяч айсбергов.

— Мы только что утерли нос фоморам. С какой стати слушаем мужика с палкой?

— Да, с какой стати? — встревожилась я. Разом онемевшие губы едва формировали слова. — В нас тычут оружием. Самое время для паники.

— С какой стати подчиняться, — уточнила она. — Палка даже не заточена! Какой-то сломанный арбалет. Что он нам сделает? — Флорин приподняла края юбки, намереваясь двинуться в другую сторону от неинтересного ей человека. — Блаженный или дикарь. Только взгляните на его прическу.

Тут и я оценила вид незнакомца. Лицо довольно обычное. Небритость день шестой. Глаза спокойные. Да и весь вид собранный, уверенный. Не из разряда психов. Дреды по пояс. И странный потертый костюм, будто военный, но без отличительных знаков, эполет и погонов. На невзрачной форме выделялся лишь пояс с металлическими крестиками.

К слову, во время нашей перепалки, стрелок хранил тишину. Внимательно вслушивался, кто и что говорит, но угроз больше не выкрикивал. Но как только Флорин попробовала сделать шаг в сторону, передернул затвор, перевел прицел на бунтарку и...

— Фло!

Выстрел заглушил мой выкрик.

В ушах взорвались праздничные фейерверки.

— Не стреляйте! — Я припала на колени, зажимая уши. — Мы безобидные!

Клавдия что-то выкрикнула. Я не разобрала. В немом отупении я повернулась. В груди скользнул холодок, готовый в любой момент вступить в борьбу с истерикой.

— Ради всего святого, — мой вздох прокатился в сипящей тишине.

Бледная как накрахмаленные простыни, Флорин разглядывала поврежденный ствол дерева. В десяти сантиметрах от ее лица зияла дыра размером с кулак. По всей поляне валялись щепки. Одна из деревянных заноз разорвала рукав расписного платья. Флорин этого не заметила.

Клавдия, прижав ладони ко рту, в ужасе пялилась на лесного стрелка.

— Заткнулись, — хрипло приказал мужчина. Для наглядности прижал палец ко рту. Дождавшись нашего внимания, он повел стволом в лес. — Туда.

Желающих спорить не осталось.

Мы подхватили Флорин под руки.

— Я так понимаю, он хочет, чтобы мы шли в лес. — Предположила Клавдия.

Дреды мужчины смешно качнулись, когда он кивнул.

— Да ладно, и как ты догадалась? — не удержалась я от иронии.

— Очень характерные невербальные жесты, — на полном серьезе отозвалась Клавдия.

Мужчина подхватил копье фомора с поляны.

Молчком, друг за дружкой мы двинулись в лес. Навстречу кочкам, метящим в лоб веткам, пенькам, мошкаре и колючим кустам. Стрелок неуклонно двигался следом. Иногда он выкрикивал «хэй!», привлекая наше внимание, чтобы указать, что мы сбились с маршрута. Мысленно я недовольно бурчала, критикуя его манеру координирования в лесной местности.

Спустя какое-то время Флорин пришла в себя. Не повышая голоса, она спросила:

— Что это было? Не видела раньше подобного.

— Ружье, наверное, — предположила Клавдия, поглядывая на меня. Я отрицательно качнула головой. Нет, мы не вернулись на Землю чудесным образом. Мы все еще в мире фоморов. — Это, знаешь, вроде магического жезла с однотипными снарядами. Нет-нет, это как магический арбалет, только вместо болтов шарики. Нет же, это как что-то такое магическое, но не совсем.

— Это не магия, — закусывая губу, пробормотала девушка. — Я знаю, когда магия.

— Кхм, — прочистил горло стрелок.

Опасаясь еще одного выстрела, на этот раз контрольного, я чуть-чуть замедлила шаг, пропуская девчонок вперед.

— Знаете, мы искали не вас, — обратилась я Дредам (сам виноват, что не представился).

Не то чтобы я надеялась наладить контакт, но половина психологов рекомендует вести диалог с похитителями. Чтобы они перестали воспринимать вас как безликий объект и увидели в вас человека. Я немного сомневалась в действенности данной теории. Один раз она проверку уже не прошла. Сколько я Врагу втирала о себе любимой! А он только и циклился что на моей избранности.

Вряд ли со стрелком все пойдет иначе. В любом случае, я надеялась, что, если путь в лес закончится пулей в лоб, моя смерть западет Дредам глубоко в сердце. Хотя бы на денек-другой. К сожалению, правды о себе я поведать не могла, а на ходу (в прямом и переносном смысле) врала плохо.

— Мы вообще никого не искали. Так что опасности для вас не представляем. И нам все

равно, чем вы тут занимались. Мы заблудившиеся отшельницы. То есть проповедники. Проповедницы? Троица лесных отшельниц-проповедниц. Рассказываем деревьям о богине нашей... эээ... не единой. Господи, Диа, да помоги же мне! Я не очень хороша в этом.

— Антропологи-любители? — откликнулась Диа, проталкивая Флорин впереди себя. Немного отойдя от шока, та довольно ловко скользила между ветвями и вздымающимися из-под земли корнями. Королевские шелка в три слоя ничуть не мешали ее грации. — Землю роем.

— Антропологи чем-то другим занимаются, — засомневалась я. Впрочем, не очень уверенно. — Что, и все?

Девушка пожала плечами, перепрыгивая через вздыбившийся корень:

— Я тоже в этом не очень хороша.

Я собиралась высказать свое «фи» ее ораторскому мастерству, и благополучно проморгала выросший будто из ниоткуда сук.

— Нет, ну чтоб тебя, а! — воскликнула я, следом разразившись парой бранных слов.

Громкие эпитеты не дотягивали до отборного мата, и все же, Дреды решил, что я жажду услышать его комментарии на этот счет.

— Женщины везде одинаковы. Смотришь — соловей, тронешь — шуша шушей.

Я покосилась на мужика. Частичка меня, что отвечала за все безумства, принялась взвешивать на чашах весов ружье и оскорбленные чувства. Закончить мысленный процесс, ведущий к потенциальному членовредительству, не вышло. Впереди запричитала Флорин:

— Понятно, почему я не во вкусе Визиря. Воспитанная, манерам обученная, с грацией лани, щечки, что персики, глаза, что изумруды, волосы, что шелк, речь, что патока. Не это он искал, совсем не это.

— И толку? — Фыркнула я. — В одной задни... це... ситуации оказались.

Если Дреды нас в итоге не пристрелит, то вскоре обнаружит Тинхе. Что от него ожидать, я не представляла. Раньше я бы предположила, что он не обратит внимание. Мол, чего еще ждать от Избранной, кроме как бесполезного побега? Схватит, притащит во дворец и оставит новой страже. Но вчерашняя вспышка гнева показала, что удивлять приятель в черном все еще умеет.

Может он и будет прав. Лес, дебри, кочки, надоедливые мошки и цепляющаяся за каждый прут одежда. Куда я полезла? Зачем других за собой потащила? Получи теперь, за то что решила требовать с богов свое!

Дреды на вопросы не отвечал. Лишь хмурился и выдавал что-то невнятное, продолжая гнать нас куда-то вперед.

Лес постепенно редел.

Зарослей становилось все меньше.

— Извини, Клавдия, что втянула тебя... — Горло резко перехватило, и мне едва хватило воздуха, чтобы злобно проскрежетать. — Ты ж, змея ты подколотная!

— Я-я?

— Он! — ткнула я пальцем вперед.

Лес закончился. Мы вышли на зеленую опушку. На пригорке сидел подлец-Никий с отверткой в руках. Он ковырялся в жестяной коробочке с мигающими лампочками (он что, Томас Эдисон этого мира?). Рядом стоял бородатый мужик в такой же одежде (униформе?) и с плотной вязаной шапочкой на голове. На мой выкрик он вскинул на плечо винтовку, наводя на нас.

Я так и замерла с вытянутой рукой, аки указующим перстом божьим. Жаль за спиной не стояла армия ангелов-карателей, жаждущих изничтожить нечестивца. Всего лишь Дреды.

— Отставить, — скомандовал он.

Бородач отвел дуло. Никий же, как застыл с занесенной отверткой, так и не шелохнулся.

— Знаешь ее? — спросил Дреды.

Никий кивнул.

Бородач несколько секунд переводил взгляд с меня на мгновенно потухшего Никия, а после разразился хохотом.

— Смотри-ка, Следопыт обзавелся бабой! А ребята гадают, на кой ему вылазки. Дохнут же с них похлеще чем с жаровни.

— Обзавелся дамой, — поправила я. — Дамой, леди, девушкой, возлюбленной, прекрасной половинкой. Не бабой.

— Что? — моргнул Бородач.

— Синонимы предлагаю.

— Она права. Она не баба, — подтвердил Никий. — Она активатор.

— Ну нахрен. — Бородач стянул шапку, скрывающую лысину. — Та самая? Ведьма?

— Магичка.

— А эти? — Мужик подмигнул Флорин.

Та брезгливо поморщилась.

— Впервые вижу.

Тут вмешались Дреды:

— В чем дело?

— У нее Дар, — кисло отозвался Никий. — Дар понимать чужие языки или что-то в этом роде. Это она активировала последний Светоч. Оказала сопротивление другой стороне, а после преследовала меня. Произошел незапланированный контакт.

До меня запоздало дошло очевидное. Портал не подвел. У Дредов наверняка есть аналогичный комплект дровиков, что и у Никия. И вел он себя соответственно. Как и Никий, мужчина понимал, о чем мы с девчонками говорили, но и в мыслях не допускал, что мы его пойдем. Оттого все эти жесты.

Только вот почему Клавдия его не понимает? Она же Избранная, как и я. Местные языки должны быть ей понятны.

— Тогда почему она здесь? — снова вмешался Бородач. — Еще и с подружками. Так сильно понравился контакт?

И снова разразился хохотом.

Клавдия пихнула меня в бок.

— Ты их понимаешь, да? Что он сказал?

— Лучше тебе не знать.

Дреды ткнул меня дулом промеж лопаток.

— Хватит, — приказал он.

Смех Бородача тут же оборвался. Контрабандист (ну а кто еще?) вернулся к прежнему занятию — вычерчиванию палкой на земле странных символов.

— Запускай точку сборки. Манок свое отжил. Ты, — обратился он уже ко мне, — только понимаешь или еще говоришь?

Я не сразу сообразила, о чем меня спрашивают.

Мужчина щелкнул по медной вставке на поясе. Простоватый узор сменился с крестиков

на нолики.

— Что думаешь о нем? — кивнул он на Бородача.

— Честно?

— Честно, — повторил он, имитируя мою интонацию.

Я задумалась.

— Честно будет грубо, — призналась я. — Но рано вы его с поводка спустили. Совсем же дикий.

Мужчина прищурился.

— Да, рано, — а потом повернулся, и крикнул Никию. Хотя какой он Никий, если он Следопыт? — Расширяй до шестерых. Канал обрываем.

— 18 —

Они собирались открыть портал в другой мир.

Открыть портал и забрать нас с собой.

— Зачем? — нахмурился Никий. Тонкая сеточка морщин сбежалась к уставшим глазам. Мужчина щурился от яркого солнца, будто свет для него нечто непривычное. — Сонар, ну вот зачем нам их с собой тащить?

— Дар. Переводчица пригодится для следующего прохода. Кудрявая же умеет находить предметы. Именно так она выследила нас. — Дреды отставил копьё фоморов в сторону и продемонстрировал оперение дротика. — Недопустимо оставлять следы. Местные владыки слишком надоедливы. Мы вынуждены экстренно эвакуироваться. Врубай уже.

— А она? — кивнул Никий на Флорин. Мужчина покосился на Бородача. Телепортатор поморщился и тихо возразил: — Имеет ли смысл нагружать прибор? Сколько с нее будет? Лишние сутки? Не стоит такого риска.

— Не обсуждается, — коротко отрезал мужчина. Стало ясно, что разговор окончен.

Никий сухо осведомился:

— Поправки в координатах?

— Ща, — отозвался третий контрабандист, едва заметно ухмыляясь в бороду.

Я определенно потеряла хватку, раз не разглядела в Никие мага. Как я не почувствовала в нем Дар? Или не увидела. Обычно чертовы блески вечно рябили в глазах.

Совершенно точно я могла сказать о контрабандистах лишь одно: никто из них не являлся лэйтарцем. Граждан Золотой Империи окружал особый ореол, возвышающий их над всеми остальными. Некая недоступность и превосходство с легкой примесью божественности. Спутать их с кем-то другим невозможно.

— Что происходит? — Клавдия держалась за мою руку.

При жаркой погоде, усиленной полуденным солнцем, ее ладони казались ледяными. Флорин тяжело дышала, сверкая глазами, будто заостренными лезвиями.

— Тебе понравилось оказаться в незнакомом мире, совершенно не зная, как дальше жить, что делать и кому молиться, чтобы все изменить?

— Что за глупости? Конечно нет!

— Наши опасные спутники готовы предоставить нам уникальный второй шанс на попаданство! — чересчур бодро отрапортовала я. Достаточно бодро, чтобы привлечь внимание Сонара.

— Попаданство? — переспросил он, пробуя на вкус незнакомое слово.

— Когда попадаешь по-крупному, — вежливо отозвалась я.

Взгляд мужика с дредами дал понять, что он не поверил мне ни на йоту.

— Не люблю, когда мне лгут.

— Не люблю, когда меня похищают подозрительные мужики со странным оружием.

Ладно бы один, симпатичный и с приличным банковским счетом. А тут даже говорить не о чем.

— Великий визирь дает своим женщинам слишком много воли. Не совсем то, что я ждал от того, кого прозвали темным повелителем.

Сонар дело говорил. Наблюдательный, скептический, субкультурный модник.

— А я не какая-то там из его женщин. Великий визирь, сильнейший и опаснейший монстр-маг всей эээ...

— Цезерины, — подсказала Диа.

— Да, Цезерины, спасибо. Он — мой нареченный! — Наверное, я вечно не смогу использовать эту ложь. Через какое-то время придется сменить статус Тинхе на жениха. Потом на супруга. Там и до отца троих детей. Миров через восемь он превратится в бывшего мужа-козла. Зачем биться с Врагом напрямую? Слухи, сплетни, пропаганда — вот наше все. Уничтожу ему репутацию и ни одна Избранная больше не попадет в его коварные сети! — Имейте ввиду, он перетряхнет на атомы все ваше королевство, или что там, на атомы, чтобы меня найти.

Тут я не врала. Если Тинхе в голову втемяшивалась какая-то идея, он шел за ней до конца.

Я вызывающе скрестила руки на груди, шурша плащевкой:

— Лучше бы вам отпустить нас. И вернуть артефакт. Лично мне в руки, конечно же.

— Это правда? — не сводя с меня глаз, Сонар вновь обратился к Никию. Тот, явно чувствуя себя не в своей шкуре, дернул плечом.

— Кто знает. — Все желание спорить пропало у него пару минут назад. Отвертка в его руке соскользнула по креплению и оцарапала кожу. Он как будто и не заметил этого. — Но зубы заговаривает она — будь здоров.

— Какая разница? — вмешался Бородач. Закончив чертить символы, он стукнул по плечу Никия. Тот что-то щелкнул на аппарате, сверяясь с записями на земле. — С одним уже справились, — похлопал он ладонью по поясу, кривя губы в неприятной улыбке. — Второй помехой не станет.

Легкий холодок пробежал по загривку.

Речь об Аматри? О нем? Что с ним сделали? Нет, врет же! Кто они вообще такие, что способны одолеть Странника? Вокруг них ничего похожего на подавляющую ауру Тинхе. Обычная, я бы даже сказала, приземленная и угрожающая аура. Что-то среднее между напившимся качком и спецназовцем. Кулаками и пулями обычного лэйтарца не пронять. Если бы это так работало, Клод выдавал бы нам «Калашниковы», а не деревянные мечи. Впрочем, от последних тоже было мало толку. Может, он говорил о настоящем визире-фоморе, что был до Аматри?

Уточнить я не успела.

— Да как вы смеете?! — Не думаю, что Флорин поняла, что речь идет о Луноликом, но пока я говорила с Сонаром, Диа успела что-то объяснить. — Думаете вам позволено творить невесть что? Боги вам этого не позволят! Ни Келла Просветительница, ни Цезерий Небесный, ни Латрин Жизнедарующая! Вы будете прокляты, дети иных миров, если посмеете взять то, что вам не принадлежит!

Что ж, не те слова, что я ожидала. Наверное, люди, которые живут в магических мирах, легче воспринимают существование чего-то выходящего за рамки реальности. Подумаешь, контрабандисты из другого мира хотят забрать тебя с собой. Им же можно пригрозить гневом богов, в которых они не верят. Лучше бы пугала каким-нибудь магическим отрядом быстрого реагирования.

Сонар не стал затруднять себя ответом. Флорин бы его не поняла, а утруждать себя разговором со мной ему надоело. Он показательно взвел курок. Конечно же для девушки это оказалось не совсем мотивационным действием. Ее опыт насчитывал только один выстрел.

Дрожа как осиновый лист, я перенесла вес на левую ногу. Вроде, как и с места не сдвинулась, но темноволосую наложницу собой загородила. Всячески стараясь не показывать страх, я все равно чувствовала, как холодный пот стекает вниз по позвоночнику.

Если я когда-нибудь вернусь в Центр, обязательно внесу в программу подготовки Избранных уроки противоборства огнестрельному оружию. Или медитативные практики, что не позволят цепенеть от вида человека с винтовкой. Хотя, наверняка все закончится тем, что Клод будет практиковать стрельбу по движущейся мишени. По одной. По мне. Это слишком очевидно.

— Вы уже переправили артефакт, да?

Мужчина не ответил, но вопрос был риторическим. Тинхе сказал, что артефакт в другом мире.

— Может скажете, зачем он вам?

— Увидишь.

Увижу?

Во мне загорелась искорка надежды. Артефакт на той стороне. Если я его увижу, то и забрать смогу. Или сломать. Немного сырой энергии золотой магии и — вуаля! Если контрабандисты ослабят бдительность, я тут же разрушу артефакт. Перехвачу управление порталом и верну нас обратно. Хотя, если мир там вполне симпатичный, можно задержаться.

Я вновь оглядела трех здоровых мужиков с пушками, задерживаясь на Никие-Следопыте. Просто все не будет. Они взяли Аматири. Я им не ровня. И все же...

— Будь наготове, — шепнула я Клавдии. Сама же приготовилась изучать портал. Я должна была понять технику его заклинания. Все-таки, я какой-никакой специалист.

Клавдия подобралась. Никий открыл коробочку, в которой ковырялся. Нажал на кнопку. Покрутил колесико.

Коробка — тоже артефакт?

Что-то зашипело. Коробка заискрила. На пустом поле замельтешили воздушные волны. Это был не стандартный портал. Не из тех, что создавал Центр или Золотая ось. Ничего похожего на зеркальную гладь. Ничего усыпанного золотом опасной магии. Я даже не знала, считается ли подобный проход магией. Никаких блесток. Лишь противный белый шум.

— Что за магия? — ахнула Флорин.

Бородач дернул губой, услышав вопрос.

— Дикарки.

— Это не магия, — ответила Диа, прижимая ладонь ко рту.

Все трое мужчин наслаждались нашей реакцией. Шоком Флорин, испугом Клавдии и моим возмущением. А причины возмущаться были веские. Клавдия все сказала верно. Никакая это не магия. Никакой это не портал. Какая-то механически-техническая, что б ее,

кибернетически-футуристическая навороченная фигня. Это не для Избранных из нашего Центра. Не для меня точно. Я в физике не огонь. Последняя продвинутая технология, которую я держала в руках, осталась на Земле, на прикроватной тумбочке. Пятнадцать триста по акции. В рассрочку на двенадцать месяцев.

Не-а. Меня такому не учили. Это что-то из жанра фантастики, в которой я вообще не але! В лучшем случае я помнила кадры из «Звездных врат» и «Чужого». Но эти парни не походили на бравых вояк космоимперии. Зачем кому-то с технологиями перемещения между мирам — артефакт, что приносит любовь? Нет, ну бред же.

— По одной, — скомандовал мужчина с дредами. — Мак — первый. Вы за ним. Следопыт — замыкаешь. Переведи.

Я повторила своим. Флорин мотнула головой.

— Нет, я не могу.

— Поздно паниковать, — щипнула ее Клавдия.

— Есть правила, — забормотала Флорин, сминая складки платья. — Божественные силы. Договор.

Бородач перехватил ее за локоть.

— Добро пожаловать в новую жизнь! — возвестил он. — Дворцов и храмов мы вам не обещаем, но местный колорит вас удивит своей аутентичностью.

Флорин будто оглушенная смотрела на то, как ее подводят к порталу. Трава у подножья вздыбилась и почернела как от огня. Бородач прохрустел по пожухлой зелени тяжелыми ботинками. Остановился, чтобы натянуть вязаную шапку обратно на лысину, и вошел в портал. Флорин по инерции потянуло за ним.

— Полагаю, теперь я, — глубоко вздохнула Клавдия.

Серая мельтешащая пелена поглотила и ее.

Я в последний раз обернулась в сторону леса.

Черт, Тинхе, где тебя носит? Какие ты там возмущения реальности выискиваешь?

Сонар затормозил меня у самой границе портала. Выставив ладонь, он отсчитал пять секунд.

— Без глупостей, — предупредил он, заходя вперед меня. Портал с противным причмокиванием поглотил жилистую фигуру Сонара.

Да откуда они все знают, что я мастер творить глупости? У меня на лбу что ли написано? Или рассылку кто кинул между мирами. Флорин истерит, Клавдия подозрительно спокойна, но глупости почему-то ждут от меня!

— Куда вы нас ведете? — Я попыталась посмотреть в глаза Никию, но тот отвел их. — Зачем?

Никий ухватил меня за рукав плащевки.

Портал затрещал, когда я на пробу коснулась мельтешащей серой массы. Что-то острое кольнуло пальцы. Никий подтолкнул меня. Я послушно двинулась вперед. Сквозь шипение и звуки надломленных прутьев, мне почудился голос Никия, поглощенный шумом:

— Я сожалею.

Перемещение через технический (технологический?) портал мало отличалось от перемещения магического. Я бы даже сказала, что оно было проще. Никаких мысли-приказов или обращений к богам-хранителям. Никаких засасывающих водоворотов. Вошел и вышел. Будто перешагнул порог. Проще не бывает.

Ага.

Картинка мира сменилась за секунду. Без подготовительной воронки, мерцающей синевы и успокаивающей темноты. Будто кто-то неудачно склеил кадры в фильме, вырезав важный кусок со всеми объяснениями. Вот мы на солнечной поляне, а вот Клавдия сидит на земле. Кто-то держит у ее рта кислородную маску. Небо не видно. Много дыма и стен. Вокруг люди в костюмах химзащиты. К Бородачу кто-то пристает с вопросами, а Сонар уже скрылся в глубине ангара, обшитого медными листами. Над головой огромные лопасти взбивают удушливый воздух. Пахнет чем-то странным.

Среди облаков пара я увидела, как Флорин на руках уносят в серой маске-респираторе. Голоса, шум вентиляторов, лязг металла смешались в сводящую с ума какофонию.

Я покачнулась.

Вот зачем нужен стерильный мир. Он защищал нас от таких вот ситуаций. Кто бы что ни говорил, но миры разные. В них живут разные бактерии, патогены и инфекции. У местных есть иммунитет. У человека, даже с самым лучшим здоровьем, его нет. Избранные получают лишь самую каплю защиты. И то, для своего мира. У Странников есть их униформа с десятком заклиний, вшитых вместе с нитями. У бывших Избранных нет ничего.

Я почувствовала, как меня подхватили чьи-то руки. А потом поняла, что смотрю на людей снизу-вверх. Почему-то я лежала на полу не чувствуя ног. В легкие забился тяжелый дым, а звуки потеряли четкость. Голос Никия что-то говорил мне, но я не могла разобрать, что. Его слова превратились в тягучую повторяющуюся белиберду.

Никий наклонился надо мной. Открыл рот и четко повторил несколько слов. Я не поняла ни одного. Шок отразился на моем лице так сильно, что для Никия все стало ясно.

Мой Дар закоротило. Я больше не понимала, что говорят жители других миров.

ЧАСТЬ II

— 1 —

Меня затолкали в узик местного пошиба. Если бы не мое отбитое состояние, я бы возрадовалась возможности прокатиться на машине. Рев мотора радовал ту часть моей души, что скучала по дому. Седла, повозки и колесницы достали сильнее, чем жесткие корсеты и правила этикета. Из-за них я отбила себе всю пятую точку и защемила мышцы в таких местах, что стыдно сказать.

Взревел мотор.

Машина подпрыгивала на ухабах. Сквозь затемненные окна я почти ничего не видела. Мне было так плохо, что я едва дышала. А обзор преграждал плечистый мужик с одной стороны, и Никий с другой. У последнего я вроде как лежала на коленях. «Вроде как» — потому что плохо справлялась с ощущениями собственного тела.

— Анна, — позвал меня Никий.

Я перевела взгляд на платочкоголового. Его произношение проглотило одну букву «н» и мое имя прозвучало как «Ана». Он что-то еще добавил на своем языке. Интонация звучала мягко, почти заботливо. Ага, почти. Словам незнакомых мужчин-похитителей, а уж тем более их интонациям, я перестала верить в первый же день своей официальной избранности.

За несколько часов поездки в полутьме я успела передумать все самое худшее. Вопросы так и вертелись в моей больной головушке. Что за странный мир такой? Что прикажет сделать со мной Сонар, когда поймет, что я потеряла Дар? Что с Мальшом? Я звала его несколько раз, но он хранил молчание. Почему он перестал отзываться? Почему я его не

чувствую? Где, черт побери Тинхе, чтобы сказать мне, что Дар развивается соответственно своему возрасту и все с ним в порядке? Где Клавдия и Флорин? За нами едут еще машины? И главное, что если мне не станет лучше? Что если влияние нового мира на меня окончательно и бесповоротно?

Я останусь малоподвижным овощем. Местные не выглядят дружелюбными и понимающими ребятами. Просто скинут меня где-то здесь на обочине и оставят подыхать. Я не смогу даже пошевелиться. Просто буду лежать и ждать, пока местная фауна разъест мою плоть и поселится во внутренностях. Первым делом они прогрызут мне глаза. Потом залезут в уши, нос, рот. Выедят язык. Заползут в горло и...

Рука Никия легла мне на плечо.

От неожиданности я вздрогнула. Лишь спустя несколько секунд пришло осознание, что это успокаивающий жест. Не скажу, что мне стало легче или спокойнее, но попытку я оценила. Проснулось старое, давно забытое желание, чтобы кто-то обнял, прижал к себе и сказал, что все будет хорошо. Я почти забыла, как сильно мне этого не хватает.

Машина резко затормозила. Кто-то что-то гаркнул. Окно опустилось. Свет фонаря скользнул по лицу Никия, заставляя его прищуриться. Потом опустился на меня. Задержался на несколько секунд и потух. Водитель потянулся к бардачку, вытащил что-то и показал человеку на улице. Глушить мотор он не стал.

Мы на пропускном пункте, — поняла я.

Здесь есть машины. Здесь есть винтовки. Считай современность.

Несколько минут мужчины переговаривались. Что-то щелкнуло и загудело. Машина двинулась дальше по ухабистой дороге. Прошло еще несколько минут, прежде чем мы вновь остановились.

Никий помог мне выбраться. Я чувствовала себя растекающейся жидкостью, и едва понимала, зачем второй охранник держал меня на мушке. Будто в таком состоянии я могла себе позволить бежать.

— Анна, — привлек мое внимание Никий-Следопыт.

У меня не хватило сил, чтобы ответить или просто посмотреть на него. Никию пришлось подхватить меня на руки. Я же все силы прикладывала к тому, чтобы удерживать себя в сознании. И все-таки часть времени выпала из памяти. Реальность обрела свои черты, когда металл шлюза выдохнул избытки воздуха.

Что-то изменилось.

Я обнаружила, что могу свободно дышать. Тиски, сковывающие мышцы не пропали, но немного ослабли. Из головы исчез вертолетный гул и я, наконец, разобрала стук своего сердца. Никий опустил меня на ноги, которые, удержали меня на земле.

— Анна, — позвал он меня. — Тебе стало легче?

Я осторожно кивнула. Меня все еще подташнивало.

— Ты понимаешь мою речь?

— Да. — Ком напряжения скатился с груди. — Что это было?

— Пустошь и Украины, — сказал он, будто это что-то объясняло. — Сейчас мы под Куполом и защищены от действия грофа.

Я подняла голову. То, что Никий назвал куполом, действительно оказалось огромным закругляющимся колпаком. Но не из стекла, как я вначале решила, а из сочетания света, шедшего из странных прожекторов-излучателей. Небо, просвечивающее сквозь электромагнитный (вероятно) купол, мутное, будто по нему прошлись грязной тряпкой. Над

горизонтом висела желтоватая дымка, как бы предупреждая, о таящейся в ней угрозе.

— Какое отношение это имеет к моему состоянию?

Некстати припомнилась наша первая встреча с Никием. Тогда он говорил, что очень рад, что у него нет магических сил. Я списала это на различия в менталитете и культурных ценностях, но ситуация выходила куда хуже.

— Плохое самочувствие — это стандартная реакция на переход из одного мира в другой. Тебе станет легче, когда Док вколет сыворотку. А проблемы с Даром — это реакция на переизбыток грофа в атмосфере. В Цезерине знают о грофе?

— Если речь не о философе-психологе, что было бы странно, то я понятия не имею, о чем ты.

— Это такой элемент. Почти не встречается в природе в естественном виде. Но мы научились его синтезировать. Он... Впрочем, неважно, как все случилось. После Тихого Дня его остатки осели в эфире, из-за чего случилось вот это все. — Никий указал вверх, но, думаю, он имел в виду гораздо больше, чем неестественный цвет неба. — Переизбыток грофа в воздухе опасен для людей. Для тех, у кого есть Дар — смертелен. В нашем мире нет магии в том виде, что у вас. Она менее концентрированная и сильная. Она не представляла угрозы и ее не брали в расчет. Однако же, в Тихий День ее не осталось совсем. Экстрасенсы, ясновидящие, ведьмы погибли первыми, когда гроф просочился в эфир. Концентрация была столь сильной, что гроф иссушил всех носителей. В общем-то, — подытожил он, — это дало кое-какой шанс остальному человечеству. Если вкратце, то выжившие основали города под куполами. Этот — один из самых больших.

Я покосилась на купол, который после рассказа Никия, показался невероятно хрупким и ненадежным.

— На мой Дар напал плотоядный микроэлемент в воздухе?

— В эфире, — поправил Никий, как будто речь шла не о каком-то выдуманном веществе. Я вновь покачнулась, и он подхватил меня под руку. — Пойдем.

— Но это там, за стеной? — уточнила я, следуя за контрабандистом.

Мы двинулись вдоль по перекошенной дороге. Туда же, где скрылась остальная часть его коллег. Они будто тени шныряли между вздыбленными небоскребами. Городские «соты» напоминали металлические скелеты, обглоданные ржавчиной и копотью. Улицы опутывали провода. Грязной паутиной они тянулись по столбам. Того и гляди вот-вот выползет механический паук, чтобы запеленать в кокон очередную жертву.

— Здесь из меня все выветрилось, да? Под куполом я вне опасности?

Способность понимать иномирцев вернулась, но сосущее чувство пустоты осталось на месте. Я как будто вновь оказалась в мире апокалипсиса. Все те же ядовитые краски природы, серо-грязные оттенки человеческой архитектуры, и будто прогнившая аура людей, что остались в живых. В качестве бонуса — магия, пожирающий воздух.

Мы ехали несколько часов! Как сильно Мальшу мог повредить иномирный паразит?

— Купол не справляется со всем объемом грофа. — Мужчина вздохнул, утирая со лба невидимый пот. — Мы подключаем дополнительные генераторы, но сырье для фильтров весьма специфично.

Что-то в этих словах должно было меня насторожить, но голова раскалывалась, а ноги с трудом перебирали по выщербленному асфальту. Меня беспокоили другие вопросы.

— Ты открыл дверь из одного мира в другой мир. Это была не магия, да? Это что-то другое.

— Последний прорыв в области технологий. Впрочем, возможен он стал только после Тихого Дня. Знаешь, ты чуть более проницательна, чем наши обычные гости. Совсем не удивлена, что попала в другой мир. Не боишься автомобилей, не задаешь глупых вопросов, спокойно реагируешь на чуждые тебе предметы. Я посетил не так уж много миров, но в каждом находилось что-то, что удивляло меня до глубины души.

— Это называется шок, — легко пояснила я. — И потом, что считать «глупыми вопросами»? Вернете ли вы меня домой? Нет. Могу ли я попрощаться с друзьями, родственниками и близкими? Нет. Что со мной будет? Скоро узнаешь. Что же мне делать? Радуйся жизни, пока можешь. Господи, как меня это все достало.

Мужчина подозрительно нахмурился. Ну да, он же не стандартный идиот из мира Избранных. Золотая магия не подавит его паранойю, подкинув легкое решение.

— Ах да, — вдруг спохватился Никий. — Царство фоморов. Все глупые вопросы ты уже задала Великому визирю. Неужели странный новый мир людей тебе кажется предпочтительней, чем брак с лягушкой.

Ладно, может крохи моего Дара имеют тут какую-никакую силу.

— Ну, знаешь ли, — обиделась я слегка за Тинхе, — Великий визирь от тебя тоже не в восторге. Вор и контрабандист — не лучшее сочетание.

— Я не контрабандист. Я на службе у Города. Все мы.

Я позволила себе громко фыркнуть.

— Имея возможность прыгать по мирам все что вы придумали — воровать артефакты? И какие! Ладно бы полезные. Ну, там исцеляющие, очищающие воду, призывающие демона-строителя. Я имею в виду, вы похитили трех девушек, с магией очень сомнительной ценности. Брали бы кого-то полезного! Мага Земли, чтобы экологию восстановил. Или конклав ученых, чтобы вашу проблему решили.

— Ты не знаешь всего. О, вот мы и на месте.

Я собиралась выдать едкую обличительную реплику, но язык меня не послушался. Мир вновь поплыл перед глазами.

— Приток сил и его резкое понижение — это нормально. Завтра будет лучше.

Вновь двери, незнакомые люди, и движение. Я, хватаящаяся за разбегающиеся мысли. У меня еще столько вопросов. Столько надо узнать! Но вместо грамотно-составленных, аналитически-продуманных, тонко-наводящих вопросов, из моего рта выходили идиотские теории последних дней.

К счастью, Никий перестал меня слушать.

Мы опять шли по лабиринту коридоров. То есть, шел Никий, а я позволяла себя нести. Даже объяснила, что это особая привилегия и кому попало меня таскать не позволено. Так что пусть гордится предоставленной ему честью и рук не распускает. Не то что бы он пытался, но кто знает местные законы?

— Док?

Меня опустили на твердую поверхность. Я с трудом продрала глаза. Надо мной склонился незнакомый мужик в защитной маске врача.

— Сонар передал сообщение, — пробубнило новое лицо. — Какие симптомы?

Я ойкнула.

Док вогнал мне иглу под кожу. По вене побежал холодок.

— Стандартные, — ответил Никий.

Мне его слов оказалось недостаточно. Я добавила:

— Аллергия на граф. И на укусы зомби. У вас тут есть зомби? Мертвые поднимаются, чтобы сожрать плоть живых? Или это киберпанк? Я не разбираюсь в тонкостях. Только не превращайте меня в машину. Я буду глючить. Надо установить антивирус.

— И бредовое состояние рассудка, — заключил доктор, откладывая шприц.

— Последнее — не обязательно следствие перехода.

— Технофэнтези! — вспомнила я. — С элементами психологического триллера и картонного злодея. Тинхе — картон картоном. Да что там, дерево сплошное. Баобаб.

Док посмотрел на меня сквозь толстые линзы очков и сделал пометку в записях.

— Поспите, — посоветовал он.

Я послушно прикрыла глаза.

Усталость дня укутала меня, будто мягкое пуховое одеяло. Я позволила себе раствориться в минутной нежности незнакомого лекарства. Теплые объятия сна уносили меня вглубь к разноцветным картинкам из грез. Туда, где среди яркой зелени и бессолнечного неба темнела черная фигура Врага.

Минутку.

— Тинхе?

— 2 —

Я находилась в том стандартном состоянии, что пребывала во время тренировок Клода: лежала на пластиковой траве Центра, убеждая прибежище в том, что я часть ландшафта и формулировала отговорки для злобного божества. Когда на поле замаячила фигура в черном, фразы оправданий почти сформировались. Однако они не понадобились. Отчитывать меня за ужасное поведение Избранной пришел вовсе не металло-бог.

— Тинхе?

Я приподнялась на локтях, чтобы убедиться в своей правоте.

В каждом движении Тинхе сквозили отчетливые штампы классического мужчины-мечты из женских фантазий. Окутанный легким флером плейбоя из рекламы пены для бритья, он плавно приближался к моему укрытию. Черные штаны-алладины и рубашка выделялись инородностью на фоне красочной природы.

— Это сон, — вынесла я вердикт. И почти с сожалением признала: — Не провидческий и даже не эротический.

Враг всех Избранных, и, очевидно, отбеливающих порошков, молчаливо замер надо мной.

Играла бы на его губах соблазнительная улыбка, а вырез рубашки спускался чуть ниже, я бы позволила себе обмануться. А так, до меня дошло слишком быстро. Сама от себя не ожидала.

— Ты настоящий и ты в моем сне. — Констатировала я. — Что за вторжение?

Враг тряхнул головой, отгоняя неестественное свечение вокруг себя.

— Магия сновидений. Иначе было не пробиться.

— Вторжение в сон? — возмутилась я. — Боже, это такое клише!

— Согласен. — Засунув руки в карманы, мужчина подозрительно глянул поверх меня. Я напряглась. Пусть сон, но наличие Врага в оплоте сопротивления Золотой оси порядком нервировало. — Не самая любимая уловка из моего арсенала. Слишком грубый подход. Но очень действенный.

— Для чего? — наивно удивилась я. Как сон может быть уловкой?

— Для создания ложных чувств. — Край черного рукава-волана коснулся моих колен, когда мужчина наклонился. — Во сне мы позволяем себе чуточку больше, чем в реальности.

У меня дернулся глаз, а смущение обожгло щеки. Те, против кого Враг мог использовать сновидения в таком ключе — мои соотечественницы. Судя по рассказу Алисы, соблазнения Избранных на темную сторону начинались вовсе не с пыток. Ими они заканчивались.

Я оттопырила большой палец, признавая поражение.

— Подловил.

Мужчина выпрямился.

— Что я сейчас наблюдаю? — кивнул он за мою спину.

Я приподнялась на колени.

За поляной, во внезапно выросшем лесу, строем бежали полупрозрачные фигуры. Лязг металла сопровождал нестройный топот ста сорока семи пар ног.

— Избранные бегут кросс. — Пояснила, но тут же словила удивленный взгляд: —Что? Да, я не с ними. Я прячусь. Откуда столько осуждения? Ты как будто физкультуру никогда не прогуливал.

Помнила я то занятие, из которого сон взял для себя пищу. Это был не первый кросс. Все кое-как пообвыкли. Одна я никак не могла справиться с нормативами. К счастью, время было не ограничено, и я завершала маршрут очень-очень-очень поздно. Ближе к полуночи.

В тот раз Клод обещал, что если увидит меня среди отстающих, то следующую неделю на всех спаррингах он поставит меня против себя. И хотя я выполнила поставленное условие (последней на финишную черту я не пришла, так как вообще не пришла, а вот отбывала наказание по полной). Злобный бог смухлевал!

Не самое плохое воспоминание, чтобы показывать Врагу. Могло быть и то, где Клод раз за разом скидывает меня в грязевую яму с крутящейся платформы. Потом мне надоедает из нее вылезать, и я остаюсь плавать в ней. Она засасывает меня на дно. Я становлюсь первой Избранной за всю историю Центра, которая едва не захлебнулась грязью. После Клод меняет содержимое ямы на мусор и помои. Больше ни у кого не возникает мысли задержаться там больше, чем требуется. У Избранных резко поднимается результативность тренировок на платформе. Но меня почему-то никто за это не благодарит.

— Занятно, — выдал Тинхе, пока я переживала: не раскрыла ли случайно тайну секретной подготовки отчаянных попаданок.

Оторвавшись от моих воспоминаний, Враг с некоторой заминкой примостился рядом со мной на траве. Я неуклюже сдвинулась.

— Чем обязана визиту важной особы из прославленной империи захватчиков?

— Ты задела мое самолюбие. — Тинхе холодно улыбнулся пустому горизонту. Он обратил взгляд туда, куда я пялилась до его прихода. На обманчиво-безмятежную гладь неба. — Я не о побеге. Этого как раз следовало ожидать. К слову, я рассчитывал выловить тебя где-нибудь посреди леса: выдохшуюся, потерявшуюся и готовую к диалогу. Получился бы интересный символизм про местную легенду о падении богини.

— Мне жаль, — притворно посочувствовала. — Я пыталась запнуться о корягу, подвернуть ногу и свалиться с обрыва, чтобы ты мог меня красиво спасти. Серьезно. Ты же знаешь, как я люблю такие вещи.

— Да, любовь к драме у тебя не отнять. Солярис с ее представлениями до твоих спектаклей далеко. — Он потер перстень на пальце. Я же прикинула, смогу ли в будущем его спереть, ужать до своих размеров и всех уверять, что оно обручальное. — Я потратил уйму

ресурсов, чтобы выяснить, где появляются возмущения реальности, и кто их творец. И потерпел поражение. Ты же решила задачку за один день. Будь я чуть менее подготовленным, списал бы на Предназначение. Но оно не может работать здесь. Не у тебя.

На комплемент было не похоже, но я предположила:

— Спасибо?

Он мотнул головой.

— Единственное разумное объяснение: магическая связь между тобой и воришкой артефактов.

— Прямо единственное? А то, что я могла логическим мышлением и дедуктивными методами разработать эффективный план и привести его в действие, в голову не приходило?

Он подтянул к себе колено и, упершись в него локтем, неохотно оторвался от разглядывания горизонта.

— Что произошло, Дробь? Какая часть головоломки оказалась доступной тебе, но прошла мимо меня?

Вот мы и подошли к главному.

— А я-то думала, ты искал Аматри.

Он не ответил.

— Хочешь услышать что-то от меня, дай что-нибудь взамен.

— Что ж, ты начинаешь понимать правила игры, — одобрительно сказал он. — Ты должна кое-что знать об Аматри. Он известный поклонник бредовых теорий.

— Например таких, что магия лэйтарцев произошла от бога-ямы?

Тинхе едва заметно поморщился. Лэйтарцам была неприятна их забытая история. Они игнорировали ее всеми возможными способами. Возможно многие уже не помнили, как выглядел их пантеон богов.

— Таких, что Незыблемые давно оставили Золотую ось. Что Центр не погиб, а прошел перерождение. — Продолжила дерзить я, силясь справиться с подкатывающей паникой. — Что Избранная, которая утверждает, что выполнила свое Предназначение, продолжает вмешиваться в дела Странников.

— В последнем он не ошибся, — вступилась я за правду. Аматри, шедший против системы, вызывал некоторое уважение.

Враг поморщился.

— Даже сломанные часы дважды в сутки показывают верное время. Прежде чем исчезнуть, Аматри говорил со мной. Уверял, что столкнулся с чем-то необычным. С чем-то, что стоит вне нашей системы классификации миров.

— Ух ты, а с первого взгляда и не скажешь, что вы с ним парочка друзей, которые делятся друг с дружкой секретиками, шпильками и ванильными мечтами.

Если бы я не вглядывалась в безупречное лицо Странника, если бы не знала, что ищу, то не заметила бы микроскопической реакции на упоминание о шпильке. Впрочем, это было частью сна. Кто сказал, что я сама себе не выдумала эту деталь?

— Мы не ладим, — кивнул Враг, не позволив себе изобличающей заминки. — Но Аматри ни с кем не ладит. Он предполагал, что его информация может меня заинтересовать и просил об услуге.

— Отдать ту самую вещь, которую он в итоге украл?

Очень тонкая эмоция, сбежавшая за мгновение до того, как я смогла ее опознать.

— Я отказал ему. Аматри плохо это воспринял.

— Кажется, все лэйтарцы не очень хорошо реагируют на отказы.

Темные глаза сощурились. Чернота зрачков разрослась так сильно, что казалось, вот-вот поглотит свет вокруг. Тинхе подался вперед, нарушая все уровни границ моего личного пространства.

— Верно подмечено, Дробь. Кстати, о нежелательных реакциях.

— 3 -

Воздух задрожал. Привычная стерильность Центра растворилась как сахарная горка в чае. Яркие цвета сгладились, окутывая зеленую поляну неестественным для нее мягким полумраком. Враг наклонился, вторгаясь в мою зону комфорта. Его голос потек сладким ядом:

— Что с твоей магией, Дробь?

«Он знает о возникших проблемах с Даром?»

— Почему спрашиваешь?

— Я ее почти не чувствую.

Сомнения отразились на моем лице. Тот самый гроф, о котором рассказывал Никий. В один момент он уничтожил людей с магическими способностями. Его же крохи заблокировали мои силы, оставив гадать: избавилась ли я полностью от опасного вещества или это временное улучшение?

Враг провел рукой над моей грудью. Внутри вспыхнули колючие снежинки мороза, но я не отшатнулась. Я хотела знать ответ.

— Я не вижу, в каком состоянии магия, — нахмурился Тинхе, встряхивая кистью, будто сбрасывал прилипшую паутину. — Будто что-то блокирует.

Я внутренне похолодела.

Враг тут же считал реакцию.

— Аматри выдвигал некоторые предположения о мире, в котором ты сейчас. — Тонких губ коснулась улыбка. — Не удивляйся так откровенно. Изучение брошенных миров — моя работа. Спасибо, что помогаешь делать ее лучше.

Он как всегда меня провел. Я развесила уши, надеясь услышать нечто важное, а он попросту проверял свои теории. Хотя нет, даже не свои, а те, что придумал Аматри.

Враг знал о мире с грофом. Он искал возмущения реальности, вызванные порталом Никия, что создан не магией, а технологией.

— А я думала, твоя работа выслеживать беззащитных девушек. Сталкер, — добавила я, и тут же уточнила: — Это же сон, да? Реально ты ничего мне сделать не сможешь?

Враг совсем не разозлился. Наверное, от нашей братии Избранных он наслушался достаточно и угроз, и упреков, и сленговых выражений.

— Не смогу, — подтвердил он. Ладонь в черной перчатке скользнула по зеленой глади с нарочитой нежностью, разглаживая примятую траву. — И помочь, в том числе.

Гипнотические движения остановились. Враг посмотрел на меня прямо. Без улыбки, без раздражения. Обычное холодное безразличие. Когда-то оно меня пугало. Сейчас же, я впервые прочувствовала выражение «душит смех». Вот так, на самом деле, без преувеличений. Когда ситуация абсурдна до крайности. Когда слова разнятся с действиями в той степени, что начинаешь думать, а не сошел ли ты с ума.

— Помочь? Ты. Мне? — Я рукавом утерла выступившие слезы смеха. Тинхе проталкивал мне это на серьезных щах! Как я в тот раз, когда пыталась убедить его, что

собираюсь спасти от безнадежной влюбленности в меня. — Прикальываешься? Нет, я знаю, что ты невысокого мнения об умственных способностях Избранных, но даже я не настолько глупа. То есть, я попала в вашу с Алисой ловушку, но, эй, в итоге мы сыграли вничью.

Враг не отреагировал на мою легкую истерику. Выражение его лица было все таким же безразличным и отрешенным.

— Ты в опасности. — Серьезно произнес он. — И ты это знаешь.

— Не в большей, чем рядом с тобой.

— Твоя магия...

— Да, моя магия!

Я встала. Отряхнула юбку от иллюзорного сора из травы и земли. Тут же обтерла ладони о бока. Во снах никогда не обращаешь внимания на растрепанность прически или стойкость макияжа. И все же, я встряхнула копну соломенного сена, в которую превращались мои волосы, когда я не забирала их в пучок.

— Не получишь ты мой Дар. Как только освоюсь, первым делом найду артефакт. И если ты думаешь, что его культурная, историческая или религиозная ценность помешает расколошматить его кувалдой, то до эксперта по Избранным тебе как до меня пешком.

С легкой ленцой, будто разбуженный кот, дремавший последние часы на солнышке, Тинхе поднялся вслед за мной. К слову, приводить свой костюм в порядок он не стал. Тот сидел идеально как заколдованный.

— Если в бредовых идеях Аматри есть хоть доля правды, то ты этого не сделаешь.

Я была полна решимости.

— У меня нет ни единой причины сохранять нашу с тобой связь в подобном виде.

— О, я не об этом. — Мужчина в черном подался вперед, но я не отступила. Я хотела, чтобы он понимал: меня не продавить. Скрещенные руки, вздернутый вверх подбородок, твердый взгляд — все это шло на демонстрацию моей непреклонности. Но ему было глубоко плевать. Враг с улыбкой на устах разбивал чужие намерения. — Но мне нравится, что в первую очередь ты подумала о ней.

Что-то непривычное резануло в этом «нравится». Потребовалась секунда, чтобы понять, что именно. Раньше Враг не использовал слов симпатии к чему-либо. К моему поведению, например.

Меня взяла оторопь. Не такой конфронтации я ожидала. Мужчина продолжал:

— Ты все-таки Избранная. — И в его глазах играли золотые искры магии. Все, помимо Врага, подернулось пеленой.

— Больше нет.

— Пока ты не отречешься от Предназначения, это останется в тебе. Тяга к бессмысленному и ненужному героизму. Именно поэтому я знаю, что ты не уничтожишь артефакт. Знаю, что в конце концов у тебя не останется вариантов. Ты попросишь помощи. Моей помощи. И я знаю, что потребую за нее взамен.

Не уроки фехтования нужны группе ста сорока семи. Организуйте тренинги о противостоянии манипуляциям и психологическому прессингу.

— Нет, — покачала я головой. — Ты не заставишь меня сомневаться. Думаешь, что знаешь все, но это не так. Ты знаешь Избранных, не меня. Оставь свои преследования. Ищи Аматри, или что ты там хотел. Ни меня, ни Дар, ни Избранную под моей защитой ты не получишь!

В уголках беспощадных глаз сбежались паутинки морщинок. Тинхе повесила мой ответ.

— Предвкушаю то невероятное удовольствие, что почувствую, когда ты поймешь, что я прав. — Прозвучало зловеще. — Да, так будет интересней.

— Не дождешься! — прошипела ему в лицо.

Его улыбка вздымала мой гнев сильнее, чем безразличие или угрозы. В соответствии с правилами порочного круга мои яростные эмоции доставляли ему большое моральное удовлетворение, отчего он веселился еще больше.

— Ты позовешь меня, Дробь, — с пугающей уверенностью произнес он. — И я приду. Так что определись сразу, прежде чем связываться со мной и молить о помощи: собираешься ли ты добровольно отдать магию и стать лэй, или готова принять положение леди. Начинай размышлять сейчас, какое место в Лэйтарии тебя прельщает, — посмеиваясь, сказал он. — Сэкономит немного времени.

Несколько секунд я пыхала паром. Потом до меня дошло.

— погоди, Лэйтария в любом случае?

Я была сбита с толку в достаточной степени, чтобы забыть, что собиралась просто наорать на Тинхе. Оставить меня в Золотой оси — это одно, но Враг сказал про Лэйтарию. Столицу. Чуть более точное указание места. Обычно меня предлагалось сдать на торги, а что дальше, мол, не проблема Врага.

— В любом, — подтвердил он.

— А как же совет, аукцион, Незыблемый трон?

— Решение уже принято, Дробь. — Мужчина небрежно пожал плечами.

— Кем принято? Вы там где-то совещались обо мне?

Конечно, помимо Тинхе есть и другие Странники. И если от одного столько неприятностей, то уровень угрозы от десятка его коллег возрастает в геометрической прогрессии. И вот все они обсуждают меня...

— Не имеет значения.

Если б я его не знала. Если бы не все то, что я пережила рядом с ним, я бы не поняла. Не имеет значения — это уход от ответа, который на самом деле важен.

Озарение пришло внезапно.

— Это твое решение! Боже, Тинхе, что ты задумал?

Его руки уверенно легли мне на плечи. Через грубую ткань платья и плотную кожу перчаток я не могла почувствовать тепла, и все же по телу будто пронеслись восторги огня.

— Дробь, оставайся со мной.

Что?

— Ух ты, — выдавила неловко. — Обычно это я флиртую, когда хочу уйти от ответа.

— Это не флирт, Дробь. Ты просыпаешься.

Марево сна поддалось рябью. В груди завертелся мини-ураган. Меня утягивало назад.

— О, — уровень неловкости подскочил к верхней шкале, побивая мировой рекорд. Я не могла оставить только себя в подобном положении. — Как жаль. — В последний момент я привстала на цыпочки, касаясь кончиками пальцев тонкой ткани восточной рубашки Врага. Вполне достаточно, чтобы прошептать на уровне его губ. — Был бы флирт, я бы задержалась еще немного.

— Дробь?..

Меня вырвало из его рук цветным вихрем воздушных шаров. Несколько секунд я парила среди облаков, а в другой момент падала вниз. Во взрывающийся мир реальности.

Вой сирены врезался в уши локомотивным составом.

«Мы тонем», — пришла первая мысль.

«Мы не тонем», — опровергла ее вторая.

«Но нам грозит опасность».

«Это да».

— Что? — Я вскочила с постели. Мышцы взвыли в унисон с сиреной. Слишком резкое возвращение. — Что?

В маленькой комнате три на три никого не было. Только я и сочащийся через узкую щелку двери дым.

— Нет, — угрожающе ткнула я в него пальцем. Как будто факт неодобрения мог смутить смертоносный дым. Не обращая внимания на мой приказной тон, он продолжал ползти по стенам.

— Никий! — Я заколотила кулаками по двери. Даже ногой пнула для верности. Плечом навалилась. Мысленно приказала открыться. Предложила взаимовыгодное сотрудничество. Подмигнула. Дверь не поддавалась. Или она еще более хладнокровная бездушная зараза, чем Враг, или ее заперли снаружи на засов. — Никий, что б тебя!

Вой сирены продолжался.

Дома я жила в мирном городе. Ничего выходящего за рамки учебной пожарной тревоги. Даже маленького пожарчика рядом не случилось. И все же, в голове теснились смутные воспоминания о старых черно-белых фильмах. Документальное кино о бомбардировке городов. О Хиросиме и Нагасаки.

Неизвестность страшит больше всего.

«Малыш? Мы же умеем открывать двери. Давай откроем эту. Что с того, что она не магическая. Самое время учиться чему-то новому!»

Тишина внутри и надрыв сирен снаружи.

«Самое время играть в молчанку. Ага».

В комнате не было ничего, чем можно выломать дверь. Голые стены и узкая кровать. Под потолком здоровенная видеокамера. Она была обшита тем же грязно-белым материалом, что и стены. Ее форма напоминала громоздкий куб, но линзы и мигающий огонек выдавали ее предназначение.

— Эй! Вы меня видите? — Замахала руками. — Вы же про меня помните? Там кто-то есть?

Я подпрыгнула, в надежде цепануть пальцами уголок камеры и привлечь внимание. Прибор неловко дернулся, но ничего не произошло. За дверью оставалось все также тихо.

С той стороны объектива никого не было.

— 4 —

Скинув куртку, я затолкала ее в щель между дверью и полом. Следующим делом стянула ботинок. Они могут забыть обо мне, но, если перестанет работать камера — это их заинтересует.

Ботинок полетел вверх. Камера дернулась в сторону. Подбрав упавшую обувь, я прицелилась еще раз. Сколько там надо ее бить, чтобы пошла помехи? Пока не рухнет. По-другому наверняка не узнать.

Раз.

Два.

Эй, я же прицельно бью. Сил что ли не хватает?

За дверью загрохотала тяжелая подошва.

— Эй! Я здесь!

Надо привлечь внимание. Подать знак!

Рыпнуться к двери я не успевала. В нее со всей дури полетел ботинок. Мощный такой. Подошва аки сталь. В жаркую пору в обуви прели ноги, но для плутания по бесплодным пустошам они шли на ура.

И нет, я не планировала, что ботинок попадет в лоб вбежавшему солдату. И то, что, пытаясь удержать равновесие, тот поскользнется на плащевке. И стукнется головой о бетонный пол.

Склонившись над неудачливым мужчиной, я в ужасе уставилась на результат содеянного. Замутненные глаза смотрели сквозь меня. Прежде чем я успела что-то сказать, упавший щелкнул по рации.

— Попытка побега. Объект... Половинка.

Видать сильно ударился.

— Че?

В задымленный коридор я рванула чисто на рефлексх. Когда тебе говорят, что ты сбегаешь, а ты не планировал, становится как-то неловко не оправдывать ожидания. Если бы не паника из-за пожара, наверное, я бы задумалась. Куда сбежать-то? Зачем? От пожара? Так тут не побег, а спасение. Стадный инстинкт. Все бегут, и я бегу.

— И вы бегите! — крикнула я, не оборачиваясь.

В одном ботинке. С натянутой кофтой на половину лица. С одуревшими от адреналина глазами. В белую тьму коридора сквозь мигающие лампы и звуки надрывающейся сирены. Бежала я недолго. Коридор закончился тупиком.

Не угадала.

Пошарив по стене, двинулась по кругу. Ручка двери попалась не сразу, но поддалась с легкостью. Не теряя драгоценного времени, дернула ту на себя. Не скажу, что ожидала увидеть за ней огромную лабораторию с сотней рабочих, спокойно занятых своими делами. Передают инструменты, настраиваю аппаратуру, пишу отчеты. Никакой паники. Все заняты повседневными делами. Будто бы проблемы остального мира не имеют к ним никакого отношения.

— Пожар! — возмущенно вскрикнула я. Реакции не последовало, и я неловко предположила: — Радиационная тревога?

Передо мной остановился один из рабочих в защитном костюме и забавной коробочкой в руках. Он повернул голову к мигающим за стеклом лампочкам.

— Проект Сонара. Вас не предупредили? — Лаборант протер запотевшие очки. — А собственно, из какого отдела?

— Из того, который не предупредили.

— А, — понимающе заключил он, глядя мне за спину.

Дверь лаборатории распахнулась, впуская Сонара в облаках дыма. Или пара? Ни запаха гари, ни слезливости глаз ему не сопутствовало.

— Нет повода для беспокойства, — вошедший четко обозначил позицию, — ситуация под контролем.

Толпа вооруженных людей за его спиной говорила об обратном. Но лаборант был не из придиричивых. Кивнув, он продолжил свой путь.

— За мной.

Когда дымное пространство сменилось просторным павильоном с громоздкими аппаратами у стен, а вооруженное сопровождение рассосалось, мы остались только вдвоем.

Мужчина с дредами указал на стул.

— Садись.

— Что это было?

— Стандартная проверка на особенности неестественных способностей. Магии, если так понятней.

— Я же сказала, в чем заключается мой Дар.

— И мы должны были поверить?

Прикрыв глаза, я прокрутила последние полчаса.

Они подняли тревогу и запустили дым, чтобы проверить, смогу ли я выбраться из запертой комнаты. Если бы у меня была тайная магия, которую я скрывала, при опасности я бы воспользовалась ей. И камеры стояли не просто так. За моими мытарствами кто-то наблюдал. Да почему «кто-то»? Тот самый солдат, который кинулся на помощь камере, которую я решила раздолбать.

— Был бы у меня активный Дар я бы вынесла вас, ребята, еще в первую встречу.

Густые брови сошлись на переносице.

— Ты вырубил нашего парня за две секунды. — Кивнул мужчина.

— Он сам себя вырубил! — Я указала на выпуклые мониторы за спиной. — Прокрутите пленку.

— Счастливая случайность? Вот уж... — его слова прервал стук. — Самое время, — недовольно отозвался Сонар, разрешая войти.

В комнату бесшумно просочился солдат. Весь вид громилы показывал, как сильно он хочет слиться со стенами и быть где угодно, только не здесь. Переборов себя, он с грохотом опустил на стол мой ботинок. Я пригляделась к незнакомцу. Улыбку удержать не удалось, хотя стоило понимать, что таким образом я наживаю себе лишнего недоброжелателя. Но что я могла поделать? На лбу бравого солдата красовался красный полумесяц, аккурат по форме подошвы.

— Извините, — пробормотала я, сгребая ботинок в охапку. — А плащевка?

Тот не ответил. Испросив разрешения, он с молчаливым достоинством удалился обратно.

— Позже принесете, я правильно поняла? — крикнула вдогонку. — Я не насмехаюсь, правда. Она у меня одна и самая любимая.

Сонар прочистил горло, возвращая мое внимание.

— Итак, ты не лгала о свойствах Дара. — Он нажал на кнопку. Массивная машина загудела. По экрану побежала черно-белая картинка комнаты, в которой я проснулась. Как раз тот момент, где я угрожала камере и тем людям, что за ней находились. Сонар сложил руки на столе, переплетая пальцы. — Или нет?

Я не использовала магию. Ни единой блески не мелькнуло в воздухе. Но что-то я все же упускала. Пристальный взгляд мужчины явно ждал, когда я пойму, в чем меня уличили.

— Вы думаете, что я сейчас до чего-то додумаюсь, но это не сработает. — Закинув ногу на стол, я принялась зашнуровывать полученный ботинок. Не из желания продемонстрировать дерзкий нрав. Но не уходить же мне под стол? У нас борьба взглядов, разве нет?

— Интересно, как прошли тест твои подруги?

— А система бальная? Можно пересдать?

Дреды проигнорировал мою попытку разрядить ситуацию шуткой.

— Ведьма взломала дверь. Миледи не среагировала на шум и дым.

— Диа взломала дверь? — Безошибочно определила я, кто там миледи, а кто ведьма. — Как, блин?

— Подцепила железячкой скол между стыков и скрутила петли.

Громоздкая конструкция металлического склепа, в который меня заперли, мало походила на то, что можно вскрыть. Да и от Дии странно было такого ожидать. Еще сутки назад она лелеяла апатию.

Пленка щелкнула. Кадр застыл на месте, где я тычу пальцем в объектив.

— Четверть, правильно?

— Что «четверть»? Ой, да во имя единорожек! Дробь, а не четверть.

— Дробь, — хмыкнул он. — Как ты поняла, что мы наблюдаем?

— Ну так... — указала я на те камеры, что стояли в допросной. — Аа-а.

Я едва удержалась, чтобы не хлопнуть себя по лицу.

— Ага, — беззлобно передразнил Сонар. — Необычные познания для женщины из угнетаемого класса и варварского мира. Ни электричества, ни пороха, ни автоматизированного производства у вас нет, и вдруг, камера.

Спрятав подбородок в вороте кофты, я пробубнила:

— Что вы хотите знать?

— В чем заключается твой Дар? Я не допущу, чтобы по Деополису бродила бомба замедленного действия. Если ты представляешь опасность, я хочу знать какую.

— Чё ж с вами, мужиками, так сложно? Да это ж вы меня затащили в апокалиптический ад! А теперь жалуетесь, что я не то, что вы хотели.

Ножки стула проскрежетали по полу. Сонар встал.

— Пойдем.

Иномирный контрабандист провел меня к лифту. Тяжелые механизмы с визгливым скрежетом потянули нас вверх. Минув одиннадцать этажей, мы вышли на плоскую поверхность крыши. Ржавый металл перил деформировался от отсутствия должного ухода.

— Это первый путь, — указал Сонар. В предрассветных лучах город больше не напоминал футуристическое будущее в неоновых лучах. Тихое гудение на фоне сторевшего неба, вгоняло в глухую безысходность. Несколько высоких башен-шпилей виднелось у основания купола. О них-то и говорил мужчина. — Порционка. Людей вроде тебя, тех что не приносят пользы городу, но имеют подходящие способности, направляют туда. Вот эти все щиты держаться вовсе не на электричестве. Не только на нем. От графа избавиться невозможно. Нет от него защиты. Но если скармливать ему то, что он любит, его воздействие на остальных снижается.

— Вы держите там людей?

От узких башен, черными стволами устремляющихся вверх, повеяло зловещим холодом. Они и с первого взгляда доверия не внушали, но теперь я почувствовала сосущий запах смерти. Иллюзорные нити тянулись к прозрачным плитам купола, отдавая им энергию, другие же щупальца из острых игл и мерцающих лезвий, метили на меня и Малыша.

Не желая того, я прижала руки к груди. Очень сильно захотелось ощутить то тепло, что излучала моя сила.

— Недолго. Чем Дар слабее, тем меньше носитель может продержаться. На самом деле, мы не так часто их используем. Одноразовые батарейки затратны. В Светочах энергии больше и иссякают они медленнее.

— Светочи?

— Артефакты, если, по-вашему.

Мой источник истинной любви ушел в качестве аккумулятора для воров и похитителей людей. Восхитительно, блин.

— А какой второй путь?

— Тебя переведут в резерв. Обучат. Разместят. Определят на стандартный паек. Будешь помогать в работе с другими гостями Деополиса. Со временем, когда мы поймем, что можем тебе доверять, войдешь в группу. Повидаешь иные миры. Продлишь неизбежное угасание.

Что-то подобное я подозревала. И все же слушая Сонара, сердечко-то пропускало удары. Легкое оцепенение опустилось на плечи мягкими лапами. Окутало шалью безразличия, сдавливая в нежных объятьях. Впервые я почувствовала себя маленькой хрупкой девочкой. Хотела бы списать все на магическое воздействие, но его не было.

Не знаю, как я нашла в себе силы спросить:

— Медленная смерть взамен быстрой?

— Суть всей жизни. Если тебе все еще трудно сделать выбор, Следопыт покажет Порционку поближе. Нагляднее, если потребуется.

Сквозь онемения шока, проступало болезненное осознание. Вот таких людей я хочу спасти будучи Избранной? Противостою Врагу, рискуя всем?

Я обхватила защитный поручень, склоняясь над перилами. Убийственная высота покачнулась перед глазами, отразившись во мне пустотой.

— Значит, вот так вы заставите меня работать на вас?

— Ты в любом случае принесешь пользу. А как, зависит от тебя.

— А какой выбор встанет перед Дией и Флорин?

Я повернулась в тот самый момент, чтобы увидеть, как Сонар отводит глаза.

Диа имела Дар.

— В чем ценность Флорин? — Соображала я медленно. — К ней иной интерес? Что в вашем мире со здоровьем и продолжением рода?

— Завтрак через полчаса. — Он сжал мое плечо. На меня будто бы сверху опустилась неподъемная глыба льда. И что в этом было больше, угрозы или беспокойства, не понять. — Достаточно времени, чтобы решить, оформлять паек на нового сотрудника или нет смысла возиться с бумажками.

Я взглянула на башни-батарей, сорняками вросшие в город. То, чем они выкачивали силу из артефактов, удерживало в плену магов.

Господи боже, Атрос, Лёша и Клод! В одной из них Аматри!

Возвращалась я в каморку в полном опустошении. Слова Врага постепенно обретали смысл. Не разобью я артефакт, который поддерживает жизнь в одном из последних городов на всей земле. Не поставлю людей под угрозу. Даже таких как Сонар, Никий и Бородач.

Не уничтожу артефакт — не заработает телепортационная магия Мальша. Застряну здесь — рано или поздно, перестану устраивать Деополис и уйду на его кормежку с концами. До тех пор стану соучастницей межмирных преступлений.

Что остается? Обратиться за помощью к Врагу и принять последствия.

И какое же из всех трех зол меньшее?

День в Деополисе проходил... нудно.

Именно так.

Это сначала кажется, что в других мирах интересно все. Необычная история мира, феноменальные события, иная физика и трансцендентные личности. Не-а. Дважды не-а. Не больше чем у нас, по крайней мере. Бытовуха вся та же, только на фоне декораций заброшенных складов, разбитых дорог и покосившихся рекламных щитов. Если вы попали в Деополис из маленького городка, где градообразующим элементом был завод, особой разницы не заметите. Еще первую неделю по привычке отработаете свои смены.

Дней пять я притиралась к местному режиму. Здание, в которое нас доставили, гордо именовалось Окрой. Не в честь горького экзотического фрукта, а за приближенность к окраинам Деополиса. Рабочие, большая часть которых жила здесь же, вставали по утреннему гудку сирены. Вкалывали до следующего гудка. Обедали. Заканчивали день вместе с гудком.

В Окре занимались экспериментальными проектами по продлению жизни Деополиса. Разрабатывали новые технологии по освоению миров, изучению артефактов, адаптации иномирцев. Здесь же нашли место мне. И да, не комнату с панорамным видом, а именно койка-место в жилой на пятом этаже.

Все семь соседок вставали раньше меня, занимали очередь в душевую раньше меня и уходили на работу раньше меня. Узнав, что я понятия не имею, как долго проживу с ними, ко мне сразу же потеряли интерес. На мои вопросы либо не отвечали, либо отмахивались парой слов, не утруждаясь объяснениями. Лишь одна поддерживала со мной контакт, деля место в столовой.

Худоба Куми не имела ничего общего с хрупкостью фигуры Фло. Вроде и ростиком одинаковые, и весом. Но походила она на истощенное зомби, выползшее в потемки обшарпанных коридоров, а не на изящную пленницу Белокаменного дворца.

— Стопки не нальют. Не тем, кто нашего уровня доступа, — дернула она себя за ткань формы. Две медных нити прошивали ее воротник. На моей одежде эти нити были перекрещены. — Расслабляться как? Телу не отдохнуть. А дезинфицироваться внутри надо. Вредное производство губит сильнее графа.

Я перевернула ладони. На подушечках бледнели мозоли. В моих переводческих способностях нуждались редко, а вот сортировать сплавы металлов, привозимые из-за купола, кому-то было нужно. Как и проверять плотность защиты одежды. И стирать известняковую пыль с механизмов грохочущих машин. До последнего меня не допускали. Не доверяли.

— Я не пью, — с долей неуверенности ответила я, когда Куми катнула по столу кругляшек. Деревянная монетка стукнулась о ладонь и упала плашмя.

Лет десять назад согласилась бы, не раздумывая. Сейчас — знаю точно! — после бессонной ночи и любой дозы алкоголя на следующее утро не встану. И в обед. И вечером. Вообще больше не встану.

— Это сейчас, — хмыкнула Куми, потирая плечо. Когда она размыкала тонкие губы, из ее рта просачивался кисловато-сладкий запах. Он смешивался со вкусом резиновой каши, оставляя в недоумении, отчего именно меня подташнивает. — Через два сияния брулом завоешь, да позднjack. В Лукс дворца не всем открывается.

— Не знаю, сколько длится одно сияние, но как подпольный бар решит мои

проблемы? — Я с подозрением уставилась на монетку-пропуск.

Девушка заскребла ложкой по дну, собирая липкие остатки завтрака.

— Я тебя не пойму. Хочешь к нам вписаться или нет? Окры под нож пустят и не задумаются, а там знакомства склеить на раз два. Пока лохмы блескучи, а граф мозговую кашу не выел, чё ж шанс травить?

У самой Куми процент седины превышал половину. От природной черноты остались жалкие крохи, что выглядели омертвевшим грузом. Просаленные пряди свисали из куцевого хвоста, и, наверное, снились в кошмарах парикмахерам из вип-салонов.

— Я хочу узнать, где мои подруги, — ответила я, продолжая игнорировать монету. Уже минут пятнадцать я не ела, а размазывала по тарелке блеклую жижу. Аппетита она не вызывала, но без посуды в столовой сидеть странно. — Вылазки на полулегальные мероприятия не помогут.

— Вариантов не много: в Рассаднике, в Лабе, в теневой смене, — пожала плечами та. — Если их не граничат, то в Лукс прибегут с первым шансом.

Говорок Куми вгонял меня в ступор. То ли она действительно так разговаривала, то ли Малыш давал сбои в переводе именно на ней.

Ложка подцепила кашу и опустилась обратно. И да, это была овсянка. Ну конечно. Сотни зерновых культур погибли, а она жива. Гречки у них нет. Риса нет. Киноа нет. А что есть? Овсянка, сэр.

Куми открыла рот, чтобы добавить что-то еще, но в этот самый момент в столовую вошла знакомая процессия из мужчин. Четко по расписанию.

— Извини, мне пора. — В последний момент я стащила монетку и сунула в карман. Другой рукой подхватила тарелку и засемила между столами. У меня ушло с десятков дней, чтобы выследить старого приятеля. — Я подумаю.

Нацепив улыбку, я заскользила по обшарпанному полу. Жизнерадостность, будто заразная болезнь, разгоняла с моего пути толкущихся людей. Среди потускневших стен, угрюмых лиц и стекающего грязной жижей лампового света, радостный человек внушал если не опасность, то хорошую порцию подозрений.

— Всем доброго утра! — шлепнув тарелку с остывшей бурдой, я втиснулась на лавку между двумя здоровенными мужиками. — Как поживаешь, Никий? Ой, я же никому не помешала?

Ко мне повернулся сосед справа. На мощном лбу уже желтел перевернутый полумесяц с трудом заживающего синяка. Мужчина пытался скрыть его за куцей челкой, но ее явно не хватало. В дуге шрама хорошо распознавался знакомой изгиб подшвы тяжелого ботинка.

— У вас очень симпатичные брови, — замешкалась я, когда солдат тихо зарычал. — Хотите мою порцию каши? Нет? Ну и правильно. Никий, а ты? Кстати, ты в курсе, что еда одного мира не всегда подходит для жителей другого?

Следопыт оторвал взгляд от содержимого чашки, смиряясь с неизбежностью. Спокойного завтрака ему не светило. Подперев щеку кулаком, он вяло поинтересовался:

— Это правда?

Стандартная серая форма сидела на нем как влитая. Красный платок обвивал шею, скрывая нашивку на воротнике. Выглядел мужчина понуро, хотя вряд ли он весь вчерашний день расчищал склад от ржавых железок.

— А то. — Я противно звякнула ложкой по дну.

— Анна, если для тебя не пригодна какая-то пища, обратись в блок аллергенов. В

карточку впишут замену. И не забудь задокументировать информацию для Сонара. И вторую копию в архив.

— У меня нет аллергии. — Золотая магия адаптировала к иномирным изыскам. — Вот у Фло наверняка проблемы. Да и Диа не факт, что справится. У вас не еда, а коктейль из антибиотиков.

— Я не знаю, куда их отправили. — Наверное в десятый раз повторил Никий. Возможно он даже не врал, но меня было не остановить.

— Какая умопомрачительная секретность. И у тебя, конечно, никаких догадок на счет их местонахождения. В Окре людей чуть меньше чем в обычной школе, а две иномирные красотки бесследно растворяются непонятно где.

— От меня что хочешь? Сказал же, не знаю. И домой не верну. Не проси.

— Да ты и не смог бы, — беззаботно отмахнулась я, скрещивая пальцы под подбородком. — Сонар намекал, что в качестве наглядной демонстрации, можешь показать Порционку. Как насчет экскурсии?

— Чокнутая баба, — пробормотал рядом Черный Полумесяц. Никий прищурился.

— Ты что-то принимаешь?

— Док отметил мое ультраотличное здоровье, не нуждающееся в принятии дополнительных препаратов, помимо стандартного набора, положенного деополицу.

— Реакция на остаточный гроф?

Непроизвольно поморщившись, я сглотнула тошноту.

— Легкая раскоординация.

Соседи по лавке переглянулись между собой.

Кровь отхлынула от лица Никия. В электрических лучах света его кожа приобрела желтовато-серый оттенок. Впрочем, при таком освещении все в столовке казались детьми подземелий.

— Тебе смен мало? — спросил он. — Заскучала?

Работы хватало по горло. Тот жалкий час, что я выкроила, имело смысл потратить на сон. Но если я собиралась решать проблему, а не приспособливаться к обстоятельствам, следовало действовать. Собрать всю информацию, что доступна. Даже ту, от которой отговаривают матерые жители Деополиса.

— Ищу дополнительную мотивацию.

— Вот не пойму, это в тебе осадок грофа говорит, встреча с Великим визирем сделала свое дело или ты всегда была такая.

— Ты никогда не узнаешь, — коварно оскалилась я.

Никий в один глоток осушил стакан с компотом, отодвинул кашу товарищу.

— И правда, шуша шушей. Да что б меня сияние в полночь ослепило, пойдем!

— Какой ты душка. Эй, погоди! Тут стол, мне так быстро не выбраться!

Догнала я лишившегося завтрака мужчину только у пропускного пункта. До сих пор за его приделы мне проходить не удавалось. Никий уже расписывался в журнале. Дядька с винтовкой сделал отметку, прошелся взглядом по мне, отметил крестик на воротнике и поставил дополнительный штамп.

— Доброго дня, — помахала ему я.

Дядька застыл с занесенной над кнопкой рукой. Вновь поднял на меня суровый взгляд, будто проверяя, не ослышался ли.

Я продолжала улыбаться.

Сквозь жесткую щетину поползла краснота смущения.

— Дбрр, — буркнул он, давя на кнопку.

— Что? — не поняла я, когда Никий вытолкал меня на улицу. Еще минуты две он патетично возмущался. Когда образовательная лекция закончилась, я спросила: — Что плохого в обычной вежливости? Я в заложниках в незнакомом мире.

— Правда не понимаешь?

Я развела руками.

Он посмурнел.

— Ты так только проблем наживешь.

Не успели мы пройти десятка метров вдоль проезжей колеи, как рядом затормозил автомобиль. Рука Никия нырнула под куртку. Стекло опустилось и показалось смятое лицо того, кто очень весело проводил последние часов десять.

— Какая красота, да на Украине. Не желает ли малышка отдохнуть?

— Это в полвосьмого утра-то? — Я отодвинулась к обочине, чувствуя исходящую угрозу. От водителя пахло алкоголем, а расширенные зрачки намекали, что кроме местного самогона в Деополисе есть и другие интересные вещества.

«Эх, не в том я мире любовь искала, — мысленно восхитилась я, разглядывая внезапно возникшую перспективу. Неужели любовный артефакт заработал?»

Водитель выгнул шею. Блики ползущего между домами солнца, заиграли на блестящей лысине.

— Э, прикиньте, уже рассвело, — обратился он к кому-то внутри салона. Послышался нестройный гогот. — Так как на счет развлечься?

— Друг с дружкой развлекитесь, — Никий вышел вперед, сдвигая красный платок в сторону. Любвеобильный водитель скрипнул зубами, разглядев знак на отвороте.

— Окровец, — сплюнул он. — Зря ты так. Тебя ж не трогаем.

Никий сдвинул край куртки, демонстрируя ствол.

Водила потянулся к бардачку, но его остановил оклик с заднего сиденья.

— Брула тебе в постель, — рыкнул он, вдавливая педаль газа.

Машина зафырчала, рванув вперед. Никий проводил взглядом столб поднятой пыли.

— Паршивые овцы найдутся в любом стаде. — Возникшее напряжение не отпускало. Маслянистый взгляд водилы оставил неприятное чувство грязи.

Сделав пару вдохов, я насильно изогнула губы в улыбке. Ничего не произошло. Ничего страшного не случилось. Шагай я одна по улице, все закончилось бы хорошо. Да. Только улыбайся. Если притворяться счастливой, со временем и, правда, станешь счастливой. Хотя бы чуть-чуть. Это ведь так работает?

Пройдя еще квартал, мы остановились у башни. Вновь пошла процедура обмена документами.

Кто-то присвистнул.

— Свежее мясо.

Нас пропустили в лифт. Тот заскрипел и дернулся вниз. Я насчитала этажей семь, когда стальная дверь щелкнула и поползла в сторону. В кабину ворвался запах плесени и формальдегида. Грязно-желтоватый свет хлынул в мрачный полукруг зала. Тени отхлынули в сторону, позволяя разглядеть внутреннее убранство Порционки.

Все было не так плохо.

Правда.

Просто крохи утреннего завтрака попросились наружу. И села я на корточки не для того чтобы отдышаться, а чтобы перешнуровать ботинки. Мне не нужна была передышка. Все было кристально чисто и ясно. Если я собираюсь спасти мир Постапокалипсиса, то мне надо обратиться за помощью к Врагу. Да, спасти Деополис мог только Тинхе. Потому что я его спасать не хотела.

— 6 —

Я вспомнила себя снова, только оказавшись на улице. Когда в носу засвербело от пыльного воздуха. Когда едкие лучи солнца раскаленной иглой прошли по сетчатке. Отпрянув в тень покосившегося здания, я глубоко вдохнула. Запах формалина никуда не делся, хотя в Порционке я провела не больше десяти минут.

Рука медленно разжалась, отпуская кругляш. Чтобы не упасть, я ухватила за стену.

Сосредоточившись на дыхании, я пыталась осмыслить увиденное. Пыталась и не могла. Эмоции застыли как парализованные. Их будто заблокировало вместе с памятью. Зов картинкам воспоминаний заканчивался глухой стеной.

Нет, никто не игрался с моей памятью. Мозг не был готов воспроизвести случившееся еще раз. Не просто так я задыхалась. Не просто так меня вывернуло наизнанку у ближайшего угла. Не просто так на эмоции лег запрет из оупляющей ваты.

Оттолкнувшись от стены, на дрожащих ногах я поплелась в Окру. Никий догнал меня на полпути. Распихивая бумаги по карманам, он глухо произнес:

— Тебе не стоило все это видеть.

За опоздание на смену урезали паек и время отдыха. Или что-то в этом роде. Не думаю, что для меня это имело значение, но, как показал опыт в Центре, режим дня — это то, что не дает тронуться крышечкой. Первое время. Очень недолгое первое время.

— В самом деле?

Я почти хотела понять, о чем он, но мозг предлагал подумать об изысках местной архитектуры и углах преломления естественного света. Или опять же о рабочей смене.

— Сонар показывает их только тем, кто отбивается от рук. Устрашающий фактор для обладателей Дара, что не идут на контакт.

— Умм... — бессвязно протянула я.

— Мне не стоило говорить о Визире.

Я мотнула головой.

Слушать не хотелось.

— Он не чувствует боли, — продолжал Никий, игнорируя мои мысленные пожелания. Его слова безжалостно дробили дырку в плотине, выстроенной из защитных механизмов. — Никто из них. Пойдем покажу. Да не стой столбом.

«Нет. Не сейчас. Я хочу продлить действие душевной анестезии».

Это как при порезе. В кровь выплескиваются эндорфины, и, хотя рана кровоточит, какое-то время совсем не больно.

— Черт с тобой, — буркнула я в дорожную пыль.

Городской пейзаж окрасился радужными бликами, игриво скачущими по зеркальной облицовке. Если бы не сгустившаяся желтизна на небе, можно было почти наслаждаться видами разлагающегося Деополиса. И не думать...

На этот раз, чтобы добраться до тайн Окры, мы спустились на несколько этажей вниз. Помимо обычных вентиляторов, гоняющих затхлый воздух по кругу, по стенам ползли

огромные коробки вытяжки. Выше они выводились наружу, ползли по стенам и, уходя вверх, выбрасывали в воздух белесый дым. Просачивался ли тот сквозь купол или оседал в легких, оставалось только гадать.

Минуя людей в защитных костюмах, мы оказались в очередной лаборатории. Я уже запуталась в хитросплетении коридоров и логике организации секторов. Никий же, как будто демонстрировал интерьер любимой многокомнатной квартиры.

— Вот, — указал он на разноцветные ягоды в колбах.

Ему пришлось повысить голос. Иначе, среди качающихся насосов и шипения баков, его было не расслышать.

— Похоже на клубнику, — оценила я растение, отгороженное стеклом.

Плод имел диковатый розовый цвет.

Невероятно похожий на тот, что стекал по тонким прозрачным трубкам в тело человека в башне.

— Ягоды роа. Расцвели после Тихого Дня. Они как питательный раствор. Эти, — указал он на бледно-коричневые сморщенные плоды, — содержат в себе большое количество витаминов. Их подмешивают почти во все блюда. На вкус штука противнейшая, но польза неоспорима.

— Серые парализуют? — вспомнила я оперение дроптиков, будь они прокляты. — А синие обладают взрывчатыми особенностями. Ими вы смазываете иглы?

— Из них готовят нужные препараты. В чистом виде роа имеют меньший эффект. Теперь понимаешь? Те люди не страдают. Им даже хорошо. Они пребывают во сне и снится им что-то хорошее.

Клубничная газировка в пластиковых трубках.

— Вы держите людей под наркотой в бессознательном состоянии, — процедила я сквозь зубы. — Да, Ник, это все меняет.

— Никий, — поправил он.

Поверх нароста притупленной реальности появился зуд. Злость потеснила налет отвращения, и я поинтересовалась:

— Да-да. Вот скажи, смотрю я на все это, и думаю, кого вы так сильно прогневили, чтобы докатиться до жизни паразитов? В самом деле, не понимаю. Кто ваши боги, Никий? Кому вы так плохо молились, что пришлось прятаться от всего мира под стеклянной ловушкой?

Виноватое лицо Никия мгновенно посерьезнело.

— Нет никаких богов.

— Хорошо, их нет. Есть один единый бог, — привычно согласилась я. — Что у вас с ним за дела? Я ни одной иконы за все время не увидела. Я имею в виду, эй, у вас грянул апокалипсис, разве не самое подходящее время обратиться к создателю за спасением? Секту в конце концов создать.

Что такого не поделил местный бог с пантеоном Центра, что никто не удосужился отправить Избранную в помощь. А если отправили, то под каким камнем прячется горемычная землянка?

— Анна, ты видела город. Похоже, что у нас есть бог? — Очень спокойно спросил мужчина. Даже немного мягко. Будто имел беседу с душевнобольной.

Хэй!

— Сейчас может и нет. Но кому-то же молились ваши предки, — не отставала я, тоже

переходя в нарочитую мягкость. — Духам леса, берегине, полуденной деве, мужику с намасленным торсом и молнией.

Никий скрестил руки. Взгляд забегал по стекляшкам за моей спиной.

— Ненавижу затрагивать эту тему, — процедил он сквозь зубы. — Все словесные закавыки лучше даются Сонару.

Ну так и я бы теологический спор доверила Врагу, а не себе. Но, что имеем.

В десятке метров остановилась фигура в спецкостюме. Заметила нас. Что-то пробубнила и угрожающе потрясла кулаком в воздухе.

— Эээ, да, вообще-то вход сюда воспрещен.

Мы поспешили ретироваться. Одно дело свою работу прогуливать, совсем другое — мешать остальным. Тут и колбой по затылку отхватить можно.

— Я религиозно открыта, — честно заявила, когда мы вернулись к сырости обшарпанных коридоров. — Чему бы вы там ни поклонялись, отнесусь без насмешки. Разве что у вас каннибальский культ, тогда я хочу внести в пищевую карточку поправки.

Никий заглянул за угол. Убедился, что никого нет и нам не помешают, ответил:

— Богов нет. Не существует всемогущего божества, что сотворило мир. Его нет, не было и не будет.

— Ну да, ну да. В вашем мире нет богов, и вы сами эволюционировали из куропаток.

— Богов нет вообще, — твердо сказал мужчина. Говорил он, глядя мне в глаза, а рука вот дежурила у пояса с оружием. Я что, по его мнению, брошусь на него в религиозном экстазе фанатика? — Ни в одном из миров. Это суеверия. Религия лишь забавный феномен, отупляющий людские умы и удерживающий социум в темных веках.

Очень захотелось обратить внимание, что остальные миры, запертые в стагнации религий, не прятались под куполом и не питались по талонам. Но я обещала открытость.

— Как тот, кто видел фоморов и магию не верит в богов?

— У нас за куполом подобных фоморам монструозных красавцев полно. Магия же, отклонение. Такое случается при ошибке копирования генов. Происходит сбой и элемент грофа не передается в полном объеме. Вот и все. Дальше сплошная химия.

Угу, то есть, коконы магии — это не творение богов, а набор ДНК без грофа. Так что ли? Интересно было бы послушать мнение Демиурга, что сотворил мертворожденный мир.

— Я разговаривал с каждым иномирным гостем, и знаешь, ни один из них ни разу не видел хоть кого-то из многогранного пантеона. Что статистически невозможно. Вот ты за всю свою жизнь видела бога? Хоть одного. Хоть самого мелкого.

Стоило соврать, чтобы вписаться в рамки Никия, но остатки ложи остались с той стороны плотины.

— Да, видела. Целых троих!

— Не на картинке, а живую. Не в экстатичном бреду, а в трезвом рассудке.

Я дернула край рубашки, заправленной в брюки. Никий потянулся к пистолету. Я закатила глаза и край рубашки.

— Хочешь, синяк покажу?

— Синяк, что оставила божественная рука?

— Рукоять меча, занесенная божественной рукой.

— Не своди все в абсурд, — выдохнул он, отступая назад, но продолжая выискивать гематому на приоткрытом участке кожи. — Зачем гипотетически всеобъемлющей разумной силе делать с тобой такое?

На фоне умирающего мира странно признаваться в избранности. И страшно признаваться себе, что спасти этот мир невозможно. Разве что Золотая ось позарится на обломки ржавых зданий.

Никий принял молчание на свой счет.

— Уверена, что то был бог, а не глава секты, через которого якобы бог доносил свои идеи?

Я задумалась.

Всегда подозревала Клода в чем-то подобном.

— Ладно, — сдалась я, закатывая край рубашки. Клода, Лёшу и Атроса я знала, а спросили бы меня о боге, что сотворил мой собственный мир, смогла бы я ответить с такой же уверенностью? — Интересовалась для общего развития. Гораздо любопытней то, что вы называете Светочем. Я о последнем артефакте. Ты же в курсе, что это личный бульжник богини? Не знаю, чем закончилась ее история с фомороми, но, думаю, она расстроится, когда узнает, что он пропал. — Пока я заканчивала фразу, меня вдруг озарило. Из мира Блонди пропал не просто артефакт любви, а артефакт что тоже имел на себе отпечаток местного бога. — Вы же не все подряд артефакты берете. Так бы давно грабанили хранилище какого-нибудь мага, затарились на всю жизнь, и не караулили монстра в парке. Вы выбираете те, что хранят в себе божественную частичку.

Мужчина смерил меня подозрительным взглядом.

— Эти артефакт действительно отличаются от других. Они обладают особой вибрацией. И да, большинство из них у местных носило статус божественных предметов, но это предрассудки. Если бы ты была права, за полвека хотя бы один из всемогущих богов да пришел за своей безделушкой. — Никий развел руками в стороны, издав смешок. — Богиня в Деополисе. Ребятам понравится шутка.

Богиня? Бог! — тут же представила я Клода из ржавого металла. Вот кто отличнс смотрелся бы в местном пантеоне. Монолитная статуя под два центнера произвела бы впечатление на местных. Если бы в первые пять минут его не сдали на драгметаллы, он бы возымел почитателей.

Я даже улыбнулась.

А потом гул машин наполнил голову. Я снова будто оказалась в Порционке. В том странном зале из трубок и механизмов. Среди чавканья насосов и стылого холода камней. Образ бледного человека, опутанного ремнями и трубками. Я смотрела в его лицо. Изучала тонкие морщинки на еще молодом лице, где-то в глубине души боясь разглядеть знакомые черты Аматри. Но нет. Обыкновенный бедолага, которому не посчастливилось попасть в поле зрения группы Сонара. Изможденный и истощенный. Без права когда-либо проснуться.

— Мы редко используем людей, — голос Никия вливался в голову напрямую, эхом отражаясь от стен башни. — Дара ведьмы или колдуна не хватает надолго. Но иногда попадаются уникамы. Вроде того Визиря. Лаборатория подтвердила, что он вовсе не фомор и имеет обычную человеческую структуру. Он такой же как мы. За одним исключением.

Золотая магия...

— Каким же?

Я не отрывала взгляда от человека, опутанного проводами. Громоздкие машины вкачивали ему воздух в легкие, стимулировали биение сердца и толкали по венам розовато-сахарную жижу.

— Сила его Дара привела исследовательский отдел в восторг. Они поверить не могли,

что что-то помимо стеллиума Светочей дает столько энергии. Нам бы еще шпук пять таких визирей, — почти мечтательно произнес Никий. В небесно-морских глазах отражалась розовые блики. — На пару лет точно хватило бы. Жаль не узнать его природу.

В желудке образовалась неприятная пустота.

Природа Аматри схожа с моей, если речь о Даре.

— Анна?

Никий придерживал меня за плечи, не давая сползти вниз по стене. Возможно я теряла сознание.

— Отвести к доку?

Я покачала головой.

Враг подождет. Не уж. Не получит он меня подавленной, сломленной и на грани нервного срыва. Нельзя идти к нему в растрепанных чувствах. Он же меня как блинчик раскатает и по кусочкам съест.

Раньше я считала, что алкоголь не выход. Возможно стоило пересмотреть свои взгляды. Возможно раньше я не попадала в тупики, из которых он может вывести.

Я сунула руки в карман и нащупала круглый предмет.

Монетка ответила приятным холодком.

— 7 —

Долбящая из колонок музыка. Мельтешащие лучи прожекторов. Толпа полупьяного беснующегося народа в декорациях ретро-гранж клуба. Кто бы мог подумать, что так мало надо, чтобы почувствовать себя дома. Не в том плане, что жила в ободранных подвалах с тремя сотнями людей (только в пещере со ста сорока семью оголтелыми девицами), но ностальгия нет-нет, да отсылала к временам студенческой юности, когда денег хватало на местный клуб, где вход девушкам до десяти бесплатно, фейсконтроль, перед которым выпрямляешь спину и строишь серьезную мину, чтобы в свои семнадцать дотянуть до восемнадцати за счет агрессивного макияжа, а потом зайти внутрь и увидеть ровесников (потому что люди посолидней и поадекватней к малолеткам не сунутся).

В лицо пыхнули терпко-пахнущим дымом. Что-то цветочно-сладкое, но искусственное. Кто-то толкнул в плечо, и я едва не опрокинула бокал.

Как дома, да.

Кашляя на каждом шагу, я продралась к свободной стойке. Достаточно далеко от сцены, чтобы не попадать в общее месиво, но, к сожалению, недостаточно, чтобы подрагивающие тени закутков скрадывали происходящее за соседними столиками.

С легкой досадой я потеряла потрепанные манжеты рабочей рубашки.

На танцевальной площадке кое где мелькала серая форма окровцев. Кажется, все районы Деополиса имели свой характерный стиль и цвет. Изредка из общей массы выделялись люди в темно-синей одежде. Среди других фасонов она смотрелась почти стильно. Те же, кто не мог обратить на себя внимание выглаженным воротничком и сшитым по фигуре костюмом, изгалялись разнообразием цветастых причесок, пирсингов и боевых раскрасок на лице. Последним я заинтересовалась особо внимательно.

Достать косметику для мейкапа было негде. Со средствами личной гигиены и то возникали проблемы. Впервые за все время путешествий между мирами у меня обветрились губы, кожа стала терять легкий загар, а волосы ожесточились против меня. Потускневший клубничный блонд я собирала в тугую косу и закалывала невзрачной заколкой. Та красота,

которую навели Флорин и Аделла в Белокаменном дворце, медленно стиралась из реальности.

Роскошное платье, косвенно подаренное Визирем, пропало в недрах Окры. Туда же ушло почти все содержимое мешочка с припасами. Из прошлого мне оставили желтую плащевку, бутсы, соль и активированный уголь. Последние две вещи я таскала с собой повсюду. Досоленная каша почти не казалась отвратной, а уголь внушал организму уверенность, что в случае чего, мы всегда можем избавиться от овсянки.

— И зачем я сюда приперлась?

Вкус алкоголя в коктейле почти не ощущался. Возможно, именно недостаток градусов мешал влиться в атмосферу грохочущей музыки.

Куми, что так навязчиво тащила развлечься под звуки гитары и ударных установок, пропала, как только мы нашли подходящую стойку. В качестве трофея мне достался стакан (да, не бокал, а именно стакан, из тех, что граненные и толщиной в палец) с оранжевой жидкостью и тонким запахом апельсинового средства для снятия лака.

— Не «текила санрайз» и даже не «отвертка». Толк с тебя теплого и противного хоть какой-то будет?

Музыка сменилась, и на сцене стало разворачиваться представление. Гуськом вынырнула стайка девиц. Перья и блестки украшали юные тела, извивающиеся в полупрофессиональных движениях танца. Все внимание гостей Лукса обратилось к ним. Я вздохнула. Последний час во мне стремительно развивалась паранойя. То и дело заинтересованные взгляды скользили по моей фигуре, но тухли сразу же, как встречались с агрессивным взглядом в ответ. Знакомиться я ни с кем не хотела. Впрочем, останавливало это не всех.

— Багровое сияние?

Забренчали кубики льда. Перед носом плюхнулся стакан с напитком, идентичный стоящему. Разве что в том, что принесла Куми, среди апельсиновой мякоти проглядывались мелкие то ли семечки, то ли косточки.

— Не заказывала, — буркнула я, замечая рукав официантки.

— Это от меня.

Ну тут я не могла не заинтересоваться. Пресловутое любопытство подстегнуло посмотреть на обладательницу звонкого голоса. Свет зеркального шара прошелся чередой пятен, выдернув из полумрака стройную фигуру с подносом и насыщенным оттенком осени в медно-рыжей гриве.

— Диа?!

— Что ты, одинокая подавальщица коктейлей, мечтающая познакомиться с кем-то угрюмым и злобным, — сыронизировала пропавшая Избранная. — Я тебя дней пять уже жду. Не представляешь, как надоедает протирать липкие столики и выслушивать пьяный бред. А ноги как гудят!

Девушка забралась на высокий стул.

— Как ты меня нашла?

— Искала-то я не только тебя. — Стянув фартук, она бросила его на спинку и пригубила оставшийся на подносе коктейль. — Но в Лукс ходят все неординарные личности, и кое-кто приземленный, — хмыкнула она, указывая на синие мундиры. — Чтобы посмотреть на нас. Экзотика.

— Мы-то?

— Ой, только не говори, что не пришла бы посмотреть на настоящего вампира или живого эльфа. Мы люди из другого мира. Как не вызвать интерес? Тебе же не пришлось платить за вход или вот это, — указала она на напиток.

— Вообще-то, — начала было я и умолкла.

Куми с навязчивым вниманием, бесплатный жетон в место, что в условиях Деополиса не могло обходиться дешево, и уже второй коктейль, что в сравнении с рационом Окры превышал рамки разумного. Меня затащили в качестве бесплатного развлечения. Могла бы и раньше догадаться. — Черт!

То, что Враг остался в другом мире не должно меня расслаблять.

— Ага, — кивнула Диа.

— Я думала, с тобой сделали что-то ужасное, — призналась я, оглядывая вполне живенькую и бодренькую девушку. — Ты не представляешь, как я рада тебя видеть.

— Ага, то и смотрю, как вся извелась в поисках меня, — беззлобно уколола соплеменница. — Не переживай. Я тоже не была уверена, что тебя оставили в живых. Ты ведь только и делаешь, что в неприятности попадаешь.

— Хэй! — Я потянулась к коктейлю со льдом. Сделав несколько глотков, поморщилась от кислого вкуса. — Опять апельсин?

Временная официантка усмехнулась.

— Цитрусовые пережили конец света, представляешь?

— Апельсины, псевдоклубника и картошка, — ткнула я в бледно-желтый кружок, украшающий стакан. — Не мир, а сказка.

— Не сказка, а сплошное фэнтези.

Мы немного помолчали, затянутые в очередное представление на сцене. На этот раз выступающие радовали женскую часть клуба. Всех кроме меня. Порция недовольства прошла по нервам и осела на кончике языка с очередным глотком напитка.

Где-то в голове мелькнула мысль, что фальшивая улыбка и бодрое настроение на работе неизбежно качнулись маятником к искреннему раздражению.

— Кстати, я нашла его, — шепнула на ухо Диа, сверкая глазами на сцену.

— Кого?

— Визиря.

Я не то что бы побледнела или подавилась коктейлем, но зубами-то по стеклу хрустнула. Глаз дернулся в нервном тике. Больно стукнувшись локтем, я вперилась в оголяющихся танцоров. Нервная система приготовилась запускать обратный отчет до срыва.

— А, да не там, — хохотнула девушка, секундой раньше, чем меня хватил сердечный приступ, но секундой позже, чем я в подробностях рассмотрела обнаженное тело последнего выступающего. Картина жестко впечаталась в мозг, ввинтившись в подкорку с металлическим скрипом. «До встречи во снах с самыми извращенными сюжетами», — пообещала она, прежде чем затеряться в подсознании.

Усилим воли я убрала ото рта стакан. На всякий случай зажевала конец вопроса пластиком картошки.

— Ты про Темного повелителя? Он приходил к тебе?

«Ммм... Свежий крахмальчик малополезного пасленового. Вот ты здесь для чего. Чтобы я не думала о ветреных Врагах, которым все равно, в чей сон вторгаться».

Диа махнула рукой.

— Да ну тебя. Откуда ему взяться в Дополисе? Я про другого.

И девушка пересказала собственные измышления. Как и я, она пришла к выводу, что луноликого захватили деополиscopy и используют в качестве батареек. Но одними домыслами она не ограничилась. Как только прошел карантинно-адаптационный период, Диа преступила к действиям. Отправилась проверять свою теорию.

Любое помещение нуждается в мытье полов, смекнула Диа, выбирая основное занятие. В побочное, ей вменили практику собственной магии по назначению: поиск мелких вещей. Благодаря чему резко подскочили показатели по раскрытию дел, связанных с хищением. Между делом подписалась и на подработку официанткой (это уже, чтобы найти меня и Фло). Короче, силы, которые я тратила на подъем с постели и каждодневные выходы на смены, Диа отдавала на поиски.

Я не могла не подивиться активности девушки. Меня до сих пор лихорадило при воспоминании о жужжащей комнате, выкрашенной в розоватые тона. Не сказать, что в моей душе что-то надломилось, но пара царапин свой след оставили.

— Тебе вживили в мозг флешку или таблетку скормили особую?

Избранная схватилась за рыжие лохмы.

— Что? Почему?

— Ты же языка не знаешь. А здесь как?

— Ой, да что там знать? Проще, чем азбука Морзе. — Пригладила она чересчур здоровые и блестящие кудри, контрастом выделяющиеся среди среднестатистического волосяного покрова обитателей клуба. — Пару десятков фраз запомнить не сложно. В меню всего одна страница, а пьяный бубнеж мужиков я на интуитивном уровне понимаю.

Все что касалось интуиции и якобы внезапно легко приобретенных знаний отсылало к методикам обучения в Центре. Но что-то я сильно сомневалась, что Клод напивался, и Диа практиковалась в изучении невнятного бормотания.

— Там-то скука едва не изничтожила, — поведала Избранная, — ну в этом, то ли Персидском, то ли Арабском дворце. Не знаю, успела ли ты заметить, а может я чувствительная, но там как будто сила какая на психику давила. Будто паутина черная, и давит, давит, — содрогнулась она, глотнула коктейль и продолжила: — Здесь я впервые свободно вздохнула. Не за все попаданство, а вообще в жизни.

Вот тут я уставилась на Дию во все глаза.

Мы же в один и тот же мир попали?

На всякий случай заглянула в ее стакан. Может ей что интересней наливают чем мне? Может вместо овсянки она на алкогольной диете?

— Ты что, в новую интерпретацию Золушки играешь? Не из служанки в принцессу, а наоборот, из фаворитки в полемойщицы? Грофа надышалась или ягод кислотных наелась? Какая свобода, мать? Ты оглянись.

Последнее было некстати. На сцену вновь вышли танцоры, и посмотреть было на что.

Диа отпрянула назад.

— Спиртное тебе противопоказано, — накрыла она ладонью мой стакан, отодвигая в сторону. — Веселиться совсем не умеешь? Какие-то заговоры, тайны, побеги. Баста, Анна. Меньше нервов!

«Вот лучше бы она в депрессии сидела», — зло подумала я и тут же себя одернула. Да что я, в самом деле? Ну, нравится ей здесь. Нашел себя человек. Она же не виновата, что ее цели не совпадают с моими. Что она не видит целой картины происходящего. Что не может спрогнозировать будущее. Что делает не то, что я хочу и не поддерживает меня в страданиях.

Да, ее тактика сработала лучше моей. И она меня нашла, а не я ее. И про Аматри все узнала. И вообще...

Заиграла новая музыка. Насыщенный женский голос протянул первые ноты. Я сделала один долгий глоток. В этот раз напиток не показался таким уж кислым.

— Ладно, погорячилась. — Пришлось наклониться, чтобы Диа меня расслышала. — А что с Фло? То есть, Флорин. Известно что-нибудь о ее местонахождении?

Девушка хмыкнула, глядя мимо меня на сцену, куда были прикованы все взгляды отдыхающих. Цветастые платья, яркие огни и фальшивые улыбки, как глоток воздуха для утопающего.

— Я бы не стала о ней переживать. Думаю, она справляется лучше нас всех.

— Фло? Изнеженная фрейлина в шелковых нарядах? Вряд ли она в своей жизни держала что-то тяжелее карманного зеркала. Чем она может быть полезна Деополису? Сидеть и вздыхать у окна об очередном визире? Нет. Не знаешь, есть ли у них что-то вроде... ммм... отдела по созданию нового генофонда?

Меня немного понесло. Но, эй, мы все видели похожие фильмы!

— Опять ты накручиваешь. Знаешь, некоторые расцветают, когда перестают грезить о недоступном мужчине. И тебе бы попробовать. — Девушка подмигнула и кивнула на сцену.

Я поджала губы. Хватит с меня на сегодня обнаженки.

— Хоть ты не начинай. А то я вспомню, что где-то шатается и твоя половинка, навеянная магией.

— Анна!

— Забыла уже, да? Артефакт богини, нареченный. И не пихайся.

— Ой, да посмотри уже! — двинула в плечо Диа.

— Да не хочу я смотреть, — взбрыкнула я, но все-таки повернулась. Повернулась и застыла с открытым ртом.

Мать честная!

Какие танцовщицы, какие стриптизеры, какие перья и блески? По отполированной сцене в клубах дыма скользила дива. Не томная наложница визиря, не рабыня постапокалиптического общества, а настоящая богиня. Возможно единственная в этом мире, зато со знакомым мне именем. Флорин.

— 8 —

Фло извернулась в немислимом пируэте. Белая ткань платья взметнулась будто живая. На ажурном плетении вспыхнули огни. Зал охнул. Свет прожектора заскользил по смуглой коже, будто подсвечивая ее изнутри. Ни у одного ревнителя пристойности язык не повернулся бы назвать девушку или ее наряд пошлым и вульгарным.

— Ты тоже это видишь?

В руках бывшей жительницы Цезерины не было микрофона, но она открыла рот и из усилителей потянулись строки незнакомой песни.

— Ага. Она великолепна!

— Ты знала, что Фло здесь?

Меньше всего наложница повелителя фоморов напоминала принуждаемого человека. Язык тела, то, как девушка себя вела на сцене, говорили о ее личном желании там быть.

Избранная улыбнулась.

— Изначально Деополис строился с целью выживания человеческого рода. Когда они

относительно укрепили позиции, выяснилось, что людей искусства не осталось. А расслабляться надо. Появились некоторые проблемы с законными и безопасными развлечениями. Творческий гений подскочил в цене. Выжило не так много людей, что умели, хотели и могли творить. А вот в Белокаменном дворце почти не осталось тех граней искусства, которыми бы не овладела целеустремленная и скучающая заложница. Да прикрой же рот, муха залетит.

Я клацнула зубами.

— Но она же!.. Она точно не знает деополисского! Как, блин, она поет?

— Искусство говорит на всех языках.

Так себе из меня был ценитель, но даже я понимала, что уровень Флорин возвышается над среднестатистическими баллами караоке-клуба. Ее голос лился по залу сладкой патокой. Чтобы им очароваться не требовалось знать точное значение слов.

— Мы договаривались встретиться с ней после смены, — как бы невзначай заметила Диа, когда выступление подошло к концу, и зал разразился аплодисментами. — Тебе тоже будет интересно послушать. Столько всяких совпадений не могут быть случайностью.

— Угу, — согласилась я, все еще находясь под впечатлением. — Каких совпадений?

— Каких? Незримый путь, артефакт, Визирь. Забыла уже?

— Нет, — соврала я. Первоначальная цель в виде любви до последнего вздоха затерялась на втором этапе реализации. — О каких совпадениях речь?

— Незримый путь привел меня в мир, где заточен луноликий принц, ну же! — девушка щелкнула меня по лбу. — О чем я тебе весь вечер талдычу? Артефакт работает. Все сбывается.

Я заглянула в стакан, где на дне плескался тонкий слой апельсиновой жидкости.

— Совсем не понимаю. У тебя Незримый путь? Я думала он у меня.

— У нас обоих. Мы обе идем по нему.

— Ты не говорила.

— Времени не было, — пожалала плечами девушка. — Да и какая разница?

Разница была. До сих пор я не знала, в какое русло повернуть жизнь Диа: отправить ли в мир визиря, затащить в Центр или найти левый мир. Но если Избранную можно вернуть на путь, по которому она должна была идти до вмешательства Золотой оси, все менялось.

— Луноликий-то как связан с Незримым путем?

— Не с луноликим, а с визирями фоморов в принципе. Луноликий был визирем в тот момент, когда появилась я. А когда пришла ты, визирем стал Темный повелитель. Соображай. — Девушка хлопнула себя по лбу. — Ах, ну конечно! Ты так и не дослушала продолжение истории про богиню и фомора. Повелитель не простил богиню за вмешательство в свои дела. За то, что решила свести его сына с женщиной из людей. Он нашел способ лишить богиню могущества, но из-за совершенного обмана и сам потерял часть сил. В отчаянии из последних сил богиня прокляла правителя фоморов, желая извести его род. Создала она Незримый путь и повелела....

Фига себе Флорин недоговорила!

— Что повелела-то? — Заволновалась я. Если у моего магического контракта есть еще какие-то пункты, я бы хотела знать! Мало того, что услугу визирю должна за встречу с мужчиной своей мечты, так еще оказывается Незримый путь создан богиней из мести, а не из-за великой любви. Попахивает дополнительным проклятьем, в которое я ненароком вляпалась.

— Не знаю. Остальное Фло не успела рассказать.

Ах, это еще не все.

— Она полчаса трепалась про богиню, девицу и любовь, но не успела сказать самого главного?

— А-а, — помахала перед моим носом Диа. — Телефонный разговор всегда прерывается, когда хотят назвать имя убийцы.

Я подозрительно глянула на улыбающуюся мордашку. А не вспомнила ли Избранная что-то про Центр и сто сорок семь шаблонов идеальной попаданки?

Девушка не выдержала моего взгляда и раскатисто рассмеялась.

— Ой, Анна, на тебя смотреть и смотреть. Прости, но ты бы себя видела. Это же очевидно!

Я веселья не разделила.

— А как тут не смотреть? На нас по проклятью на каждой и мы не знаем подробностей. Вдруг если мы не обвенчаемся с нареченными в ближайший месяц, артефакт нас убьет? Надо узнать окончание истории и суть этого Незримого пути!

— Богиня на фоморов обиделась, а не на девушек из другого мира. Наш путь — исполнять свою часть контракта. Раз артефакт указывает на любовь, надо идти к ней и не противиться.

— Но я никого не видела, когда коснулась артефакта. К кому идти?

— Кажется граф плохо на тебя влияет. Ты что забыла уже? Незримый путь связывает с визирем фоморов. Здесь Луноликий. Он — конец моего Незримого пути. А твой... Ты же сама говорила про Темного повелителя.

Я шумно сглотнула.

Слова Дии упали проклятьем.

Тупые магические заклинания и доставучие Враги с их золотой магией, что коверкает Предназначения Избранных! Тинхе и тут умудрился подгадить. То есть за раскрытие его лика я что ли должна была платить?!

— Ерунда какая-то, Диа. Ты же говорила, что разуверилась. Что Аматри не твой возлюбленный.

— Как разуверилась, так и обратно поверила. Ну, когда Фло объяснила про Незримый путь. Были сомнения, что речь не о луноликом, а о Темном повелителе. Но теперь яснее ясного, как обстоят дела. Теперь я уверена на сто процентов! Сама не видишь? Меня похищают в тот самый мир, где он находится в заложниках. Какова вероятность, а? Если это не пути любви, что притягивают двоих созданных друг для друга людей, то что?

В клубе становилось душно и жарко, но по мне отчего-то пробежал холодок. Да что там, будто Арктический полюс прокатился по спине и осел на загривке.

— Я должна знать подробности проклятья, — с замершим сердцем сказала я. Потому что Диа права. Артефакт не влиял на нас, пока мы находились с ним в разных мирах. Но теперь-то мы здесь.

— Так а я, о чем? Фло и мне не успела все рассказать. А там, кажется, все самое интересное.

— Погоди. То есть в тот момент, когда я дотронулась до артефакта, и мой возлюбленный не проявился, все поняли, что это Великий визирь? То есть вообще все? И эл Кхрим, и Флорин, все наложницы, и сам Темный, мать его, Визирь? И все водили меня за нос?

— Эй, я в том же возмущении! Видимо ответ лежит в том самом проклятье. Как в истории Красавицы и Чудовища. Все должны молчать, чтобы Белль полюбила заколдованного монстра. — Диа спохватилась. — Ох, черт! Я же еще на работе.

Она внезапно вскочила, но я ухватила ее за руку.

— А почему тогда Флорин рот раскрыла об истинном смысле Незримого пути?

— Это не цитата слово в слово, скорее интерпретация, но звучало примерно так: а хрен ли нет, мы все равно в другом мире, тут можно и сказать.

Диа стащила фартук и неохотно повязала вокруг талии.

— Моя смена закончится через четыре часа. Там и Флорин освободится.

Коротко объяснив, как ее найти, свежеиспеченная официантка растворилась в толпе. Я сожалением заметила, что допила принесенную порцию и на дне стакана остались лишь крохотные кубики льда. На сцене появилась новая партия танцовщиц. Не столь грациозных и запоминающихся как Флорин, но вполне достойных своей профессии.

Тем временем в голове по сотому разу прокручивалась полученная информация. Все время в Цезерине мне обильно развешивали доширак на уши. И главным ее поставщиком был Тинхе. Я думала, что он не знал о моем прибытии в мир, пока я не выскочила ему навстречу. Теперь же это ставилось под сомнение. Ему было известно о Незримом пути — это первое, о чем доложил ему эл Жаб. Значит, он знал, что Незримый путь связывает с визирем, но при этом все время намекал на Никия. Вот зачем, а? Не доставал бы тогда, я бы вообще не догадалась искать артефакт по оперениям дротика. И в мир бы другой не угодила.

Опустим лирику. Вернемся к фактам. Я и Тинхе связаны. Теперь официально. Даже без заключенного контракта. И Враг не хочет, чтобы я это знала. Что ж, это настолько плохо, что вполне походит на одну из моих шуток. Не оттого ли мой «возлюбленный» скрыл смысл Незримого пути? Испугался, что опять затяну шарманку о нашей неизбежной любви? Нет, слишком мелко для Врага. Его не напугать такой ерундой. И точно он не делал этого просто, чтобы досадить. В действиях Врага всегда тридцать три скрытых мотива.

В чем же дело? Чтобы изменилось, если бы я узнала, что моя половинка — Тинхе. Помимо того, что сказала «нет, спасибо» и свалила в закат. Ничего. В том-то и дело. Я бы попросту не стала с Тинхе торговаться. Черта с два я бы отдала свою душу за возможность провести с визирем всю оставшуюся жизнь.

Возникло стойкое ощущение, что меня дурят. Долго и основательно. Прямо как тогда, когда Враг оставил меня в Лэйтирии, чтобы я встретила с Алисой и добровольно открыла проход в Центр. Неужели все ради Дара? Нет, Странник хотел чего-то еще.

Я не верила, что Тинхе мой любимый. Лэйтиарцам само слово любовь не понятно. Чувствовать его они тем более не умеют. Был в этом деле какой-то подвох, и Врагу о нем было известно. Эх, была бы возможность посоветоваться с Атросом!

Голова раскалывалась. Мечом я махала лучше, чем разгадывала ребусы.

Я глотнула еще из первого бокала. Приятнее вкус не стал. Диа хотя бы принесла коктейль со льдом. Тот что достался за жетон Куми был все таким же теплым и мерзким.

«Нужно выяснить подробности у Флорин, — подытожила я, догоняемая внезапным озарением. — И перекинуться словом с Аматри. Он же здесь, прямо под носом!»

Ликование перебило неприятное ощущение. Проблема обычного человеческого существования: что-то застряло между зубов.

Пройдясь взглядом по толпе, проверила, не наблюдает ли кто, и улыбнулась своему отражению в мутном бокале. Подумать только, я все еще волнуюсь об эстетике. В долбанном

постапокалиптическом мире!

— Как же низко я пала, — пожаловалась стакану, ногтем подцепляя застрявшую между зубов семечку. — Катитесь к черту, хорошие манеры.

Коктейль-то апельсиновый, откуда в нем семечка?

Забив на остатки манер, я принялась разглядывать находку. Мелкое-мелкое семечко. Кунжут? Нет же. Малина? Свежей малине в Деополисе не место. Не за ту цену, что толкают напитки. Ха, семечко от клубники.

Потребовалось еще несколько секунд, прежде чем я справилась с тревожной мыслью.

— Боже.

Я схватила стакан с кусочками льда и бросилась к выходу. Нет, не к женскому туалету. Есть вещи, которые из мира в мир не меняются. Например, очереди в особо нужные места.

Нет в Деополисе клубники. Есть нечто очень на нее похожее. Ягоды роа. И кто-то накидал мне их коктейль.

Пыль ударила в лицо, когда я выскочила на улицу через запасной ход. Под ногами захрустел мусор. Нестерпимо пахло жженой резиной.

Я наклонилась над сваленным хламом. Два пальца в рот. Студенческая жизнь — давно не виделись.

Зашарила по карманам. Ведь брала же! Всегда ношу. Активированный уголь. Одна таблетка на десять килограмм и запить водой. Зажевать льдом, за неимением иного. И где-то отлежаться. С этими ягодами эффекта не угадаешь. Под стол свалит или магию вновь блокирует. Да мало ли что еще.

На секунду я прижалась лбом к холодному бетону стены.

Сердце колотилось как бешенное. По вискам долбил пульс.

«Сходила. Расслабилась. Отлично сработано, Дробь!»

Грохнула металлическая дверь. За спиной раздалися шаги, а следом послышался голос:

— Какая встреча! Девушка плохо себя чувствует? Может, ей нужна помощь?

Я повернулась как раз в тот момент, чтобы встретиться взглядом с коренастым мужиком. Тем самым, что разъезжал на машине, когда Никий вел меня в башню. Позади стояло еще двое в синей форме.

Странная эта штука — Незримый путь.

— 9 —

Я попятилась назад и тут же уткнулась спиной в стену. Запасной ход в Лукс загоразивал один Синих костюмов. Другой перекрыл дорогу на улицу.

— Премного благодарна, но помощь не требуется. — Тихая подворотня без лишних глаз и ушей. Самое то, чтобы втроем познакомиться с полупьяной девицей, едва держащейся на ногах. — Уверена, в клубе достаточно достойных леди, нуждающихся в помощи доблестных рыцарей.

Один из Синих костюмов хохотнул.

Вперед вышел водила. Да, это та самая морда, что пыталась подцепить меня в прошлый раз.

— Что, без своего хахаля не такая смелая? — спросил он.

— Это он без меня не такой смелый, — парировала, тем временем выискивая среди хлама достойную Избранной арматуру. Вместо шикарного полуторного меча с довеском «плюс сто двадцать пять процентов к убийству подозрительных мужиков из подворотни»,

судьба подкинула разломанный кирпич. Что тоже ничего, и подходит любому классу.

Я подняла находку.

— Какая воинственная, — усмехнулся Синий костюм.

— Все они вначале дерзкие, — отозвался его близнец по симпатичному наряду. — А потом такие шелковые, отзывчивые.

Я скривилась от отвращения. Откуда такие люди берутся? Отдельно их что ли выращивают в специальных колбах, или курсы подготовки где-то проходят? Я не просто так интересуюсь. Сходила бы.

— Чё с ней расшаркиваться? — Водила повернулся к Синему костюму.

В тот же момент я дала стрекоча. Ага, буду я ждать, пока они наговорятся. Беги или атакуй. В моем случае: и то и другое. Лучшая защита — это кирпич промеж глаз противника. Не ожидавший подвоха мужчина, что преграждал дорогу на улицу, среагировать не успел. Точнее, он почти увернулся. Но так и я не стала бить, а пустила кирпич в свободный полет. И судя по отборному мату за спиной, уроки метания ядра не прошли даром.

Впрочем, обрадовалась я рано. Тренировки тренировками, но алкоголь в сочитании с ягодами брали свое.

Я была в трех шагах от свободы, когда меня достал удар в плечо. Меня швырнуло вперед, аккуратно на капот. И не успела опомниться, как меня стали скручивать.

— Зажми ей рот!

— Сучка кусается!

— Двинь ей.

— Жалко же. — Рука вцепилась в волосы, наматывая на кулак. — Потрогай, какие мягкие.

Не знаю, что ему там понравилось. Вода в Окре текла настолько противная, что я всерьез подумывала об экстремально короткой стрижке. Что-нибудь в стиле Дуэйна «Скалы» Джонсона.

Априори мужчины сильнее. Если бы тренировочные спарринги приходили только между Избранными, меня бы ждал неприятный сюрприз. Такой, с каким встретился первый Синий костюм. Мужик мужиком, но до цельнометаллической статуи он не дотягивал. И кожа помягче и реакция слабее.

«Промежность, печень, горло и нос, — всплыл в голове голос Клода. — Слепи противника. Не обязательно выкалывать глаза, чтобы добиться успеха. Рассеченная бровь много вреда здоровью не принесет, но на время ограничит зрение».

— Неужели так сложно скрутить шестьдесят килограмм?

Именно этому Синему костюму в подбородок, а после и в переносицу пришелся удар открытой ладони.

— Пятьдесят семь, мудака!

Выкрик обошелся дорого. Водила перехватил меня за талию, выкручивая руку назад. Следующим движением он зашвырнул меня в салон.

«Никаких пафосных фраз во время драк с теми, кто не ниспослан богами, — сделала я заметку, теряясь в прострации. — Люди со свободой воли совершенно не умеют действовать по сценарию Избранной».

Затылок столкнулся с потертой обшивкой сиденья. Водила отстранился, пропуская Синий костюмчик-номер два. Номер один до сих пор справлялся с кровотечением. Небольшая передышка придала сил. Как только в салон заглянул второй, я зарядила ему

ногой. Он издал злобный рык, тут же перехватывая и потянув на себя. От неожиданности я ухватилась за ручку противоположной двери.

— Вот же увертливая!

Продолжаться так долго не могло. Мы оба это понимали. То, что по истечению времени в проигравших останусь я, было слишком очевидно. И тут взгляд наткнулся на ключи. Цепочка болталась в замке зажигания. Оставленная не столько случайно, сколько за ненадобностью. В закрытом городе не было смысла в воровстве громадных машин.

Водила скрылся. Я осталась один на один с Синим костюмом.

— Ягоды че, паленые? — донесся голос Водилы откуда-то из-за машины. — Обычно за пять минут срубает.

— Не гони на качество, — прогундел подбитый.

Я всего чуть-чуть отвлеклась на разговор и тут же потеряла концентрацию. И тут же нападающий преодолел сопротивление. Поймал мои руки, вдавливая их в сиденье. Следующим движением пресек всякие попытки лягаться. Я забрыкалась под его весом, но поздно. Он лишил меня любой возможности двигаться.

Мужчина поймал мой взгляд, полный смятения от безвыходного положения. Возможно, что-то садистское в глубине души Синего костюма отреагировало на мой ужас, потому что в следующее мгновение его свободная рука оказалась у меня на бедре. С настойчивым желанием она заскользила вверх. Задрала рубашку, оголяя кожу. От неожиданной смены настроения Синего костюма, я замерла будто парализованная. Костюм воспринял это как приглашение.

— Даже не думай! — прорычала я, опомнившись.

Он лишь ухмыльнулся, но тут же был прерван Водилой.

— Потом натискаетесь. И так много времени потеряли.

Водила сплюнул и направился обратно к клубу. Замести следы? Второй Синий костюм прижимался к стене, сетуя на испорченную одежду.

У меня появился шанс.

Если что-то не работает — меняй тактику.

— Что происходит? — прошептала я. Удивленно моргнула. Недоверчиво глянула на мужчину, практически расслабляясь в его руках. Дыхание постепенно замедлялось. Я прикрыла глаза.

Они ждут, когда ягоды роа возымеют действие. И, черт возьми, они возымеют! Но чуть позже. Я уже чувствовала отголоски слабости, но еще могла с ними бороться. Синему костюму можно было показать совсем иное.

— Наконец-то. — Он легонько шлепнул меня по лицу. Я не реагировала. — Отключилась.

Изображая бесчувственное тело, я в самом деле почувствовала сонливость. Не ту, что наступает от усталости, а резкую, окутывающую и давящую. Как бы с таким притворством в самом деле не улететь.

Будто тряпичную куклу, Синий костюм подтащил меня к себе. Он продолжал удерживать запястья, но уже без той силы, что могла переломать все кости.

— Тащи веревку, — крикнул он Водиле, копошившемуся в багажнике. — Не хочу сюрпризов.

— Кто хоть раз просыпался? — отозвался тот. — До обеда не очухается.

Синий костюм еще раз встряхнул меня. Доля сомнения в нем оставалась, но быстро

сошла под напором чужих аргументов. И он потерял бдительность.

Большого не требовалось. В замкнутых пространствах ограничен набор возможных приемов. Если вы никогда не дрались в таких условиях, быстро перестроиться невозможно. Вне зависимости от того насколько ты зол или силен.

Голову вперед, размах и затылком в лицо. Удар локтем. Уход в сторону, пока не очухался. В печень. Хлесткая пощечина.

Протиснувшись между сиденьями, я ухватилась за руль. Синий костюм тут же очухался и дернул меня обратно. За что получил ногой в лоб. Тяжелые ботсы, познавшие сладость боли чужих лбов, не заставили в себе разочароваться. Мой сосед по салону разразился бранью.

— Вот же лживая...

— Неужели так сложно справиться с одной приткой девкой? — Водила, почувствовав неладное, бросился к двери.

Я же осваивалась на кресле водителя. Щелкнула перед носом Водилы кнопку заглушки, повернула ключ. Машина мерзко задрезбуждала.

— Дуреха ща сцепление спалит.

Механка! Машина на механике!

Я спешно давила на педали, нащупывая ручник. Одну ногу на тормоз, другую на сцепление. Или на газ и на сцепление? Просто выжать сцепление?

— Свалит же!

Второй хохотнул.

— Это дредноут. Куда окровке до высоких технологий?

Лариса была поваром. Алиса мастером боевых искусств. Клавдия изучалашибану. А я? Сдала на права десять лет назад на механке, и с тех пор ездила только на автомате. Но где наша не пропадала?

Тяжелая рука легла на плечо. В тот же момент взвыл мотор, и машина дала задний ход. Не совсем преднамеренный маневр. И вовсе не женская глупость. Скорости на коробке передач расположились совершенно случайным образом!

Мужчины, оставшиеся на улице, отпрянули назад. Обалдевшие глаза Водилы я смогла разглядеть даже в тусклом свете неоновой вывески. Кажется, я только что разрушила все его представления о мире. Другой Синий костюм был менее экспрессивен, и стоял с запрокинутой головой, зажимая сломанный нос.

Резко крутанув, вывернула машину на главную дорогу.

— Угробишь же! — взвыл невольный пассажир, откинутый назад.

Гонки никогда не были моим хобби. Особенно по плохо освещенным улицам и с выключенными фарами. Эй, я искала их, но половина кнопок казалось, были сломаны.

— Единорожки! — взвизгнула я, передавив педаль. Рычаг дернулся в руке. Первая передача, вторая... А это что?

Машина рванула на всех скоростях, смачно подпрыгивая на ухабах.

— Поиграли и хватит. — Рывок машины мотнул его по салону и вдавил в дверцу. — Тормози, малышка, живее будешь.

— О себе беспокойся, красавчик!

— Сама напросилась.

Мужчина замахнулся рукой. Он собирался взять меня в удушающий захват. В последний момент я соскользнула с сиденья вниз. Уровень сложности управления машиной резко

подскочил на несколько пунктов.

— Остановишь сейчас, и твое миленькое личико пострадает несильно, — предупредил он, перехватывая руль. Проскользнуть между сиденьями так же легко, как я, его массивной тушке не удалось. — Тормози же!

Хотела бы послушаться, но соскользнув в проем, я перестала ориентироваться в педалях. Одну держала коленом, в другую упиралась рукой. Каким чудом машина оставалась на ходу, оставалось только догадываться. Свернувшись калачиком, я оставалась вне досягаемости Синего костюма. Зная свой уровень удачи, даже при условии, что я обладала даром золотой магии, которая — на секундочку! — должна существенно увеличить удачу, продолжаться так долго не могло.

Машина, будто услышав мои мысли, издала странный рыкающий звук. В испуге я отпустила педали, вызвав еще одну серию толчков. Этого моя психика вытерпеть не смогла. Памятуя эпические моменты большинства боевиков, я вдарила по кнопке разблокировки и дернула дверь.

Дальше все пошло секундными нарезками, где я только успевала прикрывать голову. Щелчок. Ветер. Перекошенное лицо мужчины. Хлопок. Резкая боль. Выданный клочок волос Темная обшивка машины. Грунтовка и пылящая выхлопная труба.

Бег — это не мое. Пение — это не мое. Девяносто пять процентов искусств Избранны — это не мое. Мое — это падать с высоких движущихся помостов. В данном случае из подпрыгивающей на кочках машины.

Когда я приземлилась в кучу хлама из пенопласта, коробок и брезента, впервые ощутила ту пресловутую удачу. Чуть позже донесся визг тормозов. Приоткрыв глаза, я видела, как дредноут юзом мотнуло в стенку дома.

Не дождавшись продолжения, я вытащила свою помятую тушку из кучи мусора. Прихрамывая на одну ногу, тут же направилась в тень перекошенных домов. В суматохе безумного форсажа, я запуталась в хитросплетении кварталов. Дорога до Окры отражалась в голове очень сумрачно.

Адреналин медленно отступал. Слабость с каждым шагом ложилась дополнительным весом. Не иначе как чудом, улица шла петлей и вывела обратно к Окре. Знакомый охранник без особых проблем пропустил меня внутрь. Как я добиралась до комнаты в голове не зафиксировалось.

Ныло плечо. Откуда-то текла кровь. Нога немела, а рука наоборот набухла болью.

Последнее, что я помнила, это как холод неотопливаемого помещения полз по ногам. Как на глазах наворачивались слезы, когда схлынул адреналин. Как пришло осознание пережитого, пройдясь эмоциональной наждачкой. Как надвигающаяся истерика вступила в бой с теми крохами ягод, что задержались в организме. И как она проиграла иномирному транквилизатору.

Вместо надрывного всхлипа я зевнула. Зевнула еще раз. И провалилась в сон.

Знакома поляна Центра, вновь прорвалась в ворох сновидений.

— 10 —

Недолго я пребывала в глючных иллюзиях о стерильном мире. Бредовые картинки замерцали, и искаженные образы стабилизировались. Легкостью отозвалось понимание, что я в платье Избранной, а не в порванной форме окровки. На коже ни единой отметины о ночном происшествии. Будто ничего и не было.

Мужчина в черном уже ждал меня на тропике. Притоптанная сотней пар ног, она убегала в глубокую пещеру, сотканную из мириады блестящих пылинок магии. Впрочем, надоедливого преследователя мало интересовала красота стерильного мира.

— Все же было нормально, — пробубнила я, ища перевязь. Если это сон о Центре, а я в форме, меч бы пригодился. Выпроваживать незваных гостей. — Откуда ты взялся?

Враг облокотился о поросший мхом уступ.

— Разве не по твоему личному желанию?

Приятный баритон. Нотки снисходительности. Элегантная безупречность зла.

— Упаси меня боги от таких желаний.

— Не упасут, — уверенно ответил мужчина, изучая тропинку с пещерой. — А это место я помню.

С долей тревоги я проследила за тем, как он проверяет на прочность каменный свод. Сразу вспомнился Атрос, опутанный сетями сдерживающей магии.

Излишний интерес Врага к деталям сна-воспоминания пробуждал во мне параноика. Мало ли какую гадость Тинхе учинит.

— Ты смог проникнуть в мой сон, потому что защита Дара дала слабину?

Я встрепенулась, желая вернуть внимание к себе. Наконец появилась возможность блеснуть интеллектом. Не все же Врагу угадывать каждое мое действие.

В первый раз Тинхе пробрался в мой сон, когда я отключилась от лекарства из ягод роа. В этот раз доза досталась вместе с коктейлем.

— Помимо прочего, — подтвердил он. — Надо же, догадалась без подсказок. Брошенный мир хорошо на тебя влияет.

Ну да. Деополис спустил меня с неба на землю. Или сбросил, если быть точнее.

— У меня нет ни сил, ни желания вести с тобой диалог. — Я прислонилась с другой стороны от входа, копируя его позу. — Других проблем навалом. Не до тебя. Будь любезен, оставь меня в покое.

— Выходит, я зря надеялся, что здравый смысл переборол избранность.

— Запомню, с кем разговариваешь? Где я, а где здравый смысл? — Нащупав рукоять меча, я ощутила уверенность. — Иди, откуда пришел. Я тебя не звала. Ты мне не нужен.

Пожалуй, впервые вела себя с Врагом столь нагло. Обычно я так сильно не нарываюсь, но день выдался тяжелым. Отдых организму требовался как никогда. А лимит угроз, двойных смыслов и мужского внимания себя исчерпал.

— Что произошло? — спросил Тинхе. Плохим бы он был злодеем, если бы не заметил возникшие во мне перемены.

— Не понимаю, о чем ты, — тут же ошетибилась я.

Оставив в покое поросший на камнях мох, Враг полностью сосредоточился на мне.

— Раньше ты подавляла страх передо мной флиртом, а не агрессией.

Я поджала губы, пряча эмоции. Нет, я не позволю ничего из себя выудить.

Впрочем, Странника мало волновали чужие желания. Как и всегда. Легкий пасс и разноцветные блески замерцали вокруг. Мужчина оттолкнулся от уступа, хрустя мощными сапогами по гравийной дорожке. Рука в черной перчатке потянулась к моему солнечному сплетению. Как тогда во дворце. Но магия не успела как следует оформиться. Кончик лезвия уткнулся в сонную артерию Врага прежде, чем тот успел завершить заклинание сканирования.

— Нет, — предупредила я, выдыхая злость. — Больше никто не прикаснется ко мне без

разрешения.

Тинхе прошелся взглядом по отполированной линии лезвия. Оценил серьезность намерений.

Темные глаза опасно сощурились, сгоняя возникшую толику удивления.

— Неужели я дал повод так о себе думать? — Развел он руки в притворно-беззащитном жесте.

Я поджала губы, и Враг тут же сделал вывод.

— Дело не во мне. Так Дробь? Эти чувства вызвал не я.

Парящие блески вспыхнули золотыми огоньками.

Тинхе не нападал. Он развеял иллюзию Центра, а обнажая реальность Деополиса.

Коричневое, и как раньше казалось, отвратительное платье, уплотнилось и легло на кожу царапающей тканью серой формы. Две верхних пуговицы отсутствовали. Край рубашки болтался рваными клочьями, а на коленках проступили дырки. Подвернутые рукава сдавали синеющие отметины чужих пальцев.

— Хватит! — Взмахнула мечем, и трансформация остановилась, не дойдя до волос.

Поблескивающая чернота глаз застыла на ссадине, алеющей на моей скуле. Метнулась к синякам на руках. Задержалась на участке коже, открывающейся за оторванными пуговицами.

Враг дернулся, будто собираясь прикоснуться ко мне, но в последний момент, прижавшись к его коже металл, немного охладил интерес.

— Как ты получила эти травмы? — Зачем-то спросил он, хотя я прекрасно понимала, что его холодный ум уже произвел все расчеты.

Я мотнула головой, мол, отстань. Враг намека не понял.

— Это был тот проходимец? — И та злость, что покинула меня, нашла отголоски в его тоне. — Как его там... Ник?

— Нет, и не твое дело.

— Дробь, так не пойдет. — Отпрянул он, оттолкнув кончик меча, все еще маячащего где-то перед его носом. — Я доверяю тебе, а ты позволяешь кому-то с собой так обращаться. Это, знаешь ли, вредит моей репутации.

Он меня упрекал?

— Не может быть! — чуть истеричнее чем хотелось, отозвалась я. — Твоей репутации? Как же я о ней-то не подумала! Вот дура. Все о себе, да о себе. Ну, теперь, когда я знаю, что репутация твоя может пострадать, так и быть, поберегусь.

Я опустила кончик меча вниз, но убирать в ножны не спешила. Не то чтобы он мог причинить реальный вред Врагу, но мне нужно было хоть что-то.

— Полагаю, ты не намерена говорить об этом сейчас, — констатировал Тинхе.

— Ни сейчас, ни потом, никогда.

И не с тобой.

Мужчина чуть склонил голову, будто прислушиваясь к чему-то. Потом, что-то решив для себя, кивнул. Я интерпретировала этот жест, как дозволение побыть мне еще немного в заблуждении. Мол, развлекайся со свободой выбора. Не долго осталось.

— Твое право. — Подтвердил он. — Пока что. Тем более у нас есть несколько других насущных вопросов. Например, какое решение ты приняла? Вернуться в Лэйтирию леди или лэй?

— Сказала же, я тебя не звала! Не играю я по твоим правилам. Предоставленный тобой

выбор делать не буду. Потому что выбора там нет. И достать тебе меня нечем. Пока мы оба не в одном мире с артефактом, сделку не завершить. Или ты нашел способ сюда пробраться?

— Пока я ограничен в своих действиях, — признал Тинхе. Казалось темнее его радужки стать не могут, но злость каким-то образом придала глубины плескавшейся бездне. — Но это временно, Дробь.

Где-то в глубине души я захотела посмотреть, что стало бы с теми «костюмами», реши они вот так подкараулить Тинхе, а не меня. Разбитой машиной и сломанным носом ребята не отделались бы.

А мой вечный ночной кошмар продолжал:

— Артефакт цел. Ты либо до сих пор его не нашла, либо не решилась разбить. Или так понравилось в уютных катакомбах тлеющего мира? — Не насмешка. Легкий упрек. — Посмотри, до чего себя довела, — указал он на отметины. — Оно того стоит? Чудеса гниющего города стоят твоих страданий? Даже богам хватило здравого смысла не присылать сюда на помощь Избранную. Что же ты там такого нашла?

Мне не нравилось в Деополисе. Ничего в нем не нравилось. Но и деться было некуда. Я ни разу не задумалась о том, как что-то исправить. Потому что нечего исправлять. Угасающий мир можно зажечь снова, а вот мертвый мир не воскресить.

— Ради чего сопротивляешься? Уничтожила бы артефакт, и я бы все понял. Но ты этого не делаешь.

Уничтожила бы, и захлебнулась в чувстве вины. Нет в Деополисе достаточного количества магии, чтобы позволить лишиться даже одной подпитки. Созданные телепорты нуждаются в подзарядке. Перемещения ограничены. Подготовка и операции требуют большого количества ресурсов.

— Значит, твой выбор — я. Так зачем тянешь с решением?

Я попыталась вспомнить. На ум лезла только грязь, раздражающие звуки гудка и противный вкус каши. Вместо сострадания к забытым богами людям пришло омерзение. Грязные смешки, похотливые пальцы Водилы, гнилой запах воздуха, равнодушные прохожие, саднящие коленки и опутанный проводами-насосами мужчина в башне.

— Ты ведь только сильнее затягиваешь собственные страдания.

На душе стало совсем гадко. Как же, состоявшаяся Избранная не может защитить себя от трех мужиков. Куда только все навыки подевались? Даже закричать не смогла, на помощь позвать. Отбивалась будто девчонка несмышленная. Ей-богу, давно не восемнадцать лет. Чудом же спаслась. Не иначе как золотая магия в кой-то веки подыграла.

— Это не твой мир, Дробь. — Продолжал литься ядом безразличный голос. — Не твоя битва. Зачем так себя мучить?

Стало совсем горько. Разве заслужила такого обращения в Деополисе? Ведь не трогала никого. Я и в мир их не хотела. Мало того, что работаю за еду, проверкам всяким подвергаюсь, так еще и каждый встречный-поперечный считает, что раз я выгляжу слабее мышки, значит и обидеть можно.

— Дробь?

— А? — вздрогнула я от глухого звука. Оказывается, забывшись, я отпустила меч. Опасная железка валялась в траве, сияя каплями влаги.

«Роса? — удивилась я, прежде чем почувствовала на щеках дорожки слез. — Черт. Ну не перед Врагом же».

— Ты как будто специально это делаешь, — раздосадовано сказал Враг, протягивая

возникший из ниоткуда платок.

Я всхлипнула, пряча лицо в антрацитовом хлопке.

Мужчина стоял совсем рядом, ожидая, когда я вдоволь наревусь. Спокойный и непоколебимый как статуя, без малейшего понятия, куда себя деть. А все чего я хотела, это что бы меня обняли и пожалели. И это было странно, потому что минуту назад я не хотела никаких прикосновений. Ни от кого. Никогда.

Атрос, как же я устала.

— Ненавижу тебя, — вновь всхлипнула я. — Со всей этой типа мужественностью, темной аурой и всякой притягательной фигней. — Что-то в голове перемкнуло. Я сделала шаг вперед, позволив себе уткнуться лбом в грудь Тинхе. Он даже не шелохнулся. — Неужели так сложно быть невоспитанным мудаком с сальными глазками, мерзкими усиками и тремя подбородками. Ох, во имя Незыблемого Трона, обними меня. Я по-другому не успокоюсь.

— Знала бы ты, как сильно тебя ненавижу я, — устало ответил Странник, притягивая меня к себе.

— Врешь же. Говорил же, что безразлична. А тут прям ненависть. Так не бывает.

— Я лэйтарец, а не человек. У нас по-всякому бывает.

Я продолжала греться в чужом тепле. Я честно признавала, зачем мне это нужно. Тинхе же пусть сам придумает, чем ему это выгодно. Не занималась я бороться с его внутренними демонами.

Меня молча обнимали, а я тихонько плакала.

Когда всхлипы утихли, слезы высохли, а разум постучался обратно, я спросила:

— Это какая-то магия внушения? Ты что-то используешь против меня?

— Только твои желания, — ответил он куда-то мне в макушку.

— Правда?

Я почувствовала, как он усмехается.

— Что-то в том мире подавляет естественную защиту золотой магии. То, что ты чувствуешь — это слабый отголосок того, как Избранные ощущают флер Странников.

То, что после этих слов я не оттолкнула Врага и не высказала все, что о нем думаю, уже кое о чем говорило.

— Чем дальше я в Деополисе, тем слабее моя защита?

— Угу, — подтвердил Враг, как бы невзначай проводя носом по моим волосам.

Он никогда не пытался меня соблазнить или как-то сблизиться. Его в достаточной степени утомляли подобные игры с другими Избранными, чтобы тратить силы еще и на меня. То, что он продолжал потакать моим желаниям, тоже наводило на определенные мысли.

— А с тобой-то что не так?

— Дроть, я тебе нравлюсь? — вот так в лоб, совершенно не стесняясь, спросил он. — Не сейчас, а до того, как ты попала в брошенный мир.

Вопрос поставил в тупик. Не потому, что я не знала ответа, а потому что нафиг оно ему надо?

— Какое это имеет значение?

Тинхе чертыхнулся, неохотно отстраняясь от меня.

— Ты даже такую простую ситуацию умудрилась усложнить. И продолжаешь настаивать, что не специально?

— Да где я опять дорогу тебе перешла? — вперилась я в наглеца взглядом.

Господи, ну неужели так сложно постоять молча пару минут. Мы еще не женаты, а он уже каждую минуту выясняет отношения!

А вот такого выражения лица я у Врага не видела никогда. Чего это он?

— Женаты? — Дрогнул мускул на идеальном лице.

— Последнюю фразу вслух сказала? Не обращай внимания, это фантазии из параллельной реальности. В ней я крутая, а ты так себе. Но я все равно тебя люблю.

Тинхе прикрыл глаза. Долгую, очень долгую минуту он молчал. Я же думала о том, что опять чувствую себя прекрасно. Женский организм — это чудо. Поревела и сразу легче стало. Пусть и во сне.

И фиг с ним с нападением. Вот проснусь, выслежу тех мужиков и устрою им «темную». Чтобы знали, чем карается нападение на запуганных и расстроенных Избранных.

— Дробь, — вернулся Тинхе из своего призрачного мира спокойствия и уюта, куда не ступали ноги богов и Избранных. — Ради нашего с тобой общего блага, я надеюсь, что это какой-то твой хитрый план. Потому что в противном случае у нас проблема. Да, у меня и у тебя вместе. Ты же успела выяснить, что такое Незримый путь?

— 11 —

— Незримый путь это... — Мысли путались. Возможно из-за просачивающегося сквозь защиту флера, возможно из-за дурманящего яда ягод. — Можно своими словами? Мы же не на экзамене.

— Незримый путь — это проклятье озлобленной богини. — Подсказал Враг.

— С языка сорвал.

Я сделала глубокий вдох, собирая себя в кучку.

«Нельзя расслабляться. — Строго приказала себе. — Думай о деле. Ты же собиралась кое-что предъявить странствующему манипулятору.»

— Погоди. Ты с самого начала знал, что артефакт связал нас. Понял в тот момент, когда эл Кхрим сообщил, что мне не явился лик возлюбленного. Нас связал Незримый путь. Меня и тебя! А не меня с Никием или кем-то еще. — Не спрашивала, утверждала. А мысли развивалась дальше: — Я, значит, страдала тут! Выкручивалась и так, и этак, не зная, бороться за призрак любви или бежать сломя голову. Переживала из-за твоих слов. Искала способ разорвать связь, а мы, оказывается, оба в этой лодке.

— Как ужасно с моей стороны, Дробь, — притворно посочувствовал мужчина в черном. А я как бы вспомнила, что он не мой друг или любовник, а собственно Враг и чего я ожидала? — И все же я не врал. Хотя тебе нравится постоянно уличать меня во лжи. Незримый путь — это кара, а не благословение. Богиня, что создала артефакт, обозлилась на правителя фоморов и прокляла его сына, и всех, кто когда-либо займет должность визиря этим самым Незримым путем. — Каким-то образом Тинхе продолжал удивлять своим безупречным равнодушием. Я бы так спокойно реагировать не смогла. — И проклятье это идет немного вразрез с изначальным назначением артефакта.

Мои догадки подтверждались. Проклятье богини было рассчитано в большей степени на визиря, а не на девушку, что окажется с ним связана.

— Как зная обо всем ты согласился занять должность визиря? Что там за проклятье такое, что тебе на него начхать? Эй, или ты хочешь сказать, что я твое проклятье? Вот не надо! Я не так сильно тебя достаю. Только мысленно. И исключительно в рамках

возрастного рейтинга «тринадцать плюс».

Враг вскинул голову.

— А где солнце? — спросил он, разглядывая безоблачный горизонт.

— Отключили за неуплату. Тинхе, в чем суть проклятье? Как оно меня касается?

Мужчина отступил назад, утягивая за собой шлейф из моей досады и облегчения. Соображать сразу стало легче. Я не спешила сокращать дистанцию обратно. Раньше бы точно дернула за рукав или ткнула в плечо, а теперь стало за себя боязно. Вдруг язык опять начнет нести всякую ерунду. Окончательно все фантазии разболтаю. Мне-то без разницы, а вот за Врага страшно. Мало ли какие психические отклонения займет ко всем существующим.

— И дождя не бывает? — Он наклонился, чтобы провести ладонью по шершавой траве. — А роса?

— Стерильный мир. Нет дождя, озоновых дыр, перепадов давления и магнитных бурь, — отгарабанила я. — А еще это сон. Тинхе, вернись в реальность. Что с проклятьем?

— Значит, подробности тебе не известны. — Враг одернул полы тренча, пряча руки в карманы. Кажется, он уже пожалел, что заикнулся о Незримом пути. Наверное, мое странное поведение и по нему прошло. — Не знаю, за что именно Латрин Жизнедарующая не возлюбила фомора. То ли за то, что умудрился ее обмануть и лишить божественных сил. То ли за то, что не покорился ее божественной красоте. Но напоследок она пообещала, что ни один из визирей не испытает радости взаимной любви. А те девы, что должны быть им предназначены, обернутся для них безумием и худшим кошмаром. Ведь никогда не ответят их яркие и пылающие чувства. И быть тому до тех пор, пока с иных земель не явится дева, что рождена под неизвестным фоморам созвездием, и воспитана речью, никогда не звучавшей из уст жителей Цезерины. Лишь она сможет разрушить проклятье. Но как только падет завеса, богиня восстанет в рядах разрушительных молний, преисполненная силами и жаждущая возмездия.

И тут все встало на свои места.

Вот как должна была выглядеть история Клавдии! Она приходит в мир, артефакт связывает ее с визирем, девушка покоряет сердца злобного фомора. Тот не решается от нее избавиться (кому блин нужна невзаимная любовь?) и постепенно добивается взаимности. Проклятье снимается, богиня возрождается. Финальная схватка с ожесточенным божеством. Борьба сплачивает окончательно. Наложницы освобождаются из гаремов. Заключается мир с людской расой. Свадьба. И жили они долго и счастливо.

Но на горизонте появился Амати.

— То есть, ты услышал про это проклятье и решил, что вау, именно об этом я всю жизнь мечтал? — Здесь мне самой стало интересно, отправилась ли я в мир Клавдии потому что сама хотела, или же став Визирем, Тинхе не оставил мне другой возможности. Не то чтобы я считала себя худшим вариантом для Врага, но... — Впрочем, если лэйтарцы не способны испытывать чувство любви, то чего вам бояться, так?

Скрип гравия под подошвой показался дурным знаком.

— Почему ты так считаешь?

— М-м-м?

— С чего решила, что лэйтарцы не умеют любить?

— В Лэйтарии не существовало понятия любви, пока вы не столкнулись с другими цивилизациями. Вы не особо понимаете суть любви, но умеете грамотно использовать ее

против других. — Пожала плечами, присаживаясь на уступ. Резко захотелось скинуть ботинки и ощутить ступнями мягкость фальшивой зелени. Подумав секунду, поняла, что нет ни единой причины отказываться от возникшей идеи. — Ты сам так сказал.

— Нет, не говорил. Тебе не говорил.

А ведь действительно не говорил. Я подслушала из разговора Врага с Алисой.

— Значит, сама догадалась. — Я скинула ботинки. Подставила ноги небу и сразу стало как-то легче. — Ты злобный маньяк. И вся ваша империя из того же теста. А отчего так бывает? Правильно. Из-за недостатка любви. Вот!

Конечно, Враг не поверил. Загрузился немного, прикидывая, что еще я могу знать, но не поверил. К счастью, докапываться не стал. Разве что пожалел: теперь на мне не использовать те схемы, что он проворачивал с другими Избранными. Ведь теперь я знаю, что любовь ему недоступна, а значит, никогда не поверю в проявление этих чувств к кому-либо. На этой ноте ему больше не сыграть.

— А еще ты собирался от меня избавиться, — припомнилось вдруг. — Когда эл Кхрим сказал, что я пришла Незримым путем.

— Не хотел тешить иллюзиями обреченную незнакомку.

— Что, даже любопытно не стало, кого подобрал артефакт?

Почему солнце во сне не светит ему интересно, а посмотреть, кто мог бы расколоть сердце на куски, погрузить в пучину страданий от безответной любви, нет?

— Нет, — подтвердил Тинхе, обходя меня. — Но чувство юмора оценил, когда появилась ты.

— А вот Амати не тронул свою нареченную, хотя не знал ее раньше. Отселил подальше от остальных и даже навещал.

Я притворно надула губы, продолжая краем глаза следить за Врагом. Он заметил, что иллюзия развеялась не полностью и сосредоточил внимание на моей прическе, нетронутой заклинанием. Я почти чувствовала, как он борется с желанием коснуться одной из прядей, чтобы восстановить целостность картины.

— Видела, чем это для крысеньша закончилось?

— Нет.

— Но знаешь?

Трубки, провода, мужчина в коме. Розоватая жидкость освещает комнату.

Кончик волос мазнул по коже перчаток, когда я осторожно кивнула.

— Это можно будет исправить, — едва слышно пробормотал Тинхе себе под нос.

Я не стала заострять внимания, о чем он говорит. Реальность диктовала иные правила.

— Почему мы в опасности? Контракт не заключен. И не то чтобы я сомневаюсь в сказанном, но просто на всякий случай. Как снять проклятье? Спрашиваю на тот случай, если ты решишь, что я, падающая без парашюта с башни, более привлекательный вариант, чем я живая и желанная.

— Моя осторожная и подозрительная Дробь, — неожиданно промурлыкал Враг, склоняясь надо мной — Я, было, испугался, что ты не спросишь.

Дрожь пробежала по загривку.

— Так и знала, что пожалею.

— Это же история о любви, Дробь. Еще не догадалась? Решение вопроса из серии розовой сахарной ваты. — Он выдержал драматическую паузу, выдыхая ответ на обнаженную шею. — Проклятье снимается поцелуем любви Избранной.

Не то чтобы я потеряла дар речи, но я его потеряла.

Хотелось ответить, что скорее поцелую жабу, чем его, но это прозвучало бы откровенной ложью, которую бы он тут же распознал. Фиг с ним, поцеловала бы (и еще неясно, кому бы от этого стало хуже), чтобы разрушить долбанные чары. Это в общем-то ерунда, в сравнении со всем остальным. Но, во-первых, сколько там должно быть любви в этом поцелуе? Во-вторых, а не вешает ли мне лэйтарский жулик лапшу вот так в наглую? Как есть, врет! Скучно небось стало в своей Лэйтарии. Развлечения однообразные, в гости никто не зовет, Аматири сбежал, а меня же развести проще, чем краску.

Я расправила воротник формы, прикрываясь от навязчивого присутствия.

— Ничего личного, суженый мой, но спасти от безответной любви я тебя не собираюсь. В этом столько же смысла, как вылавливать рыбу из воды, чтобы она не задохнулась.

В глазах Врага вспыхнула искорка веселья

— Я думал, Избранные готовы на все ради спасения мира. — Голос окрасился в завораживающую мягкость шелка. Стало очень сильно не по себе. Раньше мне было плевать, но после всех намеков и проклятий, я начала беспокоиться за свои реакции. Шуточки шуточками, но черт его знает? — Как было бы просто: разрушить проклятье, вернуть богиню, восстановить защиту мира от Золотой оси.

— Угу, а для этого нужно просто завершить наш контракт и отдать магию?

— Если этого не произойдет, твои чувства сыграют против тебя, а мне будет очень сложно отказать себе в желании ими воспользоваться.

Я фыркнула.

— За себя переживай. Не знаю, зачем оно тебе, но я не поведусь.

«Пока не перепроверю информацию у Фло», — мысленно добавила я.

Знакомые ощущения поползли по спине.

Я просыпалась.

— В последний раз, Дробь. — Игривость в один миг спала с Врага. Ореол мрака и тьмы вернулся к черной фигуре мага. — Откажись от Предназначения сейчас. То, что произойдет дальше, тебе не понравится.

— Мы проходили это. Я не намерена становиться подданной Золотой оси. Ни в роли лэй, ни в роли леди.

Он кивнул, принимая мой выбор. Если судить по выражению его лица, я еще очень сильно пожалею, что отказалась.

— Не позволяй себя обижать, Дробь. Я серьезно. С контрактом или без, но на твоей дальнейшей судьбе печать моего права.

Это то что делал Тинхе. Внимательно относился к своим вещам. Даже к тем, которые только собирался приобрести.

Пространство поплыло. Фигура Врага покрылась рябью. Мир сновидения треснул, разлетаясь на осколки. Меня потянуло обратно в реальность.

Я застонала.

На легкое пробуждение было не похоже. Голова раскалывалась, а тело сплетала тянущая паутина саднящей боли. Горло пересохло как после трехчасового кросса по пустыне.

«Воды», — обреченно подумала я.

Я не ждала, что вселенная ответит на мольбы, но она ответила. Не успела я открыть глаза, как на лицо вылилась целая кружка жидкости.

— Какого дьявола? — подскочила на кровати и тут же со стоном упала вниз. Картинка комнаты восстанавливалась очень медленно. Протерев глаза, я кое-как сфокусировала взгляд на мужчине. — Никий? Это женский корпус. Свали.

Неловким движением я попыталась смахнуть впитавшуюся в постельное белье воду. Не вышло. Вместо этого на голову вылилась еще одна порция пробуждающего эликсира температурой не выше пяти градусов.

— За что?! — воскликнула я, прикрываясь одеялом.

Никий проигнорировал вопрос.

— Что ты вчера делала? — Сквозь зубы процедил он.

— Танцевала.

Промокшее одеяло не доставило того удовольствия, на которое я рассчитывала. Сдавшись обстоятельствам, я скинула его на пол. Мой грозный взгляд уперся напрямик в коренного жителя Деополиса, который не спешил каяться в грехах. Наоборот, нахмутив брови, сурово спросил:

— Все эти кровоподтеки от танцев?

Во сне синяки выглядели не так пугающе. Да и ссадины не пропитали кровью часть одежды.

— Я оказалась не так хороша в танцах, как мне помнилось. — Прошипела я. Голова трещала даже от звуков собственного голоса. — У вас странная музыка. В ритм сложно попасть. Случайно приложилась о парочку балок. Никий, какая разница? Я что на смену опоздала или где?

— Тебе предъявлены обвинения в порче ценного механизированного имущества и в нападении на сотрудников особого значения.

— 12 —

Мне дали пять минут, чтобы собраться. В понимании Никия этого времени было достаточно, чтобы ополоснуться, замочить одежду, промыть раны, продезинфицировать их, найти новые шмотки, высушить волосы и преобразиться в благопристойного работника окры. Что я успела? Почистить зубы (приложиться к крану и выхлебать воды столько, сколько влезет, и надеяться, что золотая магия упасет от дизентерии, кишечной палочки и прочих прелестей апокалиптической экологии).

Закрывайся общая душевая на замок, я бы и голову помыла, но под нудеж Никия под ухом особо не забалуешь. По истечении указанного времени, меня выволокли из корпуса.

Никакого следствия, допросов и адвокатов. Суд начинался сейчас. Коллегия собиралась в центре Деополиса, чтобы судить дикую иномирку. Именно к ним спешил доставить меня Никий. Почему-то не обычным путем, а через какие-то каналы на нижних уровнях.

— Багровое сияние на подходе, — пояснил он. Вспомнился коктейль со схожим названием в Луксе. Может перед доставкой на судебное заседание меня отведут на лечебный опохмел? — Только совсем плавленые мозгами рискнут шататься среди дня.

— Уже день? — ахнула я.

Голова раскалывалась как небо во время майских гроз. Тот же грохот, те же вспышки, и шаровая молния, что рандомно бьет по внутренним органам. Громоотвода никакого, лишь ощущение, что очередной удар разлетится вспышками и вырубит свет.

— Начало шестого. — Мужчина указал на подвальный проход. — Вот-вот начнет светать.

Здание Окры строили таким образом, что окна отсутствовали как понятие. Уже через пару дней биологические часы человека начинали давать сбой. Раньше я думала, что это сделано по принципу торговых центров, чтобы люди не замечали, что проводят там слишком много времени. Теперь же появлялся новый смысл.

— Ради меня вы подняли людей в жуткую рань? Зачем? Что изменило бы еще три часа? — простила я.

Меня укачивало от собственных шагов. Спуск по ступенькам и вовсе превратился в пытку. Ночью казалось, что из меня вышло все содержимое желудка, но после трех пролетов тошнота накатила с тройной силой. До усталого организма стало доходить, что его отравили.

— Серьезность преступления, — ответил немногословный сопровождающий. В общем-то, Никий выглядел ненамного лучше меня. Конечно, форма его не была пропитана кровью, и везде выглядела целехонькой, но лицо было столь же помятым, как и у меня.

— В чем оно состоит? И разве не надо это доказать?

Никий поправил удушающий узел красного платка и, немного подумав, принялся монотонно перечислять.

Первое. Я наглоталась наркоты. Подтверждать это особо не надо. Признаки на лицо: жажда, расширенные зрачки, покрасневшие глаза, замедленная речь, нарушенная координация движений. Все то, что я испытывала ранее, когда Никий пулялся в меня дротиками. Что это вообще за наркота, если от нее ни кайфа, ни расслабления, а головная боль и похмелье? Единственный интересный эффект — это Враг привиделся.

Утешающий Враг выходил за все грани разумного, как и мои собственные реакции на него. Обниматься полезла, в симпатиях призналась.

Никий все продолжал перечислять.

Второе. Приставала к бравым офицерам. К Синим костюмам, то бишь. Которые вовсе не brave офицеры, а некая элита Деополиса. Что же они забыли в клубе на окраине? Разве приличные люди там отдыхают? Ах, мимо проезжали во время дежурства. Увидели девушку в измененном состоянии сознания. Остановились проверить, все ли в порядке. Она шаталась как бомж и возможно нуждалась в медицинской помощи, а гуманизм в Деополисе не вымер вместе с мамонтами. Короче, решили ребята одинокой окровке помочь, а в итоге агрессивная девица кинулась с кулаками на порядочных сейвалов.

Сейвалы? Специалисты по высокотехногенной аналитике лазаретов. Лазареты? Ах, все виды странностей, что возникли после Тихого Дня. Всякие сияния, воюющие за куполом брулы, ягоды роа и сам гроф. Кстати, те самые технологии, основанные на Светочах и обладающих даром людям, их заслуга.

— Я что, похожа на ниндзя? Ты этих мужиков видел? Ладно не этих. Любых трех мужиков. А теперь посмотри на меня! Я на ваших пайках уже килограмма два скинула. Это были мои любимые килограммы, чтоб ты знал. Стала бы я нападать? Очевидно же, что оборонялась!

Никий в долгу не остался. Напомнил, что я не из робкого десятка. Заметил, что все перечисленное укладывается в мой психологический портрет. На фомора я с ножом кидалась, Никия по подворотням в Цезерине преследовала, солдату Сонара лоб разбила. А как сбежала из дворца Великого визиря, он вообще знать не хочет, так как кошмаров ему и местного пошиба хватает. Сейвалы — достойные сотрудники. Находятся на должностях с повышенной ответственностью. Трудятся на благо Деополиса не покладая ног и рук.

— Они создали машины, выкачивающие из людей жизнь!

— Именно. Они героини Деополиса. Зачем им портить свою репутацию? Любая была бы рада вниманию сейвала. Сейвалы идут вне очереди во все... кхм... социальные институты.

Симпатичная заминка.

— То есть то, что меня накачали наркотой, едва не изнасиловали, фиг знает, что еще не сотворили, это все особый вид удачи? — зря голос повысила, ой, зря. Но как сдержаться, когда такое слышишь. Ох, эта удача Избранной. Каким же боком ты повернулась.

«Малыш, если здесь, на всякий случай напомним, мне такого вида магическая помощь не нужна!»

— Голословные обвинения не придадут твоим словам веса. — Хмуро отозвался мужчина, чеканя шаг. — Ты слишком легко ими играешь.

Подобное слышать от Никия было настораживающе. Те же слова я предъявляла Врагу. Отсюда пришел еще один вывод.

— Никий, ты веришь им, а не мне?

Он промолчал. Я ухватилась за него, заставляя остановиться. Лестница кончилась, и мы оказались посреди пустого зала. Преградив мужчине путь, я заглянула в усталые глаза. Они отличались от тусклых цветов остальных окровцев. В них была жизнь. Подвижное море эмоций, скованных плотинами, дамбами, запрудами из грофа и постапокалиптической морали.

— Это не вопрос веры, Анна, — отвернулся он, — а фактов. Если бы не твой вид, я бы еще мог предположить, что сейвалы обознались. Спутали с кем-то. Я не хотел верить, пока Сонар не показал результаты первоначальной характеристики.

Отчет о моем состоянии. Личности.

Доминировала лживость. Перепады настроения от депрессии к агрессии. Также аналитики Сонар склонялись к тому, что я получила неплохое образование. Отметили длительное отсутствие физического контакта с мужчинами, и подвели к этому склонность к фантазиям, как к способу привлечения внимания. И еще много других нелицеприятных факторов, играющих против меня.

Вот оно как.

— Время поджигает, — дернул меня Никий. — Сейчас подъедет твой вагон.

— Какой вагон?

Приглядевшись, я поняла, что стоим мы вовсе не посреди зала, а на платформе. Где-то вдалеке грохочут колеса.

Вел меня дорогой сотрудник межмирных перевозок на базу, где собралась Коллегия. Три-прина. Три столпа Деополиса, на которых держалась жизнь под куполом. Вопросы, поданные «синими», разбирались сразу и безотлагательно. Градация преступлений очень сильно отличалась от тех, к которым я привыкла. В Деополисе ценилась не жизнь, а полезность. Убили одного рабочего — ну и фиг с ним. Погиб механик или лаборант — дело серьезней. Обслуживающий персонал всей автоматике стоял на высоком уровне, как и те, кто занимаются защитой города от грофа.

Низкая рождаемость очень сильно ударила по законам о половой неприкосновенности. Почти все опустились до уровня, где вопрос решался в лучшем случае административной ответственностью. Типа нельзя, но если получится ребенок, то очень даже здорово, и зря женщина не ценит такого счастья. Там и талонов больше выдают и в общежитие с горячей водой перевести могут.

— Надо же, так я счастье свое ушами прохлопала. — Не удержалась я от сарказма.

Из темноты туннеля показался вагончик. Старенький, насквозь проржавевший и скрипящий от любого сквозняка.

— В вашем мире было не так? — спокойно ответил Никий, хотя в голосе чувствовалось, что мои слова задела его. — В спальне визиря к женщинам другое отношение? Оттого ты променяла сытую жизнь любовницы на джунгли?

Правда о моем побеге прозвучала бы более фантастичной, чем самая нагла ложь. Как и истина о Центре и настоящем родном мире.

— А ты прям в восторге от Деополиса, раз постоянно по другим мирам мечешься, — пошла я в наступление. — Сам же понимаешь, что правила вашего купола не выдерживают никакой критики. Почему вообще до сих пор живешь здесь?

— Где же еще? Под другими куполами не лучше.

— А в другом мире? — почти с надеждой спросила я.

— Уйти в самоволку и оставить людей на медленную смерть?

— Забрать с собой.

— Канал не пропустит. Чтобы выгнать всех людей, потребовалось бы слишком большое количество энергии. Нам не собрать столько Светочей и за сто лет.

Никий стащил платок с шеи и повязал на голову. Подождал пока рухлядь на колесах притормозит.

— Эх, вам бы сюда бога толкового, — вздохнула я, но Никий услышал.

— Нет здесь богов, и никогда не было.

— А откуда у людей дар? Магия же не просто так зовется даром. Она «дар», потому что ее подарили людям боги.

— Тебе же объясняли много раз. Дар — это мутация. Не вздумай заявлять о богах Три-прину. Сонар в отчете указал, что ты не религиозна. Если выяснится, что это не так, тебя даже слушать не станут. С блаженными расправляются в два счета. Вот подтвердят, что стерильна и тут же выкинут в Порционку.

— Магия — это не религия и не вера. Это что-то другое. А боги просто есть. Отдельно от нас, но есть.

— Залезай уже.

Я зашла в вагон и опустилась на скамью. Внутри кроме нас никого не было. Я принялась изучать надписи на спинках. Незнакомые буквы, оставленные синим маркером, испещряли пожелтевшую пластмассу. Вот так, цивилизация погибла, а то, что какой-нибудь Егор любит Катерину, навсегда запечаталось в веках.

Вагончик двинулся. Колеса заскрипели, а потом застучали по рельсам. В открытое окно влетел важный подземный воздух. Ностальгия подкинула воспоминания о метро и долгих почти умиротворяющих поездках от дома к работе.

— Если «костюмы» такие добропорядочные граждане, зачем меня слушать? Вынесли бы заочное, раз всем плевать на права человека.

— Дредноут. Коллегию не устраивают объяснения о поломке машины. — Развел он руками. — Дикарка управляет сложным механизмом! Угнала — не коляску какую-нибудь — Дредноут! Сейвалы тут явно недоговаривают. Твои показания помогут понять, зачем им потребовалось выдумывать подобную чушь.

— Эта часть истории как раз правда. Только я не угоняла, а одолжила, — буркнула, обращаясь к той части своей сути, что досталась от лэйтарцев вместе с магией. — Когда я

покинула машину, она была в целости и сохранности. В ней оставался еще один «костюм». Значит, это его вина, если с машиной что-то случилось. И забора. Мне предъявляют что-нибудь о порче забора? Если нет, то забудь о том, что я сказала.

— И как же ты смогла справиться с Дредноут? — Ни на секунду не поверил Красный платочек.

— Внезапное ничем не обоснованное озарение в сфере высоких технологий.

— Значит, наркотики ты не принимала. Хотя половина окровцев сидит на той или иной дряни, как и все иномирцы, когда перестают справляться с опустошенностью. На сейвалов не нападала. Хотя не раз демонстрировала агрессию. Но дредноут, технологию, превышающую достижения всей вашей цивилизации, механизм, с которым не могут справиться лучшие механики, и обучение, что проводится годами и обходится городу в приличные потоки Светоча, ты освоила за пятнадцать секунд. В это я должен поверить?

— Во что-то же должен. — Нахохлилась я.

Впрочем, порция недоверия появилась и с моей стороны. Какие годы? Какие механики? При чем тут Светоч? Три педали, ключ зажигания и коробка передач. Как заводить машину учат в первые две минуты. Остальное уходит на изучение правил дорожного движения, да на обкатку. Мудрят что-то синие. Или чего-то не догоняю я?

— Анна, ситуация не улучшится, если решат, что твои мозги изжарились. Дорога будет одна — в Порционку. Если признаешь вину и расскажешь всю правду, есть шанс отделаться визитами в инкубатор.

Что такое инкубатор, переспрашивать не стала. Название суть отражало. Н-да, офигенный нынче выбор: леди, лэй или инкубатор. Всегда подозревала, что жизнь после тридцати именно так и будет выглядеть.

— Сдаюсь, — сказала я, привалившись головой к стеклу.

Добивать Никий не стал.

— Поспи, — предложил он. — Разбужу, когда доберемся.

Я прикрыла глаза. Стоило поразмыслить над словами Красного платочка. Выстроить линию защиты, подобрать аргументы, придумать...

...Очнулась я резко. Вагон дернулся и замер. Заскрежетали колесики, раздвигающие двери. Никий уже стоял на ногах. За окнами вагона виднелась абсолютно иная платформа. На ней стояли люди в форме. Они ждали нас.

— Удачи, — одними губами прошептал Никий, передавая меня в руки конвою. Я хотела ответить что-то легкомысленное, но вместо этого широко зевнула.

— 13 —

Никогда раньше не была на суде. И побывать желанием не горела. Всегда представлялся мрачный тихий зал с гнетущей атмосферой. Нагнетающие статуи-судьи. Громкие удары молотка.

Место, куда меня привели, сильно напоминало аудиторию в университете (может ей когда-то и была). Два десятка столов на возвышении полукругом, за которыми восседали Три-прина. Лица скрыты в тени. В центре трибуна. Желтоватый свет тусклой лампы перед глазами. Чуть в отдалении Сонар.

В разбитом стекле двери мелькнуло измученное отражение. Я с трудом узнала в нем себя. Опустошенное посеревшее лицо, ссадина на скуле, покрывшаяся коростой, глубокие мешки, будто я всю ночь грузила уголь, рябь морщинок в уголках глаз. Последнее, впрочем,

могло быть возрастным.

Я чувствовала сгустившееся напряжение, и легкие заинтересованные взгляды со стороны зала. Судьи рассматривали меня внимательно, сразу делая пометки в бумагах.

— Все в сборе, — огласил Сонар. Он ютился с краю, среди стопок папок-планшетов с бумагами. Так же, как и Никий до этого, он повязал красный платок на голову. — Начинаем. Меня подвели к трибуне (стул никто не предложил).

Я судорожно сглотнула, и показалось, будто этот звук разнесся громогласным эхом.

Сонар принялся зачитывать протокол.

Сначала представил Три-прину. Коротко, емко и без лишних подробностей. С судебной системой в Деополисе было еще веселее, чем в Лэйтарии. Никаких тебе королей, лордов или советов. Никаких адвокатов, защитников и прокуроров. Три главные корпорации (они же судьи), которые заведуют всем городом. Именно их представители восседали в суде. У каждого из глав по четыре советника из разных областей, к которым они обращаются для дополнительной информации. Сонар же представлял вспомогательную отрасль. Ту, что занимается разработкой и доставкой альтернативного топлива. Он же был и за свидетеля, и за эксперта, и за секретаря, и за того, кто ответственен за мое существование в Деополисе.

— Нам не нужен переводчик? — подал голос Первый из Три-прина. Он говорил от лица той части Деополиса, в которую входили Синие костюмы. То, что он отстаивал их интересы, а также был тем, кто вынесет вердикт на мой счет, уже подрывало все принципы справедливого и честного суда.

— Подсудимая обладает Даром понимать и говорить на неизвестных ей языках.

Советник Первого что-то черкнул на планшете.

— Любопытно, — хмыкнул сам Первый. — Впрочем, бесполезно для всех, кроме нее самой.

— Она помогает адаптировать других иномирян, кому не известен наш язык.

— Бесполезно для всех, кроме нее и еще семи дикарей, — с циничным безразличием поправил себя Первый. — Продолжайте.

Сонар не высказал недовольства, что его слова так нагло проигнорировали. Со спокойной миной он зачитал обвинения. Все это я уже слышала от Никия. Ничего нового. Но легче от этого не стало.

— Незаконное употребление ягод роа? — заинтересовался Третий. Кажется, он занимался обеспечением довольства Деополиса. — Сколько и каких конкретно? Известна дозировка и соотношение?

— Эти уроды что-то подсыпали мне в коктейль. — Возмутилась я, вклиниваясь в разговор. — Может их спросите, сколько и что? Ой! — вскрикнула от того, что в правый бок ощутимо ткнули палкой. — Что за дела?

— Подсудимая молчит, пока ей не зададут прямого вопроса, — отчеканил конвоир-пристав.

«Отлично. Стой и молчи. Офигенная судебная система.»

— Стандартная доза: половина унции «рыжих», — ответил Сонар.

— Хотите сказать, так выглядит человек через пять часов после употребления роа?

Сонар промолчал. Третий обернулся к одному из советников Первого. Тот пояснил:

— Имеются данные свидетелей, указывающих, что подсудимая исторгла содержимое желудка, а после приняла неизвестное вещество. Документально подтверждено, что среди вещей подсудимой присутствовал абсорбент.

Третий поправил очки с толстыми линзами, вновь сверяясь с документами.

— Подсудимая употребила запрещенное вещество, чтобы после его тут же дезактивировать? Разве это дело об сжарившихся мозгах? — Он завертелся, глядя на своих коллег. — Мне выдали не те отчеты?

Я почти с благодарностью посмотрела на преклонного старичка. Хоть кто-то действительно пытался разобраться в деле.

— Кому какое дело, чем она себя травила? — сварливо перебил Первый момент моего духовного единения с Третьим. — Это приведено для пояснения обстоятельств. Переходим дальше. Какие вопросы по второму пункту?

«Обвинение номер один приведено для понимания обстоятельств преступления номер три?» — с трудом переварила я. Голова отказывалась работать, а ноги едва держали. Чтобы сохранить равновесие, пришлось ухватиться за трибуну.

Второй из Три-прина громогласно прокашлялся, прежде чем заговорить тонким выворачивающим на изнанку голоском.

— Сколько объекту лет? Указано тридцать, но очевидно же, что нет. Какова степень отклонения стандартного цикла ее мира от нашего?

«Если в перерасчет мне окажется сорок лет, я все. Не знаю, что «все», но определенно все», — бескомпромиссно решила я.

— Отклонений нет.

Среди Три-прина возник небольшой спор. Второй наклонился к Первому и принялся оживленно жестикулировать. Третий кивал. Первый же категорически возражал. О чем шла речь, я не улавливала. Слова вроде знакомые, но смысла в них было ноль. Лишь выражение лица Сонара подсказывало, что обсуждают ребята что-то очень интересное.

— Тишина! — наконец не выдержал Первый, отстраняя от себя коллег. — В любом случае, после двадцати пяти женщины теряют возможность породить здоровое потомство!

Тут я вскинулась. Выдать злобную речь мне не позволил пристав с палкой. Его замах синхронизировался с открытием моего рта. Я сжала губы, подальше от греха, и палка вернулась обратно к мужчине за пояс.

— Она из другого мира, — вмешался Второй, но уже с меньшей уверенностью. — Биологические часы их женщин могут отличаться. Когда-то и у нас рожали, говорят даже после сорока.

— Бредни и домыслы, — отозвался Первый. Под пристальным взглядом Второго, он несколько раз постучал ручкой по столу. Вздохнул и открыл папку. — Где данные о фертильности?

Я конечно еще не отошла от ягод, но что, великие единорожки мне в помощь, они тут обсуждают?

— Подсудимая ведьма из варварского мира, — напомнил Сонар. Я же попробовала привалиться к тумбе. Ноги совсем перестали держать. — Комиссия рождаемости постановила ограничить использование иномирного генетического материала, дабы избежать появления непоправимых генетических изменений. Исследований на тему скрещиваний неполные. Недостаточно данных.

— Дикарка. — Обратился ко мне Первый, вперив взгляд маленьких неприятных глазенок. — Подсудимая Анна, вы способны производить потомство?

Первому пришлось повторить вопрос.

Разомкнув стиснутые зубы, я сначала проследила краем глаза за палкой пристава и, не

заметив движения, ответила:

— Да.

— Указано, что у вас нет детей, — внезапно вмешался Второй. — Если вы способны к деторождению, то почему бездетны? По-моему, это абсурд. Ее нужно исследовать.

С моей точки зрения, абсурдом было объяснять пятнадцати недалеким мужикам тонкости женского организма и особенности культуры других миров. В общем-то это я и сказала, чем вызвала возмущенные перешептывания в зале, окрик Сонара и вынесение предупреждения.

— Вы хотите выслушать мои показания или нет? — не выдержала я. — Ай! Чувак, ну полегче! Живых мест на мне нет. Да плевать, что это твоя работа! Учись отлынивать. Перегоревшие сотрудники никому не нужны. Сонар, что за балаган, а?

Дреды поднял руку, останавливая пристава.

— Подсудимая, что именно тебе не понятно?

— Как вы решите, виновна я или нет, если совсем не задаете вопросов, что случилось? При чем тут возраст и биологические часы?

Мне почти показалось, что уставший командир взглянул на меня с сожалением.

— Три-прина не решает, виновна ты или нет. Ты виновна. Три-прина решает, в какой из блоков ты отправишься нести наказание.

Тут я и правда растеряла все слова. Монолог, который я судорожно продумывала все выступление, потерял смысл. Никто не будет меня слушать. Им плевать. Они решают, где больше всего от меня будет пользы. Убивать, сажать в тюрьму или отправлять на опасные работы полноценного здорового человека слишком большое расточительство для умирающего города.

Черт, оказывается, работа, которую мне дал Сонар была очень хорошим местечком, которое я не ценила. Практически мечта. На кусочки не режут, ни с кем не размножают, дар не опустошают. Протрирай тихонечко приборчики, да выметай мусор. Рай!

— Оставим ее женский долг, — возобновил слушанье Первый. — Давайте обсудим, то, что действительно важно. Подсудимая Анна, как вам удалось активировать дредноут, не имея должной квалификации?

— Повезло? — предположила я.

Без поддержки Малыша не обошлось. Пусть он перестал отвечать на мольбы, но его присутствие ощущалось. Он был здесь, со мной. Только потому я еще стояла на ногах и находила силы сопротивляться.

— Как вы смогли справиться с подачей энергии?

— Не поняла вопроса, — честно призналась я.

— Советник, поясните, — обратился Первый к сотруднику.

Тот кивнул. Зазвучала монотонная речь с техническими подробностями и сложно выговариваемыми терминами. Лишь в конце, когда он подвел пятиминутный итог всему вышесказанному, я поняла, что же не так.

Могла сама догадаться. Нет в Деополисе ни бензина, ни газа, ничего. То есть, есть конечно, но далеко и добывается тяжело. В качестве альтернативного топлива служат Светочи — божественные артефакты или специальные приспособления, в которых собрана сила людей из Порционки. Ее используют не только для поддержания купола, но и для работы разных сложных технических приспособлений. Вот именно с этой силой сейвалы учатся годами справляться. А мне хватило пяти секунд и хорошей дозы паники.

«Я получила бонусы Избранной! — целое мгновение радовалась я. — Жаль, что мне это нафиг не сдалось.»

Попади в Деополис сразу, без памяти о Центре, Лэйтирии и дворца, я бы обалдела от собственной важности. Женщина, что покорила дредноут! Другие учатся годами, а я мгновенно. Они — высший класс Деополиса, а я — слабый пол без опыта работы в мастерской. Запускаю любой механизм. Без Светочей и бензина. Без паролей и регистрации. Одним словом — Избранная!

— На операционный стол, а потом в инкубатор, — вывел меня из фантазий Второй. — Нет, сначала в инкубатор, а потом на стол. Если этот ген передается. Только представьте, каким выйдет новое поколение.

— Злобным, — предположил Сонар тихо. Три-прина его не слышали, в отличие от меня. Заметив это, временный секретарь поправился. — Но очаровательным.

Единственная лампочка в комнате мигнула.

— Что ж, — Первый покосился на потолок, — выслушаем последнего претендента.

«Неужели, — обрадовалась я мысленно. Палка возымела воспитательный эффект».

Впрочем, радовалась я рано. Первый не имел в виду меня. Распахнулись двери, и в зал вошел Синий костюм. Тот самый, который остался со мной в машине. Перебинтованная голова и синяк под глазом — единственное, что свидетельствовало о ночном происшествии. Ах, еще легкое прихрамывание. Но, несмотря на все повреждения, выглядел он свежим и отдохнувшим. У него точно есть доступ к контрабандному кофе! Вот подкатил бы ко мне с крепким и горячим эспрессо, диалог бы мог сложиться иначе.

Мужчина улыбнулся наглой самодовольной улыбкой акулы. Если бы не свидание во сне с Врагом, я бы сжалась от чувства грядущей угрозы. Ночной нападающий, не то что не волновался, он предвкушал.

— Уважаемые Три-прина, — начал он. — Мы подаем прошение о компенсации. Подсудимая должна перейти к нам для возмещения причиненного ущерба.

— 14 —

Слышала я расплывчатые речи (и не только от тех, кто обещал жениться). Слышала витиеватую терминологию (не только в договоре о рассрочке на бесполезный в иных мирах телефон). Слышала уклончивые обещания (про прибавку к зарплате). Слышала неоднозначные. Но впервые обычным повседневными словами кто-то объяснял, почему я должна страдать определенно-установленным образом, а именно, быть переданной в услужение в счет нанесенного вреда и во благо жизни Деополиса.

К слову, не я одна восхитилась наглой речью.

Среди Три-прина завязался жаркий спор. Не осталась в стороне и я.

— Вы не можете сдать меня в сексуальное рабство, — праведно возмутилась. Мало меня тыкали палкой. Очевидно так, иначе с чего потянуло высказаться? — Я из сценария про истинную пару, а не вот это все.

— Плавленные мозги, — тут же востепенулся советник Второго, а за ним и сам Три-прина.

— Она еще под ягодами.

— Абсурдный спор! Бессмысленная трата времени. Если мозги изжарены, пользы от человека нет. Или вилкой кому глаз выбьет, или в пучине страсти отгрызет ухо сейвалу. Непозволительная роскошь лишаться работоспособного члена группы жизнеобеспечения.

Я заинтересовалась только фрагментом про «пучину страсти». Если бы кто-то действительно мог пробудить во мне эту «пучину», я бы сильно не сопротивлялась. Или сопротивлялась не особо активно. Или активно, но без вдохновения. Или... ай, ну смысл ясен.

— Если сейвал считает, что подсудимая может возместить ущерб тем или иным образом... — вновь затянул Первый.

— Нет, не могу! Вот, — показала я ладонь. В сумрачном свете тоскливых ламп печать должницы по контракту будто бы немного светилась. По залу пронесся легкий шепот недовольства. — Прошлый долг еще не отдала. Вставайте в очередь!

— Еще и блаженная, — печально протянул кто-то. — Как жаль.

Начинающий разрастаться балаган прервал Сонар.

— Хватит, — стукнул он папками по столу. — Выведите ее. Она сказала все, что от нее хотели. Для принятия решения она не нужна. С Никием переговорю отдельно.

Конвой материализовался в одно мгновение. Вякнуть не успела. Подхватили под белые ручки, вытаскивая за двери.

— Чем изуродовала? — поинтересовался конвоир, когда двери захлопнулись. Это был все тот же коридор, по которому меня привели. В эту же дверь вышел сейвал после наглого заявления. — Еще и светится. А нет, перестало. Флуоресцентная краска?

— Светоч пометку оставил, — буркнула, недовольная выдворением. Нарешают там без меня.

Попыталась припомнить, а светилась ли эта штука раньше? И значит ли это что-то? Она самоуничтожится через пять секунд? Входящий звонок? Печеньки готовы?

Черт, когда там меня отпустит-то?

— Ага, как в легендах, — хохотнул охранник, и почти сочувственно добавил: — Изжарилась, да?

Я не поняла, о чем он, но уточнять не стала. Внимание отвлеклось на другое. В глубоком коридоре показались два Синих костюма и виновница моей головной боли.

— Погодите секундочку. — Попросила я. — Всего секунду. Я на два слова. Никуда не убегу. Куда бежать-то?

Конвоир поднял лапищу, преграждая путь.

— Нырнешь рыбкой под поезд, например.

— Как же, сгинешь под этой грудой ржавчины.

Конвоир помялся, но кивнул. И правда, что может случиться? Ну, например, я.

Куми я врезала с размаху. Без жалости и сочувствия. Голова девушки мотнулась будто тряпичная, и окровка полетела в стену. До «синих» я не добралась. Успела только замахнуться. Конвоир оттолкнул меня в сторону. Я пошатнулась и позволила себе повиснуть на чужих руках, продолжая злобно сверлить троицу заговорщиков.

Доказательств, что ягоды подложила Куми, не требовались. Было два стакана. Один со льдом, принесенный Клавдией. Другой дала Куми. Косточки я обнаружила именно в нем. Мотив проглядывался как сквозь стекло. Внезапно приглашение. Бесплатный вход и коктейль. И троица поджидающих мужиков. Неясно, заказали именно меня или задача Куми затащить всех иномирян, обладательниц дара или девиц, попадающих под нужное описание. Да и неважно.

— Ублюдки, — очень не в духе Избранных, добавила я.

Смерила уничижающим взглядом сейвала, за что в ответ получила воздушный поцелуй.

Мерзавец с перевязанной головой попросту насмеялся надо мной. Я скрипнула зубами от злости.

Конвоир вновь хохотнул, на этот раз, отпустив пошлую шуточку. Другой рыкнул что-то о повторном заседании, и что-теперь-то бешеную бабу закинут в Порционку.

— Так давайте вернемся, пока все не разошлись, — ткнула я пальцем назад. — Мне есть что дополнить.

Конвоиры переглянулись. А потом мне связали руки. Видимо, чтоб не тыкала пальцами куда не надо. Усадили на лавку и пригрозили помалкивать.

— Так вердикта подождешь, не растаешь. — Дополнил конвоир номер два.

Потянулось время.

Я успела немного подремать, пожаловаться, что голодная, посчитать выщербины на стене (сбилась три раза на четвертой сотне), поскалилась на «синего», когда он подошел ближе, заводя разговор со вторым конвоиром. Вскоре начала думать, что про меня забыли. Порешали свои вопросы и давно разошлись по домам. А огласить подсудимой приговор? Да фиг с ней.

По моему сугубо личному, но крайне объективному мнению, прошло больше трех с половиной вечностей. По мнению подвластного системе и деспотичному режиму конвоира, что с промытыми мозгами и зомбированным сознанием служил силам Зла, прошло тридцать пять минут. Сами решайте, кому верить.

Наконец ручка на двери дернулась. Показался Сонар.

Я сосредоточила все свои сверхъестественные способности, чтобы определить на скупом лице решение суда. Но, либо я не имела подобных способностей, либо мужчина обладал силой противоаналитических чар.

Дреды стянул платок с головы и засунул в карман. Пальцем подозвал конвоиров.

— Что? — не выдержала я, когда вместо того чтобы громогласно огласить о моей невинности, Сонар что-то зашептал охранникам. — Я и наказание должна угадать? Ну? — неторопливо притопнула ногой.

Дреды развернулся на сто восемьдесят градусов и зашагал обратно в зал.

— Что он сказал? — обратилась уже к конвоиру-юмористу.

— Им требуется больше времени.

Я выдохнула, не понимая, что чувствую. Ожидание лучше, чем немедленный приговор Порционкой или «синими», но... ожидание.

Подошел второй конвоир. Не успела я задать тысячу и один вопрос о дальнейшей судьбе, как на глаза надели повязку. Усталому организму в темноте стало легче. Перестал резать свет. Глаза получили должный отдых.

Меня подняли и подтолкнули в спину. Снова приказали помалкивать. Так мы и зашагали в сторону подземной станции. Заключение под стражу становилось все страньше и страньше (спасибо тебе Льюис за верные слова!). Смысл связывать руки и закрывать глаза? Ветка метро же одна!

Где-то по дороге сменился конвой. Юморист с товарищем исчезли. Позже к новому сопровождению подключились еще двое. При этом в диалог никто вступать не желал. Кое-как я сориентировалась, что меня усадили в тот же вагончик. А вот заскрежетал он колесами в сторону отличную от Окры.

Из-за напряжения с повязкой, в этот раз я дремать не стала. В обществе незнакомых мужчин, даже находящихся в звании, слишком непозволительная роскошь оставаться в

беспамятстве. Усвоила на собственной шкуре. Правда, что можно сделать со связанными руками в замкнутом пространстве, тот еще вопрос.

Конвой не переговаривался.

Ощущение, что что-то неладно, обострялись с каждой секундой.

Вагон остановился, я поспешила подняться, но на плечо легла тяжелая рука, опрокинув обратно на скамью.

— Сидеть.

Я ойкнула, но послушалась.

Двое вышли, двое остались. Еще одна смена караула? Вторая за полчаса. Какой удобный график.

— Ребят, может водички найдется? — попросила я, когда вагончик тронулся снова.

По коже пробежало колкое напряжение. Я почти почувствовала, как среди оставшихся конвоиров произошла заминка. Как сопровождающие переглянулись.

Зашуршала ткань. Грубая рука ухватила меня за подбородок, задирая вверх. На губы упали капли воды, и я открыла рот. Несколько раз поперхнулась. Захотела отвернуться, вытереть часть влаги о плечо. Мне не позволили.

— Прошу прощения? — неловко заворочала языком. Когда ваш подбородок удерживают, слова легко не даются.

— Поздно, малышка.

Будто электричество пустили по спинному мозгу. Озноб сменился холодным потом. Вряд ли бы я узнала этот голос когда-то позже, если бы только что не слышала его в зале суда.

— Не дергайся.

Лишь когда сейвал повторил фразу, для надежности сжимая мою челюсть до боли, я поняла, что пытаюсь отползти по скамье. Фактически вжимаюсь в стенку, проверяя ее на прочность.

Я одна в замкнутом пространстве с двумя людьми, которые накануне пытались меня похитить. Которые оставили на мне следы насилия.

— Вас тут быть не может... — начала я заикаясь.

— Но мы здесь. Тебе следовало сразу подчиниться, дикарка.

Я не могла его видеть. Не могла развязать узлы. Высвободить руки. Не могла даже успокоить собственное дыхание. Все, чему учил Клод, тараном вышибло из головы.

Мой голос пропал, будто его и не было. Как в кошмарах, когда хочешь закричать, но голосовые связки одеревенели и не поддаются.

— Теперь ей страшно, — злорадно прогнусавил второй «конвоир». Его голос я не узнала, но что-то подсказывало, что картавил он из-за сломанного носа.

— А могло все закончиться иначе. — Пальцы на челюсти разжались. Через пару часов на том месте, где они были, появятся синяки. — Смотри, какая сразу послушная, — мужчина легонько хлопнул меня по щеке. — Сразу бы так.

— Меня будут искать. — Сипло выдохнула я.

— Что? Что ты там лепечешь? Совсем не слышно.

Я повторила. Вышел сдавленный хрип.

— Осужденные постоянно теряются, — снисходительно пояснил сейвал. — Документы путаются. Люди ошибаются. Кто-то из временного заключения сразу попадает на стол или за пределы Деополиса. Разное бывает. Особенно в разгар Сияния.

— Звучит хлопотно.

— Была бы сразу поговорчивее, — мужчина дотянулся до моих волос. — Или помалкивала, где следует. Не закончила бы так.

— Как?

Вагончик затормозил.

— Пошли.

О том, чтобы бежать не было и речи. Я вновь подчинилась, вслепую шагая за «честью и достоинством» Деополиса.

— Лестница, — почти дружелюбно предупредил мужчина. — Скоро ты уснешь сладким сном, малышка. И не будет от тебя проблем. А если вдруг кому-то в голову придет тебя искать... после такой дозы не возвращаются.

Мне не потребовалось огромных умственных усилий, чтобы понять, как сильно плохи мои дела.

Спотыкаясь на каждом шагу, я поднималась по ступеням. Сил сопротивляться не осталось. Окончательный вердикт принес запах сладости и формалина. Когда меня кинули на пол, а с глаз сдернули повязку, я знала, что увижу.

Думала, что знаю.

— 15 —

Порционка.

Не та, в которую водил Никий. Эта клетка удерживала иного пленника.

Комнату, переполненную тяжелыми механизмами и насосами, заполнял свет: неоправданное расточительство для местного города. Окна отсутствовали (кому в них здесь смотреть?). Дверь напротив была плотно заперта на тяжелый засов.

Почти сразу мое внимание приковал постамент. На небольшом возвышении, будто корона или алмаз, разве что не на бархатной подушечке, лежал мой знакомый бульжник. Артефакт из Цезерины. Его накрывала колба с прицепленными проводами, источающими сияние. Будто змеи, они спадали на пол и убегали вдаль к металлическому столу все с тем же стеклянным покрытием.

Пришлось посмотреть дважды, прежде чем поверить глазам. В огромной колбе, опутанной шлангами с концентрацией из жидких ягод, лежал вовсе не незнакомец. Белокурого лэйтарца, когда-то похитившего меня из дома Тинхе и собирающегося сдать совету на уничтожение, я бы признала и на смертном одре.

— Боже, — выдохнула я.

Бледное лицо Аматри больше не озаряла насмешливая улыбка. Глаза были закрыты, но он вовсе не напоминал спящего человека. Так, мраморный оттиск на собственную могилку. Если бы я не видела медленно вздымающуюся грудь, могла бы смела заявить, что парня заспиртовали, как лягушку.

— Знала его? — спросил сейвал с таким отвращением, будто редькой подавился. — Вы с ним из одной дыры. Сразу ясно чего от нормальных мужиков шархаешься. Не видела их никогда. Это разве самец? Хрустальная кукла.

Да как же они смогли поймать лэйтарца? Неужели свалили теми самыми дротиками с ядом из роа?

— Зачем я здесь? — выдавила с трудом.

Одно дело догадываться, что стало с Аматри. Другое — видеть в подобном плачевном

состоянии. Белокурый лэйтарец мне порядком кровь попортил, но все же подобного я ему не желала.

Перебинтованный дернул головой, указывая вглубь комнаты. Рядом стоял еще один стол с подготовленной аппаратурой.

— Не стоило тебе лезть к дредноуту. Совсем не стоило.

— Дело в машине? — не поверила я. — Осталась царапина или что? Без страховки гоняли?

В хорошо освещенной комнате слишком отчетливые тени легли на суровое лицо.

— Дело в изъянах, которые помогают латать дыры. Я о твоём Даре. И обо всем вашем ненормальном мирке. Приволокли же поисковики кучку странностей. Светоч продолжает генерировать энергию с той же интенсивностью, что и в первый день. Мальчик-куколка до сих пор не выдохся, и периодически как будто пытается проснуться. Твоя подружка за несколько дней получила столько влияния, сколько деополивцу за всю жизнь не заработать. Смазливая певичка, — сплюнул он. — А теперь еще ты.

Мужчина вздернул меня на ноги, подтаскивая к столу. Наверное, кидание на пол и повязка были в качестве эффекта запугивания.

— И водить она умеет, и потоками орудует, и клеймо вот у нее. Не нужны нам такие сюрпризы.

Он пихнул меня еще раз. Потеряв равновесие, я рухнула перед стеклянной клеткой Аматри. Реальность подскочила до невообразимых высот. Вот он, могущественный лэйтарец, чей род превышает богов, в оковах людей, что в этих самых богов даже не верят. Его сила истощается с каждой минутой.

И ровно все то же сейчас произойдет со мной.

Сейвалы уничтожат Дар. Что-то живое, с сознанием, еще толком неокрепшее и несформировавшееся. Уничтожат просто так. Иссушат, оставив вместо спасительного водоема погибающий оазис.

Комок подступил к горлу. Грудь сжало, перехватив дыхание.

Что же я за эгоистка? Так цеплялась за Малыша! Собака на сене, что б меня. Ни себе — ни другим. Пользоваться даром не умею, но вцепилась клещом. И зачем? Золотая магия. Она делает меня особенной. Тьфу! Ведь знаю про все эти «особенная», «избранная», «не такая как все». На этом Враг всех и ловит. На глупом желании. И что теперь? Два мерзавца засунут меня в адскую машину и силой заберут что хотят. Без всяких договоров, соглашений и ритуалов. А ведь могла отдать Дар. Ну достался бы он черноволосой курве или еще кому. Так с ним бы и обращались лучше меня; развили, как следует, может чему полезному научили. Но нет. Теперь мы сгинем оба.

Или нет?

«Бей или беги», — говорят нам основные инстинкты при встрече с опасностью. Обычно у меня срабатывал второй. Вид поверженного лэйтарца активировал оба.

Прямо за столом-убийцей была дверь с засовом. Не с замком. С засовом. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но как только мой взгляд на ней остановился, думать о чем-то другом я не могла.

Я могла поклясться, что она ведет на улицу.

Мысли закрутились в тяжелых жерновах механизма.

Последний рывок. Просто сделай его! Сейчас сейвал развяжет руки, чтобы затянуть ремнями. Именно в этот момент. Пусть устала, пусть больно, пусть от сухости режет горло,

коленка ноет, тело в агонии. Но давай. Один рывок, и ты свободна.

Вот он наклоняется...

Удар затылком в нос никогда меня не подводил.

— С-сука.

Ну вот, теперь двое будут со сломанными носами. Как их теперь различать? И кстати, удар и в моей голове отразился жестокой болью.

— А ну стой!

Спасибо, настоялась. Насиделась. Набегалась.

Я проскользнула под столом Амагри. Мужчина рванул за мной. Но если моя комплекция легко просачивалась сквозь путы проводов, то огромная туша сейвала вязла в ней как в рыболовной сети. Я успешно вынырнула с другой стороны. Мужчина поймал воздух.

Моргнул свет. Повязкоголовый чертыхнулся, поправляя кабель.

— Вход держи!

Это он второму — Сломанному Носу, который бросился помогать.

К двери я метнулась наполовину ползком. Там спасение — я чувствовала! Из-за щелей лился мягкий солнечный свет манящей свободы. Выход на балкон? Пожарную лестницу? Просто к другим людям?

Я даже успела отворить засов. Рванула вперед.

И тут же врезалась в перегородку.

Сверху, будто водопад, хлынул свет: яркий, насыщенный, с радужными переливами. Он ослеплял. Потребовалось несколько секунд, прежде чем я сообразила, что стою столбом и тупо пялюсь на город внизу. Да, я действительно выбежала на балкон. Французского типа. Шаг, и кованая решетка.

— Помогите! — закричала я. — Меня удерживают силой!

Меня услышат. Кто-нибудь точно услышит. Придут разбираться.

Я продолжала кричать. Звала Клавдию. Звала Флорин. Звала Никия. Мозг тем временем отмечал абсолютную пустоту улиц и абсолютное бездействие сейвалов, которые, вместо того чтобы затащить меня обратно вглубь комнаты, отшатнулись назад к темноте.

Воздух дышал сухостью. Над головой трещал купол — и это был единственный звук в могильной тишине застывшего Деополиса.

— Во время Сияния все передвигаются по подземным ходам. — Хрипло рассмеялся синий костюм за моей спиной. — Кричи сколько угодно, на улице носа никто не покажет.

Сейвалы стояли за моей спиной по разные стороны от прохода. Дорожка солнечного света ложилась на пол прямой линией. Сломанный Нос и Повязкоголовый держались в пределах ее досягаемости.

Чувствуя, как солнце обволакивает кожу, настойчиво проникая внутрь, я хрипло спросила:

— Что еще за Сияние?

А ведь столько раз слышала, как его упоминают, но так и не догадалась спросить.

— Последствие Тихого дня. Вспышки на солнце, измененные грофом. Плавят мозги слабым психикой. Да и сильным достается. Иди сюда, — поманил перебинтованный. — Возвращайся, пока соображаешь. Оттуда дороги нет. Мы высоко. Спрыгнешь — переломаешься вся. А бежать некуда. Все здания запечатаны. Дверей не откроют. Не услышат. А кто услышит — не поможет. Не глупи.

Может быть я вправду попыталась бы. Не спрыгнуть, а слезть по карнизу. Может быть ядовитый свет не заставил бы разжать пальцы в последний момент, а манящая сладость сияния не взбила бы блендером мозги. Я же Избранная, да? Я чудом выживу. Там же не так высоко? Три-четыре этажа? Десять? Может быть. Может, нет. Если не рискну...

Удар сбил меня с ног.

Пока я слушала Повязкоголового, Сломанный Нос подобрался с краю и повалил меня, вдавливая в пол.

Опухшей щекой я ощутила холодные плиты. Взбрыкнулась, но все что удалось сделать — повернуть голову. Как раз чтобы увидеть, как схлопывается дверь спасения, забирая свечение.

Со мной больше не церемонились. Врезали как следует, чтобы воздух вышибло. Кинули на стол. Ремни, веревки, трубки. Игла в вену вошла мгновенной болью. Ублюдок не потрудился протереть место укола спиртом (варвар!). Жидкость хлынула по трубкам.

Ноги онемели почти мгновенно: кончики пальцев, лодыжки, голени. Когда я пошевелила рукой, она не отозвалась. Лишь странная иллюзия мерцания отразила красную нить света, обхватившую мизинец в кольцо.

Розовая отравка хлынула по сосудам с новой силой. В последний момент, цепляясь за обманчивую надежду, я сдалась. Закрыла глаза, проваливаясь в разрушительную негу. И позвала Тинхе.

— Я согласна, но у меня есть условия, — первое, что сказала я, когда пелена дурмана выбросила меня в сон.

Никаких предисловий. Никаких лирических отступлений и рефлексии.

— Как забавно, — ответил незнакомый голос. — Тинхе уверял что с тобой невозможно договориться.

Вокруг не мерцали привычные очертания Центра. Да и любые другие, что были мне известны. Веранду из белого дерева я видела разве что по телеку, как и огромные витражи окон.

— Тинхе? — жалобно позвала я, оглядывая непривычную обстановку.

— Разве похож?

Пижон в бежевом костюме и с тросточкой меньше всего напоминал Врага. Ни единого черного пятнышка. Никаких атласных штанов-шароваров и кожаных сапог в обтяжку. Передо мной стоял классический денди в льняном костюме, что вышел на променад. Луноликий собственной персоной.

— Что за шутки? — уставилась на собственный наряд.

Легкое платье в тон костюма собеседника. Кружева и струящаяся ткань, будто сотканная из паутины и ветра. И в довершение — зонт. Изящный аксессуар для защиты от солнца. Ажурная бесполезность на белых спицах.

— Какие шутки? Это основы этикета.

— Ха! — фыркнула, отбрасывая зонт. Аматри неодобрительно проследил, как тот ударяется о половицы и отскакивает в проем между перилами.

— Ох, Не-лэй. Я серьезно. Никому не хочется иметь дело с комитетом нравственности, и уж тем более с комитетом неписаных правил.

— А? — Встреча с Аматри очень сильно не вписывалась в положение моих дел. Я бы сказала, даже мешала. Не до белобрысого сейчас с его играми. Я там медленно умираю. И не

только я. — Разве твои силы не сдерживают наркоманские ягоды?

Аматри крутанул тростью, недовольно постучав по перилам.

— Занудная Не-лэй, кто же так ведет разговор? Ты у меня в гостях, а не в своем изоляторе. Присаживайся. Нам есть что обсудить.

Тут же материализовался трехногий круглый столик с цветами и два стула. Сверху распахнулся тент.

— Не помню, чтобы собиралась в гости, — глянула с сомнением на предложение. — Нам нечего обсуждать. Я звала другого.

Аматри отодвинул стул, но садиться не спешил.

— Как раз об этом и пойдет речь. Ты ни в коем случае не должна этого делать.

— Чего ради мне тебя слушать?

— Ради сохранения своей свободы и личности? Ты ведь ими дорожишь, так?

Я ни на секунду не поверила голубым глазам и смешливой улыбке.

— Ага. И это никак не связано с тем, что ты, например, не хочешь, чтобы Тинхе тебя нашел.

Да, я начала догадываться, что не столько Незыблемый трон отправил Странника на поиски Аматри, сколько сам Тинхе решил его отыскать.

— Нелепо. — Отмахнулся молодой лэйтарец. — С какой стати мне не желать спасения? Я попал в довольно затруднительное положение. Его помощь мне пригодилась бы. Я, конечно, сам мог выбраться, — чуть скривился он, — но это займет время и доставит некоторые неприятные ощущения. К тому же, я не самый большой любитель убийства людей. Так зачем мне не желать встречи? — Изогнул он пшеничного цвета бровь. — Ой, да садись ты уже. У нас же беседа.

Стоять и в самом деле было глупо. Помявшись для приличия, я присела. Парень повторил мое движение.

— Ты что-то украл у Тинхе.

— Ах, это... Не украл, а одолжил.

— Что у вас за привычка цепляться к словам?

— К терминам. Украл — это столкновение Домов, а одолжил, это межличностное. Первое вызывает слишком много бюрократии и задетых интересов.

— Тинхе, похоже, считает иначе.

Светлые глаза блеснули огоньком.

— Пусть сначала докажет.

— Ай, да неважно. Он тебя ищет. Вряд ли для того, чтобы разобраться в терминах. Ты забрал у него что-то важное. Он зол и добром это для тебя не кончится.

— Почему ты говоришь «что-то»? Ты же знаешь, что. Я видел Избранную Клавдию. Она не могла не рассказать, о чем я ее просил.

Дважды объяснять не пришлось, я поняла, о чем речь.

— Шпилька! — вспомнила я. — Ты всерьез втираешь мне, что дело в шпильке? Она даже не золотая. Не нефритовая. Не с бриллиантами. На кой черт Тинхе женская невидимка? Не стал бы он половину миров перелопачивать ради трех граммов металла. Он, конечно, выходит за грани адекватата, но не настолько же.

Недоверие проскользнуло на лице, сменяясь искренним изумлением.

— О, ты не знаешь? Ты не поняла? Великая Избранная, ускользнувшая из лап Золотой оси, обхитрившая Незыблемый трон и разграбившая совет, ничего не поняла?

Я мотнула головой. Амати улыбнулся, сверкая идеальными зубами:

— Все ради тебя, Не-лэй. Все это Тинхе устроил ради тебя.

— 16 —

Ликование на лице Амати было сложно описать словами. Если бы во сне существовали естественные физические реакции, я бы покрылась холодным потом.

— О чем ты говоришь?

Светловолосый лэйтарец приподнял край шляпы рукоятью трости, позволяя увидеть блеск азарта светло-голубых глаз.

— Мелкий божок оставил на Тинхе один крохотный порез, и тот в ответ обрушил гнев на его любимое творение. А ты сорвала финальную часть мести, прошлась ураганом по его гордости, и думаешь, что он спустит все с рук?

— Он хочет забрать мою магию. — Я стиснула зубы, следя за реакцией Амати. Лэйтарец не выглядел заинтересованным. — Разве это недостаточная месть?

— Слишком мелко, Не-лэй. Чем твой Дар может быть цене? Рынок магии обширен в Лэйтарии. — Амати крутанул тросточкой, играясь с ней будто с игрушкой. — Чем таким ты владеешь, что смогло бы потушить гнев Странника, сброшенного с пьедестала Избранной?

Он не знал. Тинхе не рассказал, что во мне течет их магия. Учитывая, что все упоминания об уничтоженных богах Лэйтарии держаться под запретом, а лики и имена забыты, неудивительно, что Враг решил помалкивать. Наверное, и о том, кто такой Атрос рассказывать не стал. Вот и меня держит в секрете. Что ж, раскрывать эту тайну и я не намерена.

— Эта магия мне очень дорога.

— Даже если это правда, что крайне сомнительно, столько усилий...

— Каких усилий? Проникать в чужие сны так сложно?

Амати склонил голову, прикрывая глаза ладонью. Плечи задрожали. Светловолосый эстет беззвучно смеялся.

— Ты не можешь говорить это всерьез, — наконец произнес он, утирая невидимые слезы. — Да причем тут сны. Оглянись! Ты же не думала, что по своей воле оказалась в таком необычном мире?

— Подумаешь, необычный, — пожала плечами, чувствуя холодок внутри. Мир, сотканный из антимагии и замкнутый сам на себя. Слишком хрупкий для моих рук. Избранные любят разрушать все на своем пути, но тут тронь любой камень, и вся система полетит к чертям вместе с тысячами жизней. И все же, я попала в него сама. — Наркота, грязный воздух и хамы. Обычный день в родном мире.

Амати поморщившись махнул рукой.

— Да я не об этом выкидыше. Я о мире Избранной Клавдии. Ты попала туда по желанию Тинхе.

Ножки стула скрипнули. Это поднялась я.

— Хватит водить меня за нос и нести чепуху! Не знаю, что там у тебя за дела с Тинхе. Не знаю, что надо от меня. Мне все равно. Выставлять себя душой не позволю. Я была все время в Центре. Не мог он повлиять на мой выбор в стерильном мире. Я сама приняла твое решение. А теперь, верни меня обратно. — Я крутанулась, выискивая спуск с площадки. — Где тут выход?

Аматри ни на секунду не позволил улыбке себя покинуть. Он лишь откинулся на стул, блаженно прикрывая глаза.

— Конечно-конечно, Не-лэй. Как пожелаешь. Но прежде задай себе вопрос. Неужели Тинхе не знал, что Избранная, так долго мечтающая о любви станет искать способ получить ее? Что ты пойдешь в миры своего потока Избранных. Как думаешь, во многих были волшебные артефакты, которые могли исполнить твоё желание? В скольких из них ты была? В скольких не подошел артефакт? И в каком мире все пошло наперекосяк, связав тебя с единственным существом, от которого ты хотела держаться подальше?

Из мира Блонди пропал схожий артефакт. Возможно его похитили люди Сонара. И там был Аматри.

Я мотнула головой.

— Нет. Зачем ему это? Откуда Тинхе знать, чего я хочу?

— Потому что он — Враг. Так вы его называете? Специалист по Избранным, который знает о вас больше, чем вы сами. Или ты считаешь себя особенной, чьих желаний никому не разгадать?

Оболочка сна дрогнула. Горизонт покрылся мелкими трещинами. Аматри чуть заметно поморщился.

— Глупости! — Я обнаружила себя крепко сжимающей спинку стула. Меня так трясло от переполняющих эмоций, что я не могла себя заставить ни сесть, ни уйти. — Голову морочишь. Тинхе двинутый, но, если бы хотел что-то мне сделать, уже бы сделал. Свернул голову еще во дворце. Запер в темнице. Отдал на растерзание фоморам. К чему столько сложностей?

— Тут ты права. Поэтому я и задаюсь вопросом, какую же месть он для тебя подготовил? Он потратил много ресурсов, чтобы пробиться в тот мир. И если не осуществил месть сразу, а рассчитал ее многоходовкой, значит подготовил что-то особенное.

Я скрестила руки, отгораживаясь от тонкого голоса, что все это время нашептывал все те же слова, что говорил Аматри. С Врагом не могло быть все просто.

— В любом случае, я разрушила его коварный план, отправившись в Деополис. Мир, где в воздухе гроф, и где таким как ты, сложно меня связать всякими договорами.

— Ой, ли? — склонил голову похищенный Визирь.

Тинхе знал, что я сбегу. Сам признался, что знал. Господи, он же прямым текстом все сказал!

Мои губы задрожали.

— Его целью было затащить меня в Деополис? Зачем?

Чтобы я страдала, размышляя, как спасти мир и не предать себя? Довести до отчаянья? Дать пройти все круги ада? Оставить на медленное затухание? Посадить в пробирку и пустить ягоды роа по венам, заперев в вечном сне? Он же знал про гроф. Знал, что не стану разбивать артефакт. Заранее знал! И хотел, чтобы я обратилась к нему за помощью.

— Это не имеет смысла, — продолжала я размышления вслух. — Он хотел сделать из меня лэй, забрать магию и заставить отречься от богов. Неужели для этого потребовалось вот это все? Утащил бы за шкиряк, что сложного? Пытал бы в своих катакомбах.

Или все же проблемы есть?

Я боялась стать лэй. Не так сильно, как долгой мучительной смерти или постоянной боли. Но став лэй, я бы точно до конца жизни не нашла бы себе спокойствия. А как Тинхе мог меня сделать лэй? Для того чтобы выйти из-под воли богов, Избранная проходит особый

ритуал. Добровольно. Желая свободы всем сердцем. Только так ее могут принять в ряды Золотой империи. Именно это Враг проделывал с Избранными до меня. Превращал их жизни в крошечный ад, пока они не сдавались на милость псевдоспасителя. Именно на этот крючок Тинхе ловил меня сейчас.

Все это время меня вели по пути отречения от Предназначения.

А я даже не понимала этого!

— Я попала на шаблон «Избранная — Враг»?

Слишком быстро моя жизнь покатила под откос. Клуб, наркота, нападение, суд, лабораторный стол. Я раздавлена, как таракан под словарем Даля. И готова молить о помощи. Я ведь делаю именно то, что хочет Враг! Действую как все те бедняжки до меня. Он очаровывал их, заставлял себе поверить, а потом сбивал с верного пути и полностью уничтожал их, раскалывая цельные личности на приемлемые кусочки.

То же самое Тинхе проворачивал со мной, но немного под другим уклоном. Он понял, что не поверю в его мнимую влюбленность, а Дар защитит от флера, но, если вмешать в схему артефакт... Да тут любой поведется.

Что-то эта схема с артефактом мне сильно напоминает, да только сообразить не могу. Совсем рядом вертится!

— Допустим, — куда спокойней, чем позволяла ситуация, сказала я. — Тинхе злодей и безжалостный манипулятор. А что же ты? Добрый самаритянин?

— Не моя роль. Все эти игры с Избранными не доставляют мне особого удовольствия. Хотя примерить партию змея-искусителя было увлекательно.

— Тогда в чем тебе выгода раскрывать планы Врага Центра?

— Я пока ничего тебе не раскрыл. Мы говорим о Тинхе! Ты никогда не узнаешь его истинных мотивов, пока месть не будет свершена, и он сам не поделится с тобой тем, как ловко тебя обошел. И то, даже тогда я не стал бы верить. — Амастри помолчал, позволяя мне прочувствовать серьезность ситуации. Вспомнить про то, как Враг водил меня за нос. Обман с Алисой. Центр в одном шаге от полного краха. — Он выставил меня идиотом перед советом. Вы оба, если опуститься до мелочей. Но кто станет винить оружие, а не того, кто спустившего курок? Поэтому я здесь. Я хочу знать, что ты сделала?

— Ты сам все перечислил. Прошла по его гордости.

— Этого недостаточно, чтобы воспринимать тебя как равного. Должно быть что-то еще. Он сместил внимание с уничтожения Центра на тебя. Ты обошла его фанатичную ненависть к забытым богам! Отныне твой абсолютный крах важнее того, чем Тинхе занимался все прошлые годы. Что ты сделала еще такого, что заставило его отреагировать так безжалостно. Какую нашла брешь?

Тут уж я не удержалась от смешка.

Брешь у Тинхе? Да кто бы мне о ней рассказал. Мужчина в черном — непробиваемая стена. Он как рак четвертой стадии с метастазами, а я капустный лист, что к нему прикладывают. Вот каковы у меня шансы его одолеть?

— О чем ты? Я для него никто. Не представляю ценности. Он понимает, что моя победа — сумасшедшее стечение обстоятельств. Тинхе для меня шрифт Брайля на китайском языке зашифрованный бинарным кодом. Сталкер он, вот кто. Но вряд ли это тайна.

— У него были сотни способов причинить тебе боль. Тысячи, чтобы превратить в лэй или забрать магию. Но он пошел именно этим путем. Он мог взять то что хочет силой, но пошел обманом. Эмоциональную пытку не устраивают пустому месту. Он перевел гнев с

богов на тебя. Хотя, лично я считаю (да и все остальные), что сводить счеты с пешкой занятие удручающее и лишенное изящества. И Тинхе бы так считал, если бы ты не сделала что-то такое, что задело его. Задело сильно.

Тинхе не тронул Клавдию, хотя она была у него как на блюдечке. Он пытался досадить лично мне.

— Я не знаю.

— Ну же, не разочаровывай меня. Подумай, как следует! Ведь не чудом же ты обвела вокруг круг пальца и Тинхе, Солярис и меня! Не скидывай все на случайности. Право слово поверить в везение я не могу. Оно было не на твоей стороне! Забытые боги не просто так прислали тебя! Каков был твой личный вклад?

— Повторяю, я не понимаю, о чем ты. Я ничего не делала специально. Разве что...

Черт.

Вот она ускользающая мысль.

Если Аматри не врет, если все подстроено Тинхе, то что мы имеем? Враг знает, что я ищу истинную любовь и сторожит меня в мире, где есть артефакт, способный исполнить мою мечту. Из-за проклятья богини в суженые я получаю своего мрачного Странника, а не настоящего возлюбленного (о чем, конечно, знают все, кроме меня). Тем временем Тинхе намекает, что моя настоящая пара — Никий (закидывает удочку, чтобы в случае чего я бросилась за ним в мир Деополиса). Но быть с ним или с кем-то другим мне не судьба. Ибо договор, и отдай самое дорогое, что имеешь. Чтобы в итоге получить всю ту же связь с Тинхе. А к ней эмоциональные «американские горки» с утра до ночи. И чтобы не расслаблялась — вот тебе Клавдия и еще один мир для спасения, который будет давить на психику и рвать нервы.

И что мне это все напоминает? А то, что кто-то взял одну ситуацию, вывернул ее наизнанку и вернул отправителю. Ведь что я сделала? О чем талдычил Аматри?

Когда я оказалась в Лэйтирии, моей стратегией выживания стало убеждение Врага в нашей с ним божественной совместимости, что как оказалось в принципе невозможно. Лэйтирцы не умеют испытывать чувство, названное любовью. Фиг его знает, почему. Может богиня ответственная за любовь не просыхала все время существования Лэйтирии. Или боги забыли, что в пантеоне обязательно нужно иметь ответственного за любовь. А может она (он?) и вовсе первой покинула Лэйтирию, оттого и забылась любовь как страшный сон.

Тинхе поверил, что я могу быть его возлюбленной. И черт (вернее Атрос) его знает, что это может значить для лэйтирца. Он поверил, а потом понял, что его обманули. Пусть ради сохранения собственной жизни и существования стерильного мира. Но он поверил. И теперь я в глубокой-глубокой... яме.

— Твою мать, а! — уже вслух, громко и с дополнительными непечатными словами.

Аматри встрепенулся.

— Что ты вспомнила? Чем его взяла?

«Убедила его в том, что могу дать недоступное, — тихо упало мое сердце, — такое никому не прощают».

Пусть не стопроцентно, но тогда, во сне, Враг признался, что в какое-то мгновение, на секунду, он засомневался и поверил.

— Что? — искреннее недоумение пополам с болезненной жадью. Аматри аж приподнялся. — В чем его слабость?

Осознав, что я не просто на краю пропасти, а лечу в нее с ускорением, пришло

спокойствие. Надежда исчезла. И без нее сразу стало легче.

Я пододвинула стул и села обратно за стол переговоров.

— Думаешь, я отдам тебе такой козырь за просто так?

— Я же раскрыл тебе все карты! — воскликнул юный лэйтарец. Шляпа сдвинулась.

Показались тонкие пряди волос в серебряном мерцании. Я искренне порадовалась, что флер влюбленности, окутавший меня рядом с Тинхе, не повторил своего эффекта. Было бы очень неловко. Парень-то без тормозов.

— И что мне с них? Узнала, что прочно сижу в ловушке? Я и так была в курсе, ты только очертил границы и выставил масштаб. Не стоит это того, чтобы сдавать бреши в броне сильного противника.

«К тому же, Тинхе в порошок меня сотрет, если я это сделаю, — добавила мысленно. — Тут за любовь не знаешь, как отмыться.»

— Вот если бы ты снял с меня узы артефакта и взял ответственность за этот мир...

Аматри развел руками, признавая очевидное.

— Если ты попала в механизм плана Тинхе, помочь тебе уже нечем.

— Совсем-совсем?

— В прямую конфронтацию я вступать не стану. Без подготовки, без одобрения Дома, без поддержки прочих обыграть его я не в силах. И даже если бы решился на откровенное самоубийство, — белокурый красавец развел руками, — я связан до конца его интриги. Пока мир не падет, мне не освободиться. И потом меня ждет муторная волокита с взвешиванием долгов и обязательств перед Тинхе. За помощь или за вмешательство, зависит от того, что он решит мне приписать, — скрипнул зубами прозорливый поганец. — До тебя-то добрался из-за сбоев электричества.

— И ты решил уравновесить весы долгов со Странником маленькой тайной, что планировал вытащить из меня, — заключила я.

Воцарилась тишина.

Юбки моего наряда мягко перебирал игривый ветерок. На солнечной веранде кружились лепестки опавших цветов. Мой спутник молчал. По нежному оттенку его костюма скатывался свет летнего солнца и темные трещины мира, разверзшиеся небеса. Наша встреча близилась к завершению. Моя судьба застыла у развилки.

Тинхе хочет сделать со мной то, что и со всеми остальными. Приравнять к прочим Избранным, расправившись со мной, так же как и с ними. А перед этим протащить через все пласты страданий. Это позволит ему перестать считать меня кем-то особенным. Я стану очередной цифрой в его статистике. Все что я пережила — только начало его игры. Цветочки той эмоциональной мясорубки, в которую он меня кинет. И ведь ухитрился не просто устроить любовную путаницу, а соткал искривленное отражение той раны, что я ему нанесла. Я заставила поверить его в возможность любви, а после в ее недоступность, он ответил тем же. Вот — уровень Врага. И что же делать неуклюжей Избранной?

Я прикрыла ладонью глаза, пряча от мигнувшего солнца. Вспомнился Центр. Клод с его уроками. Правила Избранных. Ничего из этого не могло помочь. Враг сделал то, что полагалось делать мне. Воспользовался чужим оружием и нанес ответный удар.

Солнце снова мигнуло, будто сломанная лампа.

Не полагается ли мне в таком случае воспользоваться оружием Врага?

Я подняла глаза на притихшего Аматри.

— Что если я освобожу тебя из плена ягод роа? Ты уйдешь ничего не должный Тинхе, а

я вновь сломаю его планы. Такой вариант бы тебя устроил?

— Это невозможно, Не-лэй.

— Я уже путала его планы.

Парень нахмурился. Тени неба исказились в замысловатой решетке. Вместо учтвого джентльмена показался заключенный за две минуты до казни.

— Допустим. Что хочешь взамен? Сделать многого мне не по силам. Даже если вытащишь, сражаться с Тинхе я не стану.

Я скрестила руки, шурясь на расплывающееся солнце.

— От тебя требуется пара незначительных действий, никак не затрагивающих напрямую Тинхе. И... Немного информации про этапы отречения от Избранности.

Парень заинтересованно встрепенулся.

— Что ты задумала?

Я улыбнулась, чувствуя прилив сил.

— Всего лишь капнуть немного безумия в красивый и идеальный план Врага.

— 17 —

«Стиральная машинка.»

Первая возникшая мысль не имела никакого смысла. Что за стиральная машинка? Какая марка? В каком режиме работает? Почему так трясет?

— Клавдия... — Пробормотала я, и сама же удивилась сказанному.

В присутствии Избранной было еще меньше смысла, чем в мыслях о стиральной машинке, но смотрела я именно на нее. Рыжеватые кудри лезли в мое лицо, а испуганные глаза взирали с такой надеждой, что становилось не по себе.

— Нет-нет, я еще не призвала Врага. — Задергалась я в чужих руках. — Ой.

Девушка схватилась за лицо. Кажется, я случайно отвесила ей пощечину. Пробуждение оказалось столь резким, что мозг не успел до конца подключиться.

— Что? — завертелась я. — Где?

— Когда, — закончила Диа, освобождая от ремней мои ноги. — Ответ: сейчас. Надо торопиться. Обопрись на меня.

— Что происходит?

«Где» — я определилась. Все еще в Порционке. Среди скребущих механизмов и неестественного свечения.

— Когда ты не пришла на встречу, мы забеспокоились. Начали спрашивать о тебе. Но никто не говорил. — Девушка подхватила меня за подмышки, помогая подняться. Кое-как я приняла сидячее положение, свесив ноги на пол. Зал Порционки пустовал. Жужжали насосы. На соседнем столе-колбе все также лежал Аматри. Безмолвный. — И тогда я воспользовалась магией.

— Поиск подобия? — Кое-как сообразила я.

В голове творился полный сумбур.

— Кто-то из посетителей обмолвился о ночном происшествии. Мы всю подворотню облазили в поисках капли крови или волос, — нервно хихикнула осенняя фурия. — Ты представляешь Флорин, рыскающую по помойкам?

Прямо сейчас я не могла осознать реальность, не то что кого-то представлять.

— И сразу вышли на меня? — Я продолжала озираться. Сгиб локтя, куда мне вели иглу жутко болел.

— Не с первого раза. — Девушка зарделась. — Сначала поучаствовали в нескольких недоразумениях. Оказывается, в таких местах достаточно много людей теряют свои жидкости.

Значит, красная нить, привидевшаяся перед отключкой, не была глюком. И на том спасибо.

— Тут где-то люди. — Я пыталась сосредоточиться, но шум в голове не пропадал. — Плохие люди. Двое мужчин в синих костюмах.

— Их отвлекает Фло. — Диа завертелась, осматривая западню. Закрытая на засов балконная дверь так и сияла спасительным светом. — Тут есть запасной выход?

— Туда нельзя, — запротестовала я. — Плохой свет. Сияние...

Клавдия заколебалась. Несколько прядей выбились из тугого пучка волос, прилипая к взмокшему лицу. Не только у меня одной выдалась паршивая ночка.

— Она их долго не задержит. Несильно-то на них действуют ее природные чары. Как же нам... Ой, это что, наш артефакт? Луноликий?

Интерес к моему состоянию был мгновенно утерян. На лице Клавдии застыла блаженная улыбка.

Артефакт. Луноликий. Амагри. Все разом встало на свои места. Не только мои мозги, но вообще все. Резко, как удар молнии, пришло понимание. Я поняла, как выиграть. Не просто пожертвовать собой ради спасения мира, довольствуясь моральной победой. Не выйти в ничью, опять же оставшись в звании павшего, но не сдавшегося героя. А победить. По-настоящему.

— Клавдия, ты ж мой гений! — воскликнула я, прыгивая со стола.

Тут я пошатнулась, схватилась за Клавдию, оставила еще пару синяков на ее руке, сделала вдох. Уже более спокойно поковыляла к артефакту. Отпихнула мешавший медицинский столик на колесиках. Тот с характерным звоном врезался в стенку. Поборов дрожь, я принялась отрывать питающие кабели от каменного спасения.

— Помоги же!

Одному человеку не спасти целый мир. Два мира, если помнить про фоморов. Ладно, может кто-то и смог бы, но здесь были только я и Клавдия. А нужен был бог. И существовал только один способ его достать. К сожалению, этот же способ был первой ступенью к отречению от избранности.

— Может сначала поможем Луноликому? — неуверенно предложила девушка, то и дело оглядываясь на запечатанную колбу.

Механизм поддавался тяжело. Клапаны заедали, рычажки выскальзывали из рук. Последняя трубка отошла с мерзким шипением. Густой дым вырвался наружу, тут же опадая на пол и расплываясь в стороны.

— Поможем, — согласилась я, кладя руки на камень. Взгляд же устремился на Избранную. — Но сначала ты кое-что сделаешь. Возможно самую важную вещь в своей жизни.

— А?

— У нас есть лишь один шанс. Все зависит от тебя.

— Совсем никакого давления, — фыркнула Избранная. — Но у меня не осталось сил колдовать. Я всю ночь не спала. На ногах едва держусь. Не до подвигов. У нас минута...

Со стороны выхода донеслись сдавленные крики и мужская ругань.

— ...или меньше, — поджала губу девушка. — Не успели. Вооружайся!

Я перехватила Клавдию на полпути к привинченной трубе. Я тоже поглядывала на нее как на потенциальный арматура-меч, но остановила ее не ради того, чтобы предъявить права.

— Слушай план, — зашептала я.

Как и предсказывала Избранная, наша идиллия не продлилась дольше минуты. Но и мой план не имел столько сюжетных поворотов, чтобы рассказывать его дольше. По крайней мере, та часть, которую следовало знать Клавдии.

— Хватит вырываться! — донеслось секундой прежде, чем открылись двери. Сломанный Нос удерживал Фло живым щитом. — Она еще и кусается.

— Ты пожалеешь! — злобно шипела яркая шатенка. Она извивалась в руках захватчика, будто змея. Нижняя часть ее простого платья порвалась, обнажая колени. Отсутствие двух пуговиц, отпоротый до середины воротничок сейвала и наливающиеся краснотой царапины, говорили о том, что без боя красotka не сдалась. — Я тебе не деревенская девка, которую можно безнаказанно таскать.

Сломанный нос надавил сильнее, затрудняя девушке дыхание. Фло тут же вцепилась в руку, пытаясь ослабить давление. Через несколько секунд мужчина подал знак приятелю.

— Сучка не солгала. Здесь только ее вездесущая товарка. Они не догадались позвать кого-то из охраны.

Из-за угла показался Повязкоголовый с пистолетом наголо.

— Можно подумать кто-то бы пошел.

Оглядев помещение, Повязкоголовый расслабился, опуская оружие. Убирать его в кобуру сейвал не спешил. Отметив Клавдию, безуспешно пытавшуюся спрятаться за колбой с Аматри, он остановился на мне. Собственно, застал он меня в тот момент, когда я только-только наладила связь с артефактом.

«Тинхе!» — мысленно позвала я, посылая магию в артефакт.

Впрочем, звать было нечего. Жижя, которую пустили мне по венам, отчасти блокировала способности Золотой магии. Звала я с позиции участницы недозаключенного контракта. И камень откликнулся. Сила вредной богини клубилась под рукой. Я чувствовала: призыв доходит до абонента.

«Великий Визирь?»

Но абонент вредничает и не желает отвечать. Что за подлые выходки, Тинхе?

«Темный повелитель!»

Совсем чуть-чуть я занервничала.

— Что это ты делаешь? — Повязкоголовый сузил глаза. Дуло пистолета уставилось на меня. — Хочешь нарушить целостность системы?

«Враг!» — продолжала взывать я, намного более истеричней, чем планировала.

Щелкнул предохранитель.

— Убери руки от Светоча.

«Любовь всей моей жизни, во имя всех единорожек, спасай меня уже, иначе тебе будет некому портить жизнь до конца дней!»

Пуля вжикнула по металлу стола, уходя в стену. Я взвизгнула, падая на пол. Артефакт остался на постаменте. Контакт разорвался. Если Тинхе не отреагирует на последний зов, то меня убьют. Весьма ироничное событие, учитывая все наши хитроумные планы в отношении друг друга.

— Зачем промахнулся? — искренне удивился второй сейвал, пока Фло изо всех сил

пыталась дотянуться зубами до его плоти. — Их трое. Свободное место одно. Тащи кудрявую к аппарату. Этих пристрелим и скинем в подворотне. Мало ли что случается во время Сияния? — мужчина оттолкнул от себя извивающуюся заложницу, и потянулся к оружию. Девушка полетела, со всей силы ударяясь коленками о пол. Не дожидаясь пока прицел сфокусируется на ней, Фло поползла к столу.

Я застыла как призрак на фотопленке. Невысокий постамент почти не скрывал меня. И уж точно тонкие металлические пластины не защитили бы от пуль.

«Ни на кого нельзя, положиться, — успела подумать я, когда внимание сейвалов полностью сосредоточилось на моей персоне, — даже когда просишь испортить себе жизнь».

— И то верно. — Согласился Повязкоголовый. — Слишком легко она отошла от наркоза. Есть в ней что-то от мутанта.

Сломанный Нос оскалился. Когда он выстрелил, я не поняла.

Раздался хлопок.

Я увидела дымящийся ствол, наведенный на меня. Возгласы девчонок. И все. Никакой боли. В повисшей тишине я скосила глаза, чтобы разглядеть на себе непредусмотренную божественным замыслом дырку. Ничего. Я посмотрела на стрелявшего. Шок, застывший на его лице, заставил продолжить поиск. Я нашла, что искала.

Пуля висела в паре метров от меня. Завязла в воздухе, будто муха в хитросплетениях моей жизни. Провернувшись вокруг себя несколько раз, она рухнула вниз под ноги. На том месте, где она вращалась, воздух покрылся голубовато-золотистым светом. Знакомое чувство растеклось по телу.

Открывающийся портал.

— Тинхе!

Темный спаситель невозмутимо вышел из портала. Лэйтарец полностью соответствовал навешанному ярлыку истинной пары. Безупречный до зубного скрежета. Где-то в голове я злорадно ухмыльнулась тому, что досталась ему в пару. В оборванном костюме, перепачканная какой-то слизью, с взлохмаченными волосами и с корочкой засохшей крови на скуле. И близко не идеал гордого Странника.

— Свободного дня, Дробь.

Возникший из ниоткуда портал, несильно впечатлил второго сейвала. А вот человек в форме с незнакомыми опознавательными знаками его напряг.

— Ты еще кто? — первым пришел в себя Повязкоголовый. Прежде чем задать вопрос, он взял Врага на прицел. Лэйтарца же вообще ничего не смущало в происходящем. Будто вышел на вечерний променад, честное слово!

— Тинхе, это опасное оружие. Оно...

Мой голос потонул в звуке выстрела. Сломанный Нос открыл огонь. Ахнув, я зажала рот, боясь посмотреть на Тинхе.

— ...стреляет.

— Я знаю, что такое револьвер, беспокойная Дробь. — Голос Странника звенел натянутой тетивой. — Наша цивилизация прошла все витки развития. Огнестрельное оружие было среди них. Как и заклинания, уберегающие от него.

Тинхе встряхнул пальто. Тут же прозвучала еще одна очередь хлопков. Целились уже не в грудь, а в голову. Теория, что одежда — это броня, а открытая кожа — беззащитна, не нашла подтверждения. Выстрелы не достигли цели. Враг остался непоколебим.

— Да что ты за брул такой? — взвизгнул Сломанный Нос.

Стрелявший же предпочел перезарядить магазин. Еще одна очередь прошла звонкой волной. Тинхе сдвинулся, закрывая линию обстрела, на которой я оказалась. Сейвал наконец сообразил.

— Колдун!

Мужчина полез в потайной карман спецовки.

— Кто ты? Зачем здесь? — спросил Повязкоголовый, пока его напарник справлялся с новым оружием.

— Тинхе, ягоды роа! — вновь встряла я, выглядывая из-за спины Странника. Точно с таким же дротиком ходил Никий. — Их яд блокирует магию.

— Прекращай, Дробь. Я здесь. Больше ничего не должно иметь для тебя значения.

— Высокомерный мудака, — ответил вместо меня сейвал.

Мой вредный спаситель и глазом не моргнул. Конечно, прячась за спиной Врага, я мало что могла сказать о выражении его лица. Но что-то подсказывало, вряд ли он втихаря корчит рожи оппонентам.

Враг взмахнул рукой.

Дротик воткнулся в пол в нескольких десятках сантиметров от меня. Было меньше секунды, чтобы выдернуть его, но я справилась. Когда Враг обернулся, чтобы проверить, чего я там шебаршусь, снаряд исчез в моем кармане.

— Не отвлекайся, — посоветовала я.

— Моя ревнивая Дробь, — в раздражающе-снисходительном тоне прорезались игривые нотки, от которых меня бросило в дрожь. В Лэйтарии очень тонко относились к понятиям собственности. Назвать что-то своим, не имея на это реальных прав, было сродни преступлению. Поэтому, когда Враг сбился, называя меня своей, я поняла, что сделал он этот вовсе не ради драматического эффекта. Лэйтарец обозначил границы. — Нет такой вещи, что могла бы отвлечь меня от тебя.

Странник взмахнул рукой. Пыльца магии мазнула по лицу. Я зажмурилась.

Хотелось одернуть Тинхе, чтобы он внимательнее отнесся к вооруженным сейвалам, которые в любой момент могли устроить пакость. Но когда в очередной раз выглянула оценить обстановку, мужчин не было. Точнее они были, но не в том агрегатном состоянии, в котором положено быть живым людям.

Две статуи с перекореженными лицами не представляли опасности. Как и их окаменелое оружие. Вот он Визирь во всей своей силе. У Тинхе и мысли не возникло воспользоваться магией лэйтарцев. Он действовал ровно в рамках закона миров. Ничего лишнего. Враг провернул все чисто и гладко, без единой возможности подкопаться.

— Который из них оставил на тебе синяки? — Странник приблизился к статуям. Прятавшиеся в углу девушки не вызвали у него интереса. — Этот? Оба?

Желание сдать мучивших меня сейвалов было велико. Отомстить за унижения, за травмы, за домогательства, за страх, которые пережила. Я ненавидела мерзавцев всем сердцем. Будь у меня настоящая действующая магия, знай атакующие заклинания, сама бы разделалась с ублюдками. Но та угроза, что исходила от Врага в их сторону, предвосхищала любую месть, которую бы я могла свершить.

— Н-никто.

— Правда? — Враг ткнул пальцем в лоб Повязкоголового. Статуя зашаталась. В каменных изваяниях все еще теплилась жизнь. Заклинания были обратимы.

— Неважно. — Горло перехватило. Голос не желал слушаться, когда я пожелала сказать слова в защиту сейвала. Глубокий вдох придал уверенности. — Мы здесь не за этим.

Взор завораживающего взгляда остановился на мне. Сердце тут же ускорило ритм. Хотела бы я думать, что это произошло из-за страха, но как раз именно его я больше не ощущала. Будто почувствовав это, Тинхе улыбнулся.

— Вот значит как, Дробь. Ты готова завершить контракт?

— Вообще-то, снять с нас проклятье богини.

Темный повелитель, он же Великий визирь фомров, вздернул брови.

— Хочешь — да. А сможешь ли?

Вопрос на миллион долларов, два мира, один дар и свободу Избранной.

— Зависит от того, насколько понятие «поцелуй любви» из легенды красивая метафора.

— 18 —

— Тогда сделаем все красиво?

Демонстративно, как герой плохо-поставленной театральной драмы, мужчина в черном поклонился, прижимая одну руку к груди, а вторую уводя назад. Потом выпрямился и изобразил в воздухе замысловатую фигуру. Магия внутри меня откликнулась блаженным теплом.

Будто в сказке моя рабочая форма растворилась в дымных красках. В глазах заплясали огни. Когда зрение прояснилось, я обнаружила, что стою в платье. Окажись я сейчас среди диснеевских принцесс, гармонии бы не нарушила.

— Ха-ха, — едко отозвалась я на откровенное веселье на лице Врага. — Кто-то пересмотрел «Золушку». Или перелопатил слишком много девичьих фантазий.

Черт с ним с воздушным платьем из тонкой парящей ткани, мерцающих камней на изящных оборках и сложно сконструированным лифом, что мистическим образом добавлял груди лишних полтора размера (о которых я мечтала в неразумной юности, а не в реальности, где существовал спорт, гравитация и неудобные лямки). Неизвестные чары коснулись моей кожи, засиявшей чистотой, и волос, тут же свернувшихся кудрями в элегантную прическу. Травмы никуда не делись, они скрылись за маскирующими заклинаниями.

Я скрестила руки, буравя Тинхе.

— Если ты не можешь смириться с естественной красотой женщины, возможно я выбрала себе не того Врага.

— Я воплощаю твои фантазии, а не свои.

— Так бери те, что на поверхности, а не копай в подростковый возраст!

Признаю, в двенадцать мечтала стать сахарной принцессой сказки. В возрасте до двенадцати — Королевой Чужих, а после двенадцати, чтобы от меня отстали. Но Враг, конечно, выбрал самый яркий, но не долгоиграющий образ.

Тинхе приблизился, довольствуясь моей реакцией. Я попятилась назад, предупреждая выставив ладонь:

— Мы завершаем контракт. Я передаю свой Дар. Потом снимаем проклятие. Артефакт перестает работать, и мы свободны в перемещениях. Взамен ты обещаешь, что не дашь миру Деополиа погибнуть, и обещаешь, что не тронешь моих подруг.

— Ты говоришь о наложнице гарема и об Избранной, которая пока я занят тобой, освобождает беглого крысеньша?

Я полностью отзеркалила невозмутимый тон Врага:

— Ага.

— А сделаю я это по доброте душевной? — Осведомился он.

— Ты это сделаешь, потому что нуждаешься в моем поцелуе. Не потому что он избавляет от проклятья богини, а потому что это первый этап отречения Избранной от своего Предназначения. Поцелуй лэйтарца, а не нареченного — знак того, что я не приемлю волю богов. Не знаю, как собираешься получить остальное, но первую ступеньку ты решил преодолеть сегодня. В этом все дело? Вся свистопляска с артефактом и суженым создана для мести мне.

— Кто-то провел время с пользой, — хмыкнул Тинхе, явно не очень довольный, что я слишком рано разгадала его план. — Что это меняет?

— Ничего. Я хотела, чтобы ты знал, что я знаю. Я осознаю последствия того, что делаю. Все добровольно. У меня нет никаких иллюзий.

— От этого победа становится слаще, моя проницательная Дробь. — Он склонил голову, рассматривая меня так, будто видит впервые. — Решила проявлением доброй воли задобрить будущего властителя своей судьбы? Мудро.

У меня хватило разума сдержать язвительные комментарии, чем я подняла настроение Врагу еще больше.

Черт.

— После того как проклятье снимется, контракты девушек будут расторгнуты? — Уточнила. — Наложницы освободятся?

— Не думаю, что они сильно желают покинуть дворцовый уют. Драгоценности, наряды и королевские пиры угнетают молодых девушек гораздо меньше, чем ты могла читать в романах.

— Я спросила не об этом.

Под взглядом Врага хотелось спрятаться. Мужчина смотрел так, будто кроме нас в мире больше ничего не существовало. Я понимала, что он специально смущает меня, но не могла ничего поделать.

— Если верить легенде девушки будут освобождены от своих обязательств. Но магия к тебе не вернется, Дробь. Тот, кто снимает проклятье, приносит главную жертву.

Я подозревала такой ответ. Сделав глубокий вдох, произнесла:

— Тогда покончим с этим сейчас.

— Как пожелаешь.

Мужчина стянул перчатку. Как замороженная я проследила за его рукой, коснувшейся артефакта.

«Не бойся, Малыш, — потянулась я к магии. — Все хорошо».

Тиехе прикрыл глаза, что-то прошептал. По серому шару артефакта поползли ломаные линии света. Пахнуло корой дуба и полевыми цветами. Я ахнула под силой, что устремилась в меня. Она прокатилась по телу, погружая в сладкую негу. И мгновенно схлынула, обнажая душу и оставляя внутри сосущую пустоту.

Артефакт потух, как испутивший дух смартфон.

Я слышала собственный вскрик. Ноги подкосились. Питающий коктейль магии исчез из тела, прихватив остатки сил. Если бы не Враг, то не избежать мне еще одной порции синяков. Мужчина в черном подхватил меня, не позволяя рухнуть наземь. Я попыталась оттолкнуть его, но рука в перчатке легла на талию, перекрывая путь к отступлению.

Контракт завершен. Моя магия ушла.

Свободной рукой Враг оттолкнул камень богини. Тот соскочил на пол, с грохотом прокатился и застыл сломанной забытой игрушкой. Вместо него в нескольких сантиметрах над постаментом завис блестящий мраком черный кокон.

Я поджала губы, боясь расплакаться.

— Вот ты какой, — выдохнул Враг. Вид концентрированной магии заморозил его не меньше, чем меня. — Почти не тронутый. Идеальный. Ты хорошо о нем заботилась, Дробь. Из тебя мог бы получиться способный Странник. Как же это печально. Не жалеешь?

— Я спасаю людей, — выдавила кое-как, отворачиваясь от постамента. — Это важнее.

— И тебя не сводит с ума, что приходится жертвовать всем ради горстки грязных обезьян? Они причинили тебе столько страданий.

И причинили бы еще больше, растяни Тинхе игру на подольше.

— Этот мир создан из боли и может нести в себе только боль, Дробь. Ты действительно хочешь, чтобы он жил?

— Хватит усложнять мою часть сделки, говоря всякие гадости, — ответила я, дрожа как осиновый лист. — Ты обещал его спасти. Зачем тянуть время?

Мужчина склонился, учащая мой пульс. Дыхание легло на кожу, вызывая мурашки.

Чужие губы мужчины обманчиво мягко прошептали:

— Чтобы посмотреть, как на тебя повлияет мое присутствие. Ты все еще Избранная, я все еще Странник, но у тебя больше нет защиты от флера в виде магии Золотой оси.

Эти слова хорошенько отрезвили. Если опять начнется твориться та же магическая хрень, что и во сне, я же лужицей растекусь. Выдам последние козыри и пойду на дно.

— Великий визирь и Избранная. — Напомнила я. — Всего один поцелуй любви, который снимет все чары. Мы должны закончить сделку.

— Так приступай.

Он явно не собирался облегчить мне работу. Продолжая пожирать мою решимость взглядом блестящих антрацитов, Враг приглашающе развел руки.

Ага, хочет, чтоб я провернула все сама.

Мужики.

Ладно, я взрослая, прогрессивная и, на секундочку, где-то на днях мне стукнуло тридцать. Будем считать, что сегодня. Коктейли в плохом баре и поцелуи с малознакомыми типами вполне вписываются в планы на день Рождения, когда ты немного не готов к стукнувшей цифре.

Я скользнула ладонями по черной ткани. Пальцы прошли по металлическим бляшкам, по декоративным стежкам, отсвечивающим темным золотом. Я замерла на границе, где заканчивается воротник и начинается обнаженная кожа Врага. Кто бы мог подумать, что стоять в объятьях жаждущего заполучить тебя мужчины, прижиматься к нему всем телом, чувствовать его тепло, вдыхать умопомрачительный запах тьмы может быть офигеть как не романтично. Ах, где мои безумные двадцать девять?

По стене пробежали электрические разряды, ускользая наружу. Где-то там Диа освободила Амати.

Враг мог в любой момент их заметить.

— Все не должно быть так сложно, — пробормотала я, набравшись смелости и взглянула на его лицо.

Темные глаза смотрели на меня, но я никак не могла разглядеть те оттенки, что не

позволяли сливаться радужке и зрачку. Лишь призраки золота, будто молнии, рассекающие ночное небо, мешали назвать его глаза абсолютно черными.

Затягивающая бездна зла.

Я заставила себя расслабиться, всем телом прильнув к Тинхе. Он этого будто и не заметил. Чуть-чуть привстала на цыпочки, обхватив мужчину за шею и... прижалась в поцелуе.

Первый шаг отречения от Предназначения.

Я прикрыла глаза.

Его губы были мягкими. Нежными. Будь я чуть более поэтичная, сравнила бы с прикосновением лепестков бархатных роз. Но я была собой, и мысли крутились о том, пользуется ли Тинхе гигиенической помадой, и если да, то доставляют ли ее в Центр. А потом Враг притянул меня ближе, углубляя поцелуй, и в голове воцарилась блаженная пустота.

Теперь не я целовала его, а он меня. Это не было каким-то сверхъестественным фонтаном чувств, но ощущение его сильного тела, касание губ — внезапно стали пробуждать во мне эмоции, о которых я давно позабыла. Чувственность. Трепет. Желание.

Я опомнилась первой.

Попыталась разорвать контакт и почувствовала руку Тинхе у себя на затылке. Меня накрыла легкая паника. Перераста в серьезное сопротивление она не успела. Враг почувствовал возникшее напряжение и тут же отпустил. Его сердце билось с той же ровной скоростью. Точное, как часы. Первый этап отречения — приевшаяся часть его работы. Я же такого богатого опыта не имела. Мой пульс отплясывал под зажигательный ритм ламбады.

— Занятно, — сказал Враг, позволяя выбраться из своих объятий.

Я заглянула ему за спину. Постамент, некогда хранивший магию, пустовал.

Первый шаг сделан.

Так странно, что я не услышала грома, молний и зычного голоса с небес, что объявит о моем падении.

Тяжело дыша, я отпрянула назад, утыкаясь поясницей в постамент. Я стояла будто оглушенная. Слова Врага пробивались сквозь вату тишины разлагающегося мира. Что-то шло не так.

— Почему ничего не происходит? Где богиня?

— Латрин Жизнедарующая, что пришла бы меня остановить? — Враг одернул складки костюма. Выпрямился. — Таков был план? Богиня возродится, изгонит меня прочь и возьмет под покровительство оба мира, — Я было попятилась, но Тинхе схватил меня за локоть и потащил к балконной двери. Я не сопротивлялась. — Так ты хотела избежать последствий?

Он отодвинул засов. Распахнул дверь легко, будто не знал о сводящих с ума лучах сияния. Я попыталась отвернуться, но Враг заставил смотреть.

По Куполу ползли электрические разряды. Искры летели вниз на пустые улицы. Разбиваясь о землю, они разлетались на сотню мелких частиц, пружиня в разные стороны. На Деополис надвигалась катастрофа. Как раз в тот момент, когда люди прятались по домам и не могли знать о приближающейся опасности и как-то ей противостоять.

— Надеюсь, что богиня пробудится здесь, а не в Цезерине?

— Н-но... артефакт, Визирь, Избранная. Пророчество свершилось. И свершилось оно в Деополисе.

Свет нещадно опалял глаза, но вкрадчивый голос Врага жалил сильнее.

— Да. И повлияло оно только на этот мир. События одного мира не действуют на события другого. Неужели забыла все правила?

Когда план придумываешь на ходу в измененном состоянии сознания, и не такое упустишь.

В горле запершило.

— Наложницы не освободились?

— Только твои подружки. Все остальное осталось в силе. Ты бы догадалась, если бы постаралась чуть сильнее. Если бы я дал тебе время подумать.

— Но богиня...

— Осталась в Цезерине. Она же не заключена в артефакте. Она где-то там, возможно заточена в статую или бродит безмолвной тенью по дворцу.

— Нет, — мотнула я, глядя на рушащийся Купол.

Я не могу так проиграть. Просто не могу!

— Не знаю, насколько сильной она бы вернулась. — Продолжил лэйтарец. — Ох, не печалься так. Хотя нет, печалься, плачь, впадай в меланхолию. Это как раз те чувства, которые должны сопровождать тебя, когда ты поймешь, насколько бессильны боги в сравнении с мощью Золотой оси. Любые боги, моя храбрая Дробь.

«А еще это второй шаг к отречению от избранности, — в холодном ужасе осознала я».

— Что с Куполом? — Враг не ответил. Я поняла все сама. Башня больше не питала Купол. Я отключилась от системы, артефакт перешел в спящий режим, а Клавдия забрала Аматири. — Ты обещал защитить этот мир. — Уцепилась я за последнюю надежду.

Люди прятались от Сияния в подвалах и катакомбах. Никто из них не видел, как одна вышедшая из строя башня, поддерживающую жизнь в Деополисе, нарушает цельность всей цепи.

— С миром все будет в порядке. — Враг продолжал меня удерживать, заставляя смотреть. — И твоих подружек я не трону. Могут спокойно доживать те часы, что остались Деополису.

Я оглянулась, ища помощь в лице Аматири. Клавдия хлопотала вокруг неудачливого визиря, приводя его в чувства. Белобрысый лэйтарец едва ли соображал, что происходит. Он пролежал в адской машине почти месяц. Если Луноликий и хотел что-то сделать, то долгое нахождение под влиянием ягод, не оставило ему шансов. Во сне и в реальности разные правила.

Знакомое ощущение портала повисло в воздухе.

Сейчас Враг заберет меня в Лэйтарию. Препарирует Малыша, как лягушку, а меня следом сдаст на торги. А если не заберет, то в течении нескольких часов я умру вместе с миром.

Не зная, что еще делать, я потянулась к припрятанному в рукаве дротику. Страх заставлял колебаться. Чувство самосохранения требовало не отрезать шанс на спасение и подчиниться Тинхе, а совесть (синдром Избранной) трагически погибнуть, спасая гипотетических невинных. Тем более я так шикарно выгляжу, что если красиво помирать, то только так.

А потом произошло то, что не ожидал никто.

Серебристые искры заскользили по полотну купола, собрались в одной точке и устремились к нам. Дверь захлопнулась. Электричество дало сбой. Механизмы прекратили

движение. Свет погас. Портал вспыхнул, разрываясь на части. Во мраке комнаты мелькнула шаровая молния. Зависнув в центре помещения, она стала разрастаться. В искрящей тишине я услышала, как чертыхается Враг, и свой собственный возглас удивления.

— 19 —

В сверкающих огнях, будто бабочка, выползшая из электрического кокона, возникла фигура женщины. Ее нечеловеческие глаза горели холодным потусторонним огнем. По тронутой загаром коже водопадом стекали голубоватые звездочки силы. Они впитывались в рабочую одежду певицы клуба, видоизменяя облегающее платье во что-то чуждое этому миру. На руках и ногах лазуритового изваяния магии образовались золотые браслеты, витки ожерелья окутали шею, а темно-русые волосы увенчала диадема.

Перед нами предстала Богиня.

— Флорин? — недоверчиво спросила я.

— Нет, — ответил Тинхе.

Стены задрожали от полифонического голоса:

— Латрин Жизнедарующая!

— Ха, — все, что смогла ответить я.

С противоположной стороны комнаты мой взгляд поймала Клавдия. Ее ошалелый вид подтверждал, что преобразование надменной наложницы в богиню стало для нее не меньшим сюрпризом.

— В сторону. — Тинхе оттолкнул меня назад.

Вовремя. Мощная волна энергии пронеслась по Порционке. Аппаратура, установленная деополевцами, разлетелась кусками металла. Огромный кусок рваной железяки впился в пол перед моими ногами, входя в бетон на половину ладони. Вскрикнула Клавдия.

— Жестокая злобная богиня, проклявшая расу фоморов, — напомнила себе я, но была услышана. От божественного слуха за арматурой не спрятаться.

— Мягкосердечная богиня, обманутая злыднем из глубин подземелий!

Следующий толчок нервного срыва богини проломил крышу Порционки. Следом молния рванула в Тинхе, треща осыпающимися искрами. Мужчина отреагировал мгновенно. Божественная сила столкнулась с золотой магией и, оставив на ней трещину, разлетелась в стороны. С другой стороны зала Клавдия уговаривала Амати спрятаться. Белобрысый фронт еще не до конца отошел от ягодной эйфории.

Флорин — богиня... Никак не укладывалось в голове, но становилось понятно, зачем изнеженной фаворитке было покинуть уютный дворец и присоединиться к нашей маленькой группке, отправившейся на поиски артефакта.

— Хватит, Флорин! — закричала я. — Ты все рушишь!

— Я не Флорин! — пророкотал гром.

А дальше все завертелось быстрее, чем карусель. Магический щит Тинхе вспыхнул ярче Сияния. Волна невидимой свирепой энергии отшвырнула меня будто щепку. Путаясь в подоле пышного платья, я врезалась в хлипкий постамент. Тот зашатался, придавливая меня сверху. Незажившие раны взвыли с новой силой. Если бы не золотая магия, смягчившая удар, я бы размазалась по стене кровавым джемом. Только чудо, что никакая железная балка не протаранила мне бок.

Много меня в жизни бросало сырой магией. Гораздо больше, чем я когда-то хотела. И било по-всякому. До ободранных рук, до сотрясений, до резаных ран. Но сила, призванная

богиней, отличалась от всего того, что приходилось чувствовать раньше. Она не просто врезала по мне. Она окутала меня нечеловеческой яростью божества, стискивая душу загноившейся обидой. Так что, когда я принялась судорожно глотать воздух, произошло это вовсе не из-за того, что легкие обожгло болью. Я пыталась справиться с теми чувствами, которыми жила богиня.

Дела Тинхе шли лучше моих. Он остался стоять на ногах. Как-никак более привычен к сражениям с богами. Но обычно, Странник добивал забытых и потерявших свои силы, а не возрожденных, искрящихся от разрываемых на части эмоций.

Следующий всплеск энергии изогнул щит из золотого свечения. Под напором силы, Враг отступил на несколько шагов назад. Обрывки молний брызнули в разные стороны. Одна устремилась к Клавдии. И была легко отбита опомнившимся Аматри. Смятение на его лице явственно говорило о том, что он не очень понимает, где оказался и что происходит, но дать себя в обиду разозленной красотке не позволит.

Враг взмахнул рукой, и ледяная тьма рванула к божеству.

Дрожа как осинового листочек, я поднялась на ноги, ища выход. Конечно можно лежать и ждать, пока не закончится борьба яркого богоненавистника и его идеологического противника. В сердце немного теплело от вида того, как эти двое швыряются оплеухами. Но победа любого из них не несла ничего хорошего. А вот борьба дорого обходилась башне Порционки, жизням Избранных и двум статуям сейвалов, с которых медленно сползала магия.

Пророчество сбывалось.

Богиня вернулась. Богиня мстит всему что видит. И она совсем не выглядит адекватной. А Флорин такой не была. Похоже, девчонку понесло от вернувшегося могущества, или она всегда была такой.

Никто никогда не утверждал, что Латрин Жизнедарующая — добрая богиня. Или всепрощающая. Вон, если почитать греческую или скандинавскую мифологию (да какую угодно, если быть честной), боги еще не так отжигали. Кто сказал, что Латрин не может разрушить мир просто потому, что сегодня четверг?

Очередной удар Враг отразил мечом. Щит секундой ранее растекся смоляным пятном. Выставив лезвие под углом, он послал яростную атаку богини обратно в нее. Враг использовал необычный меч. У меня тоже кода-то была волшебная железка, способная ранить богов. Потом ее отобрали.

А Врага-то теснят. Он не был готов к столкновению. Будь у него время придумать план, разнес бы противника на кусочки. А вот так, действовать с наскоку — моя фишка. Которая, кстати, очень часто выходит боком.

— Ползи к Аматри! — приказал мне Тинхе, когда богиня топнула ногой, и бетон вздыбился острыми кольями.

Странник отвлекся, собираясь что-то добавить. Потеря концентрации обошлась ему дорого.

— Флорин, остановись! — закричала я, пробиваясь сквозь хруст ломающихся стен. — Не уничтожай дом новой паствы!

Безликие глаза обратились ко мне. Когда взгляд пробрал меня до самых косточек, я поняла, что стою посреди зала, закрывая Тинхе.

— О чем ты молвишь, дитя?

Пущенная шаровая молния болталась передо мной в воздухе, электризуя кончики волос.

Если я переживу эту ночь, то следующую неделю током меня будет бить все, что встретится на пути.

— Дробь! — одернул меня Враг.

Я отмахнулась.

— О твоих последователях, Латрин Жизнедарующая. О тех людях, что поклоняются тебе. — Я указала на застывших сейвалов. Магия, сковавшая их в камень, таяла очень медленно. Но под застывшим слоем проглядывалось шевеление. Вот-вот личины спадут и добавят новых проблем. — Я говорю о людях на твоих концертах. Посетителей клуба. Вспомни, как они внимали твоему голосу, как восхищались твоим ликом. И что же ты делаешь? Тратишь силы. И на кого?

— На одержимое, зажавшиеся, похотливое зверье. — Богиня перевела взгляд на Аматри. — Они не заслуживают моей милости. Они поплатятся за собственную жадность.

Я слегка опешила от столь лестного комментария в сторону Тинхе.

— Ты же рвалась в фаворитки к визирю. К ним обоим. Или я что-то путаю?

Идеальное личико исказила злобная ухмылка.

— Мужчины становятся уязвимы в постели с красивой женщиной. — Она посмотрела поверх моего плеча на Врага. — Слепы как новорожденные котята, когда дело касается объекта их страсти. Но ты сама все уже поняла, смертная. Ты послужила моим целям, и только потому отвечаю тебе.

— Ты хотела убить их?

— Фоморские твари должны сдохнуть. За все то, что сотворил их род. Луноликий был в шаге от ошибки, когда его забрали иные творения, — подтвердила бывшая наложница. — Его предшественники избежать свой судьбы не сумели.

На Тинхе я посмотреть не могла. Пришлось посылать насмешливую ухмылку Аматри. Ну что, поиграл в Визиря?

Выходит, если не страсть и проклятье губили визирей, то в дело вступала Флорин и исправляла подобные недоразумения. Может она и не за артефактом с нами поперлась, а хотела удостовериться, что печальная судьба все же настигла Луноликого.

— А что стало с Флорин? Ты — она?

— Флорин — мой земной аватар. Когда обманщик лишил меня божественных сил, я стала смертной. Относительно смертной. Я не могла умереть или состариться, пока связана обещанием. Боясь моих последователей, владыка фоморов заточил меня во дворце, надев оковы наложницы. Я переходила от одного визиря к другому долгие столетия. Со временем предупреждения стали стираться из памяти фоморов. Они потеряли бдительность. И день настал. Последний визирь фоморов падет, а других не будет. Артефакт больше не даст им моей силы!

— Если я верно поняла, последний фоморский визирь пал больше года назад. Тинхе, эм, Темный властелин, не фомор. И белобрысый не из их лиги. Ты должна это видеть.

Треск в комнате начал стихать. Разразившийся над Куполом шторм, ослабил давление.

— Да, — подумав, сказала богиня. — Но они и не люди. Они не мои творения.

На дрожащих ногах я сделала неуверенный шаг вперед. Шаровая молния подвинулась.

— Как и я с Клавдией. Помнишь пророчество? Рожденные не под тем созвездием и что-то дальше по тексту. Здесь нет виновных в твоём заточении.

Темные волосы Латрин, вздыбленные силой и электричеством, мягко опали на хрупкие плечи. Я рискнула подойти ближе.

Тинхе что-то крикнул мне в спину. Что-то про глупость, гены и избранность, и я даже расслышала, что, но предпочла проигнорировать. Спонтанные суицидно-героические поступки лучше совершать в обход здравого смысла.

— Не имеет значения, смертная. А теперь отойди. Забирай вторую. Бегите без оглядки. Я покачала головой.

— Мир рушится. Он пропитан ядом. Бежать некуда. Вот-вот начнут гибнуть люди. Но ты можешь помочь им.

— Помочь? Мне нет дела до чужих творений. За кого ты меня принимаешь?

— За мудрую богиню, которая понимает, что былого величия на родине ей не вернуть.

— Да как ты смеешь! Еретичка!

Шаровая молния полыхнула энергией, обжигая мне кончик носа.

— Есть такое, — согласилась я, прикрываясь рукой. — Но Цезерина забыла о тебе. Люди перестали почитать. Если бы не артефакт, кто бы помнил твоё имя? Ты можешь вернуться домой, но сколько у тебя останется сил? Сейчас ты черпаешь ту магию, что осталась в артефакте. А потом? Что станешь делать, когда она кончится? Сдашь мир на милость вот им? — Указала я на Врага. — А посмотри на Деополис. Всего пара недель и у тебя целый зал поклонников. Этот мир не помнит чудес. Ему не в кого верить. Но они хотят этого. Разве этого недостаточно, чтобы захотеть его спасти?

— Жить на руинах чужих ошибок?

— Фундамент хороший. Неужели на нем нельзя ничего построить?

Богиня прошлась по залу. Остановившись рядом со мной, она задрала голову вверх, разглядывая пробоину в потолке. Я содрогнулась от ауры, что источало её тело. От её сияния голову кружило сильнее, чем от того, что бушевало за сломанными стенами. Мощь невероятной силы окутала меня с ног до головы, лишая движения.

— Он грязный и больной, — наконец сказала она.

— Прояви сострадание, — охрипшим голосом ответила я.

Губы почти перестали повиноваться. Кажется, травмы, ягоды, Сияние, и буйство магии объединились в один тяжелый камень, что вот-вот станет моей надгробной плитой. — Приюти, вылечи и обогрей. Создай что-то новое, без фоморов и визирей. Флорин, ты же не притворялась все это время. Вспомни себя. Тебе понравилось здесь. Это я ныла, но ты... Я видела тебя на сцене. Ты наслаждалась вниманием публики. Ты жаждала их любви.

Одно долгое мгновение богиня молчала. Ярость утихла. Радужки прояснились, возвращая себе карие оттенки. Кожа перестала светиться, а воздух в комнате прекратил дрожать. На секунду я увидела Флорин. Самодостаточную девушку, необремененную болью прошлого.

А потом все вспыхнуло вновь.

— 20 —

Уши резанули болью. Небо разверзлось кровавыми дырами. Чертов зал превратился в тюрму из жалящих молний.

— Нет, — сказала божество.

— Ну и ладно, — пожала плечами я, и всадила богине в шею дротик.

В следующую секунду уже нырнула на пол, прикрывая голову руками. Место, где я только что была, вспыхнуло пламенем.

— Ой! — взвизгнула богиня. — Чем это ты колешься?

Надеюсь, после смерти этот поступок запишут в список хороших дел. Все-таки занимаюсь уничтожением лжебогов. Еще и жертвенность засчитайте. Это же, мать его, единственный дротик с антимагическим ядом! Чем я теперь буду отбиваться от обольстительных мужиков? Тапкой?

— Стерва! Йутулка! — взревела богиня.

Она неловко замахнулась. Нечасто ей приходилось участвовать в кулачных боях. Я легко (на самом деле, нет) ушла от ее удара. Острые ногти прошли в миллиметре от лица. Латрин потеряла равновесие. Легкий толчок повалил ее на пол. Неловко взмахнув руками, она рухнула на колени.

Магия опала с нее, как осенняя листва. Запахло озоном. Небеса прогремели в последний раз. Молнии будто впитались в стены, заново запуская насосы и другие механизмы, случайно пережившие божественный гнев. Погасло свечение. Кожа девушки приняла нормальный цвет. Очертания лица потеряли угловатость и инородность. Вернулась девушка, которой больше подходило имя Фло, а не Латрин Жизнедарующая.

— Фло, ну хватит! — простонала я. — Сил нет никаких. Я устала, ты устала. Все устали. Давай успокоимся и поговорим.

Тяжело дыша, она со злобой уставилась на меня. Дротик все еще торчал из ее шеи, вызывая у меня легкую тошноту. Заметив этот взгляд, Фло выдрала его и швырнула в меня. Попыталась лягнуть ногой, но снова мимо. Когда вызверившаяся от неудач богиня зарычала и попыталась меня укусить, я не выдержала. В два счета скрутила неугомонную девицу, беря ее в захват.

— Хорошо, давай просто успокоимся!

Девушка что-то простонала. Еще раз взбрыкнулась. Прошептала несколько проклятий и в напряжении замерла.

Не успела я порадоваться, что, наконец, все закончилось, как тень перекрыла нам свет прорывающегося Сияния.

— Отличная работа, Дробь. — Мужчина в черном преодолел преграды из каменных шипов. — Из тебя вышел бы жизнеспособный Странник.

Надо мной блеснул холодный металл. Меч Врага описал в воздухе сияющую дугу, и лишь чудом я успела уберечь павшую богиню. Покрытое голубоватыми разводами лезвие застыло на уровне моих глаз.

— Дробь, в сторону.

— Да что вы злобные все такие?

Я больше не удерживала силой девушку. Я прижимала ее к себе. Будь богиня во всей своей мощи, никакой дротик не причинил ей вреда. Вряд ли божееству вообще может повредить созданный человеком препарат. Яд замедлил всплески магии, но не отрубил их, как это было со мной. Флорин глубоко дышала, и я чувствовала, что божественная аура постепенно смягчается, сливаясь с аурой Флорин.

— Я же говорила, — прохрипела богиня. — Они — зло. Их нужно уничтожить!

Мстительница попыталась меня оттолкнуть, но я не позволила.

— Не тронешь ты ее! — с вызовом сказала я, впрочем, без внутренней уверенности.

Сил противостоять Врагу не осталось. Ни физических, ни моральных. Не угрожай Тинхе Фло, а предложи мне пачку аспирина, сдала бы богиню не торгуясь (ладно, еще коробку конфет и чай потребовала бы). Да, вот так легко. Пора признаться, единственное, что позволяет мне удерживаться от искушений сил тьмы, это то, что темная сторона сильно

переоценивает мои моральные принципы, предлагая что-то запредельное для моей фантазии. Конечно, я могла бы сама сказать, чего хочу. Но, эй! Я приличная женщина, которая никогда не расскажет о своих сокровенных желаниях, ибо пусть сами догадываются, почему я должна сама все объяснять, неужели не понятно?

— Фло... Латрин Жизнедарующая вернула свои силы. Ее мир закрыт для Золотой оси. И пока она здесь, Деополис тебе не взять. Пророчество Цезерины исполнилось, и странное пророчество Деополиса тоже (если я правильно поняла интерес к отметке на моей руке). Два — ноль в пользу воли богов.

Возникла напряженная пауза. Прервало ее легкое покашливание Аматри.

— Тинхе, она права.

— До тебя очередь еще дойдет, — не отводя меч, ответил Враг.

Белокурый лэйтарец напрягся. Очень сильно ему не хотелось конфликтовать с Тинхе на незнакомой территории. Но он обещал помочь, если Враг нарушит правила Золотой оси. Аматри балансировал на тонкой грани желания и страха, где он одновременно хотел досадить соплеменнику, но при этом остаться в рамках этикета своего Дома. Что ж, я могла его понять.

— Незыблемому Трону не понравится убийство полноправного божества. — Осторожно продолжил Аматри, держась в стороне от бывшей наложницы. Он вообще старался на нее не смотреть. Таки пробрало его осознание близкой смерти от рук коварной богини. — Это противоречит их политике.

Белокурый бросил короткий взгляд на меня, будто что-то оценивая. Потом дернулся, то ли собираясь дать заднюю, то ли посмотреть на Клавдию, но все же заставил себя стоять на месте.

— С каких пор им есть дело до того, что происходит за пределами территории Золотой оси?

Явственно повеяло угрозой. Много бы отдала, чтобы понимать, о чем идет речь или почему Аматри внезапно насторожился.

— С тех пор, как я здесь, — улыбка у него вышла нервной, но такой же белоснежной, как и раньше. — Как вернулся в свое сознание, — поправил он себя.

— В чем твой интерес? — Тинхе перехватил рукоять меча поудобней, полностью переключая внимание на Аматри. Сердце екнуло, когда лезвие мелькнуло перед самым носом. Богиня прикрыла глаза, но слушать продолжала внимательно.

— Уже ни в чем. Я получил все что хотел, — уверенней ответил Аматри, а потом, подмигнув мне, добавил: — И даже немного больше.

Тут я начала немного паниковать. Безопасно злить Тинхе надо уметь. Данный трюк выполняется профессионалом, просьба не повторять без соответствующей подготовки.

— Дробь, Аматри позволял себе что-то, чего не стоило? — спросил Враг, не поворачиваясь.

— Не вмешивайте меня в свои разборки.

Мужчина встряхнул плечами, сбрасывая напряжение. Тонкая улыбка обозначилась на красивых губах.

— Жизнь богини не моя цель. Ни один из миров не входит в круг моих интересов, — отвел он лезвие меча от наших лиц. — Но, если у мира с грофом не появится покровителя, я буду вынужден исполнить желание Дроби и взять все в свои руки.

Враг отошел назад, и я выдохнула, только сейчас понимая, что задерживала дыхание.

Темноволосый мужчина убрал меч обратно в ножны. Я же вознесла мысленную молитву. На всякий случай, обратилась к одной конкретной богине. Не прошло десяти секунд, как та подала голос.

— Ладно, — недовольно ответила девушка. — Вот же доставучая! Возьму я его под свою опеку. Здесь действительно есть с чем работать. Ушедшие оставили несколько увлекательных реликтов. Сияние и гроф... вот же симпатичный сюрприз для склизких лягушек.

— Ягоды не особо против них помогают, — вспомнила я встречу Никия и элл Кхрима.

— Ох, наивная смертная. Не все же действуют так прямолинейно. А теперь прекрати святотатство и убери руки, пока я их тебе не поотрывала.

— Током щипаться не будешь? — подозрительно уточнила я, не веря в собственную удачу.

— Обойдемся без кары небесной, — встряхнула она волосами. Те как по волшебству сплелись в идеальные локоны. — Приношу свои извинения за вспышку гнева. После стольких лет сложно не поддаться эйфории. Сила накладывает свой отпечаток.

— Я думала ты богиня любви.

— Творец жизни, — поправила она, потирая шею. — Любовь, один из способов ее возникновения. А где любовь, там и искры. Иногда страсти, иногда чего поинтересней.

Флорин расправила плечи. Грациозно вспорхнула на ноги. Будто не было вспышек гнева и дротика с сильнейшим ядом. Она остановилась на границе света Сияния и тьмы Порционки.

— Не мешайтесь, — приказала девица.

— К тебе уже силы вернулись? — Я почувствовала себя обиженной.

— Ягоды роа что ромашковый отвар. Нервы успокаивает, но в кому не отправляет. — Фло задумчиво пожевала губу. — Не в таком количестве, по крайней мере.

По потолку побежала магическая сетка. Энергия хлынула с новой силой, но в этот раз я не чувствовала, что она вот-вот размажет меня по стене. Мягкое нежное тепло, будто пуховое одеяло, окутало с ног до головы, погружая в блаженную негу. Отчего-то сразу потянуло в сон.

Тинхе следил за работой богини. Но делал это он как-то механически, без особого интереса. Ему хватило несколько минут, чтобы увидеть все, что он хотел. Презрительно хмыкнув, он пнул дротик у себя под ногой.

— Ты собиралась использовать его на мне?

— Если потребовалось бы.

Когда потребовалось бы...

— Какая жалость, что ты использовала последний заряд на благо мира, — притворно посочувствовал он. — Вставай, мы уходим. Когда она закончит плетение, выбраться отсюда станет сложно. Это и тебе информация, — бросил он через плечо Аматри.

— Я, пожалуй, здесь подожду, — притянула я к себе колени, поджимая складки непокорного платья. — Вдруг какие еще боги заглянут и захотят поинтересоваться, не хочу ли я вернуться в родной альма-матер.

— Это не предложение, моя недогадливая Дробь. Ты уходишь со мной.

— Никуда я с тобой не пойду, — буркнула я. — Аматри все доходчиво объяснил. Ты проиграл. Я победила.

Мужчина потер лоб, будто у него внезапно началась мигрень.

— Уверена?

— На сто один процент.

— И снова она права, — где-то там поддакнул Аматри.

— Не в этот раз, — ответил ему Тинхе. Его голос потерял все оттенки эмоций, а вот глаза внезапно стали пугающими и безжалостными. — Она отдала свою магию. Она сделала первый шаг к отречению от Предназначения.

— Ах, ну да. — Аматри скрестил руки, прислонившись к столу. — Еще рано.

Богиня с поднятыми руками стояла у разрушенной стены. Купол медленно наполнялся свечением, отгораживая нас от опасного влияния графа и гипнотического Сияния. Конечно, я рассчитывала, что волшебным образом на зданиях распустятся цветы, в небе запоют птички, а радуга (не вызванная радиоактивными излучениями), опустится на зеленую долину с роскошными деревьями и чистым прудом, но видимо у богини были свои планы. Ну, ей виднее.

— Мир спасен, — пояснила я. — Другого рычага давления у тебя нет. Я не отрекусь от воли богов. Мне, конечно, плохо. И вера в человечество пару раз пошатнулась. Но сейчас моя сила духа на высоте.

Для убедительности я подняла большой палец вверх. Изобразить воодушевление иным способом было выше моих актерских способностей.

— В чем-то боги правы, — неохотно признал Тинхе. — Не всем следует давать свободу выбора. Ты совершенно не умеешь принимать правильные решения.

— Даже спорить не буду.

Я положила голову на колени, сминая матовую ткань органзы. Адреналин схлынул. Усталость вступила в свои права. Но расслабилась я рано.

— Ничему ты не учишься, — почти ласково посетовал мой Враг.

Знакомая магия поползла по спине, дурманом заволакивая сознание. Невидимая сила налетела на меня, вздергивая на ноги. Тинхе тут же перехватил меня за талию, не позволяя упасть обратно. Цепкое золото волшебства вцепилось в меня клещом. Я растерянно заморгала.

— Что за дела? Ты обещал больше не использовать это на мне!

— Не обещал.

Я хотела оттолкнуть мужчину, но едкая пыль блессток держала крепко. Я потянулась к Мальшу... и...

— Твоя магия принадлежит мне, — усмехнулся Враг, понимая, что я пытаюсь сделать. — Помнишь? Перешла по контракту. Ты идешь со мной, моя непокорная Дробь. Верь мне.

— 21 —

Портал открылся легко и незатейливо. На том же месте, откуда в прошлый раз вышел Тинхе. От неминуемой расплаты за беспечность отделяли лишь каменные иглы вздыбленного пола. Протащить меня между ними не заняло бы больше минуты. Не больше минуты и пяти секунд, если бы я активно сопротивлялась.

— Не хочу, — слабо запротестовала я, цепляясь за каменные изваяния.

Безуспешно. Руки соскальзывали с них, будто те были в масле. Тем временем Клавдия ринулась ко мне на помощь, и тут же была перехвачена на полпути. Аматри не колеблясь, потянул ее подальше от нас.

— Он же ее похищает! — воскликнула та упираясь. — Может, я не понимаю, что происходит между всеми вами, но он задумал что-то нехорошее!

— Не лезь, — беззлобно шикнул парень. Справился он с ней в два счета, несмотря на то, что выглядел достаточно хрупким. — Ты свою роль сыграла.

— Но...

Как он заставил ее замолчать, я не разглядела. Враг перехватил меня поудобней, лавируя между длинными шипами к порталу. Это вызвало некоторые затруднения, учитывая хаотичность преград.

— Дробь. Тебе спокойно и безопасно. Ты хочешь пойти со мной. Верь мне.

Давление усилилось. Магия вцепилась в сознание крепко, будто колючки чертополоха. А бороться желания не находилось. Не сказать, что я резко захотела подчиниться, но слова Тинхе заставили задуматься.

Что такого, если я пойду с ним? Он не желает мне зла. Никогда не желал. Да, между нами некоторые разногласия. Взгляды на мир (миры) отличаются. С кем не бывает? Но это правда стоит того, чтобы обдирать руки в кровь о шипы? Он же не в плохое место меня забирает. В Лэйтирии лучше, чем в Деополисе. В Лэйтирии лучше, чем где угодно! Для лэйтирцев, конечно же. Разница между социальными слоями там безумна. А где иначе? Выходит, против Лэйтирии у меня нет возражений. А против чего есть? Против Тинхе? Нет же. Он мой идеологический противник только потому, что меня избрали боги. Меня настроили против него. Он же, наоборот, всегда был со мной аккуратен. Мог же спокойно рассечь пополам мечом и все. Но нет, Враг относился ко мне снисходительно.

«Кто он собственно такой, чтобы обходиться со мной снисходительно?!» — перебила я свой внутренний монолог резким возражением.

«Красивый и дьявольски обаятельный во всех смыслах мужчина.»

«А я, кто такая?»

«Сильная и независимая, — неохотно признала я, мысленно вздыхая. — Дайте мне, наконец, кота, чтобы я запомнила это раз и навсегда».

В последний раз подумав, какой бы симпатичной мы были парой (то есть, он сногшибательный красавчик, а у меня в распоряжении личный психолог-визажист двадцать четыре на семь), я вытащила последний козырь.

Внутри что-то треснуло. Я ощутила раскаленные клещи, сдавившие сознание. В груди будто расцвел кровавый цветок боли. Магия поднялась осколками, завертелась, закрутилась и взвилась ураганом. Золотые блески ошетинились иглами, вступая в схватку. Но в этот раз эта была моя магия!

— Повторяю, — я уперлась ногами в неровный пол, едва ли не рыча, — Нет у тебя на меня прав. Идти я с тобой не хочу. Спокойствия и безопасности не чувствую!

Мой резкий выпад пошатнул непробиваемую уверенность Тинхе. Я тут же воспользовалась ситуацией, вырываясь из его хватки. Он и так держал не сильно, уверенный в моей покладистости.

— Что?

Черные перчатки продолжали сминать одну из лент платья, но меня рядом не было. Я нырнула между двумя шипами, уходя из зоны досягаемости. Недолго думая, Тинхе отбросил нежнейшую ткань, словно ядовитую змею. Щелкнул пальцами, призывая силы. Золото вновь потянулось, готовое атаковать. Не успело оно коснуться моей кожи, как выстроенный барьер откинул ее назад. Магия Тинхе осыпалась бесполезной пылью.

Враг поморщился.

— Твоя магия принадлежит мне, — он сжал руку в кулак. Разжал обратно. Что-то произнес. — Она перешла ко мне по контракту.

Ладонь осталась пустой. Не допуская обратного, он встряхнул рукой, будто она заглохла и надо ее перезагрузить. Ничего не изменилось.

— Как перешла, так и вернулась, — бойко отозвалась я. — Все контракты разорвались, когда снялось проклятье.

— Нет. — Он еще не понял. Мужчина напряженно искал подвох. Но факты на лицо: моя магия при мне. — Та, кто снимает, жертвует собой во благо исполнения пророчества.

— Ага, — подтвердила я. — Но я не снимала проклятье богини.

Ох, это прекрасное мгновение, когда Враг начал осознавать, что произошло. Я почувствовала дрожь удовлетворения, когда темные глаза расширились в изумлении. Это стоило половины моих страданий в Деополисе.

— Невозможно... — Он сжал зубы, посылая Аматири лучи ненависти. — Вот же крысеньш!

— Квиты, — вздернул бровь белобрысый, стойко встречая взгляд Врага.

— Кстати о мелочах, — шепнула Клавдия, но акустика зала донесла ее слова до нас, — а чем там именно я пожертвовала?

Аматири задумчиво перевел взгляд на потолок. Враг же продолжал отрицать реальность, в которой я его обошла.

— Эм... — Ведь знала же, что какой-то момент упустила! Я продолжила: — Магия вернулась обратно. Все встало на свои места. Я — Избранная. В Лэйтирии нет места той, ктс не прошла процесс отречения. Тебе меня не забрать. Это Диа разбудила Луноликого визиря поцелуем любви. — Я сделала девушке отмашку рукой. Та мгновенно покраснела.

— Анна! — воскликнула она. — Я же просила!

— Ой, да повзрослей.

— Ты тянула время, — наконец дошло до Тинхе. — Ты позволила забрать свою магию, чтобы я был уверен в своей победе. Чтобы я желал завершить твоё отречение сильнее, чем заполучить мир или осуществить месть богине. Что ты пообещала Аматири за предательство?

— Нет никакого предательства. Он ничего не знал о моем плане. Он лежал под галлюциногенами. — Не скажу, что мне хотелось защищать Аматири или лезть на амбразуру, но слегка достаёт, когда твои гениальные идеи присваивают кому попало. У меня не так много этих идей! — Это ты, а не Аматири всё испортил. За всё время, что в Цезерине, что в Деополисе, я раз пятнадцать готова была сдаться. — Я ухватилась за каменный шип, чтобы не потерять равновесие. Это сильно подпортило мою позу победительницы, где я скрещиваю руки и высокомерно задираю подбородок. — Ещё час назад я согласилась бы на всё, что ты предложишь. Да десять минут назад, когда только-только проснулась, сдалась бы с радостью и искренней благодарностью. Но ты этого не хотел, так? Не тот уровень отчаянья. Ты каждый раз доводил меня до края пропасти, а потом отступал назад, давая передохнуть, чтобы нанести удар ещё больнее. Я столько раз плакала и жалела себя, сколько, наверное, не делала в переходном возрасте. А он у меня был очень тяжелый! Ты провел меня через ад и преисподнюю пустых сожалений. Напустил монстров, связал контрактом, напугал до чертиков, отправил туда, где моя магия не имеет возможности проявить себя. Не знаю, планировал ли ты нападение тех мужиков или в принципе ожидал агрессивного настроения от мира, но ужасов я натерпелась. Да и фиг бы с ними. Но такая сжирающая заживо

беспомощность... И вот Амагри объясняет мне, какая я дура, и как меня ловко обвели вокруг пальца. Изошренная и гениальная стратегия, где в основе лежит моя собственная концепция любви, смутившая тебя в прошлый раз. Ты все извратил до неузнаваемости и пустил против меня. Взял мою тактику! И это стало главной ошибкой. Избранные не в силах победить Врага. Когда ты взял мою идею, все что мне осталось, это взять твою. А твои планы лучше моих. Шаблоны, по которым ты нас отлавливаешь идеальны! Мы все такие одинаковые, такие абсолютно взаимозаменяемые, что нет разницы, какая Избранная какого Визиря поцелует. К_н_и_г_о_е_д_._н_е_т_

Я замолчала, ожидая аплодисментов. Аплодисментов не последовало. Я не сильно расстроилась. Богиня еще не установила контроль над Деополисом, чтобы тот работал, как следует. Враг же выглядел так, будто вообще меня не слушал. А я, между прочим, рассчитывала на вопросы! Но нет, Враг как всегда, оставался на своей волне.

— Зачем ты поцеловала меня?

— Ты тоже повзрослей, — легкомысленно отмахнулась я. — Я свободная одинокая женщина со своими потребностями. Такими, как например, отвлечь внимание, пока Диа помогает Амагри прийти в себя и исполнить пророчество. Не позволить помешать возродиться богине. Не дать понять, что все идет не так, как ты рассчитывал. Я действительно понятия не имела, что богиня в человеческом теле, где-то бродит и возрождается в мире, где находится ее тело. Ох, надеюсь ты не сильно расстроился, что у нас не было поцелуя любви?

Повисла наряженная тишина. Где-то на периферии потрескивала божественная магия, латавшая дыры купола. Враг стоял абсолютно серьезный. Вместо надменного спокойствия — арктический холод. Знай я его чуть хуже, решила бы, что дело в том, что я посмеялась над его чувствами. Но он лэйтарец. А еще Странник. Я только что разрушила что-то, что он создал и продумал до мелочей. Недели? Месяцы? Я взяла и обыграла его. А мужчинам очень сильно не нравится, когда его обыгрывает женщина. Особенно, если у него за спиной годы интриг, а она только что научилась врать и не краснеть. Еще хуже, если он Враг, а она Избранная. Да, один раз я его обошла, что легко можно списать на случайность (кстати, все именно так и было!), а вот теперь настал второй раз и... В Лэйтарию он меня не заберет, но что собственно мешает ему обрушить на меня потолок? Проклясть чем-нибудь мерзким. Превратить в ледяную глыбу.

— Надо же, — прервал затянувшееся молчание мужчина.

Мрак будто ждал этих слов, чтобы стянуться к его фигуре. Тени сгустились на безупречном лице. Казалось невозможным, но форма Странника стала еще темнее, чем была. Более глубокие оттенки черного. Я потянулась к магии. Если Тинхе ответит вспышкой злости, я должна быть готова. Впрочем, Враг или умел проигрывать, или я чего-то не понимала.

Он рассмеялся. И смех звучал раскаленным золотом. Амагри вздрогнул от странного звука. Богиня заинтересованно склонила голову, будто услышала то, что недоступно смертным. Я едва ли не схватила сердечный приступ. Враг и смех не могли существовать в одной реальности. Это как парадокс. Столкновение материи и антиматерии. Хорошим такое не заканчивается.

— Ты обыграла меня моими же фигурами.

Я с трудом подавила желание извиниться.

— Меньшего я и не должен был от тебя ожидать, так?

— К чему ты ведешь?

— Женщина, которую я мог бы полюбить, не досталась бы мне легко. Ценится то, что дорого достается.

Забытые боги и богиня, он опять!

— Я почти уверена, что любовь строится не только на этом, — возразила я.

— Да, не только.

Я напряглась, когда Враг поравнялся со мной. Черный костюм давно перестал вызывать у меня смех своим театральным антуражем. А к груди Врага я прижималась уже столько раз, что становилось как-то неловко. Гипнотический взгляд Тинхе вовсе сминал все мои возражения. Но не смотреть на мужчину было большим безумием, чем позволить его мощной ауре заполнить пространство вокруг нас.

— Ты победила, — бархатный баритон пополз по моей коже, вызывая мурашки. В темных глазах мелькнуло что-то похожее на гордость. Черт, он гордился мной! — И мне это нравится. Теперь никому меня не переубедить, что ты не достойна моего внимания. Моего восхищения.

— Мне не нужно ни того ни другого.

— Но оно у тебя есть. И ты можешь получить больше, гораздо больше. Ты можешь иметь все.

— Что «все»? — нервно усмехнулась я, нуждаясь в срочной смене темы. — Все — слишком расплывчато. Ты мне еще звезду с неба пообещай. Я таким подкатам с института не верю. Предоставь сначала нотариально заверенный список «всего» с четко прописанными сроками исполнения.

— Продолжаешь прятать желания, которых страшишься, за шутками, — цокнул он. — Тебе от меня не деться. — Враг потянулся ко мне, и я не рискнула препятствовать, когда костяшки его пальцев погладили мою скулу. — Ты зря считаешь, что все исчезнет. Тебя тянет ко мне. Без всей этой магии и проклятия. А значит, ты придешь. — Он опустил руку, и я задрожала. — Сделай это раньше, чем мне надоест ждать. Я не отступаю от своих целей, моя непослушная Дробь.

Во рту резко пересохло. Немеющие губы не осилили слов отрицания.

— Ты спасла меня от богини, — продолжил добивать Враг. — Отвлекла на себя, когда меня ранили. Пожертвовала единственным оружием, что могло меня остановить. Использовала яд на богине, а не на мне.

— Я-я...

— Не утруждайся.

Следующее, что я запомнила, было тепло губ на щеке. Магический всплеск закрывшегося портала. Холодок на загривке. Поползшая вверх стена. И голос Клавдии, утверждающий, что я падаю в обморок.

ЭПИЛОГ

Перед моим носом вновь маячила кудрявая макушка Клавдии. Ближе, чем я когда-либо хотела к ней находиться.

— Черт, — поежилась девушка, помогая подняться. Хотя я не просила. Внизу было хорошо и спокойно. — Бывали в моей жизни настойчивые ухажеры, но это перебор.

— Не мели чепухи. Что произошло?

Богиня восседала на обломках стены как на троне. Подперев подбородок кулачком, она

болтала ножкой в такт только ей слышной музыки. Рассеянный взгляд блуждал по границе горизонта. Купол, проглядывающийся сквозь пробойны башни, мерцал привычным светом. Сияние будто сгладилось, притупив чересчур яркие цвета.

— Фло... Латрин... — утомилась она.

Я застонала. Единственное, чего я желала, лечь обратно на пол и прижаться щекой к холодным обломкам бетона. Тело ныло так, будто его били и пинали всю ночь. Ах, погодите, все так и было.

— И ради чего ты меня будила?

Вместо женского голоса ответил мужской:

— Я попросил.

Аматри. Совсем про него забыла.

— Тебе-то чего?

На полу валялись куски обрушившейся стены. Так себе оружие против мага, но за неимением лучшего...

— Э-э! Полегче, Не-лэй. — Аматри примирительно поднял руки, демонстрируя, что приближаться не собирается, и вообще он миролюбивый пушпанчик. — Спокойно. Никаких претензий. Говорил же, канитель с Избранными меня не забавляет.

— Ага, знаем таких. Почему ты еще здесь?

Логику Тинхе я еще как-то понимала. Белобрысый же мог выкинуть фортель любого уровня сумасшествия.

— Дать небольшой совет. В счет оказанной услуги, — осторожно проговорил он, подозрительно посматривая туда, где закрылся портал. — Отдай Тинхе то, что он хочет. Что бы это ни было. Как бы ни дорожила — отдай добровольно. Он настроен серьезно. — Парень сделал небольшую паузу, будто не решаясь сказать. — В жизни не видел его таким.

— Как вы можете такое говорить! — встряла Клавдия. — Что, ей теперь в постель ложиться с каждым, кто ее захочет?

— Что делать?

— Встречаться. — Девушка покрылась пятнами смущения.

— Зачем ему с ней встречаться? — продолжал не понимать Аматри.

— Чтобы быть с ней вместе.

— Зачем? Что это ему даст?

— Ее внимание...

— Оно какое-то особенное? — прищурился белобрысый. — Все-таки дело в магии?

Если бы не усталость и боль, с удовольствием дослушала, чем закончится диалог. Любовь настолько противоестественна для лэйтарцев, что мысль, будто один из них помешается на способе ее достать, никак не укладывалась у Аматри в голове. Если бы я в лоб сказала, что хочет (или говорит, что хочет) от меня Тинхе, фиг бы он поверил. Отбросил как глупую шутку и продолжил бы доставать. Так какой смысл тратить на это время?

— Спасибо за помощь, — прервала я их. — А теперь, со всем уважением, проваливай.

Моя вежливость как всегда на высоте!

Аматри не обиделся. Он вообще прямые, толстые и непрозрачные намеки понимал лучше, чем кто-либо, кого я знала.

— Приятно было иметь с тобой дело, — просиял он улыбкой. — С вами обеими. И все же, держалась бы ты от Тинхе подальше.

Аматри растворился в портале также как Тинхе до него. Но не успел закрыться один

портал, как замерцал другой на открытие.

— Вот поэтому боги и закрывают свои миры, — недовольно пробубнила богиня, спрыгивая на пол. — Чтобы всякие не шастали туда-сюда.

Не успела она произвести нужные манипуляции. Реальность распалась, впуская нежданного гостя. Или запоздалого. В зависимости от точки зрения.

Клод выглядел как всегда: памятник, сошедший с постамента. Металлическое тело и глаза, лишённые зрачков, прилагались. Поэтому я никогда не умела читать по выражению его лица. К чести Клода, если у него появлялось желание донести свое негодование или возмущение, делал он это вполне доступно.

Единственное, что в проржавевшей железяке от человека — длинный балахон с капюшоном, как у монаха. Вместо пояса — перевязь с мечом, которым он пользовался очень умело. Что там под балахоном, я не знала. Ни раз и ни два задавалась вопросом об анатомии бога Центра, но смелости спросить не набралась. Под плащом с одинаковым успехом могла быть и анатомия Кена, и фиговый листок, и логичное продолжение мужчины.

Не успел Клод вымолвить первое слово, как ему в лоб прилетел камень. Отскочил с глухим стуком и покатился по полу. Следом полетел второй, но его забытый бог раскрошил одним взмахом меча.

— Диа! Это свои!

Девушка замерла с занесенным обломком.

— Еще один дыхатель? — подозрительно уточнила она.

— Дождешься, как же. Скорее мой наставник.

— Не приведи Атрос, — проскрипела статуя, отряхивая плащ от крошева, и уже обратился к Клавдии: — Хороший бросок, Избранная.

— Что ты здесь делаешь? — ревниво спросила я.

— Атрос забеспокоился, когда ты пропала с его радаров. Как только связь восстановилась, он попросил проверить, все ли в порядке, — монотонно ответил мастер меча, но не магии, осматривая мини-апокалипсис в башне. Зная метало-бога я ни секунду не засомневалась, кого он посчитал виноватым в царившей разрухе. Я даже начала оправдываться, когда внимание Клода остановилось на богине. В пространстве сразу что-то изменилось. А то, что произошло дальше, вызвало шок не только у меня.

— Латрин Жизнедарующая. — Фальшивая наложница просочилась мимо меня, жеманно протягивая Клоду ручку. Жест не оставил ни единого сомнения в том, что ее нужно целовать, а не пожимать. — Бесспорный лидер двух миров.

— Клод, — склонился тот, галантно целуя ей руку. — Полное имя под запретом, как и сам мир.

— Как загадочно! — ахнула Фло в восхищении.

Последовал невнятный комплимент. В ответ богиня совсем по-девичьи хихикнула, прижимая ладошки к горящим щекам. Я начала подозревать, что все еще нахожусь под наркотической дозой. И на фоне общего помешательства, рискнула попытать собственную удачу.

— Как здорово, что все мы познакомились. И прежде чем расстанемся на приятной ноте, как насчет последнего дара от щедрой богини?

Взгляд Флорин сразу похолодел, опускаясь до арктического мороза.

— Твоим волосам ничего не поможет, — отозвалась она, буравя меня взглядом.

Ну да, я-то ей конечности не лобзаю, зачем со мной быть милой? Да и права она.

Волосы буквально молили о скором избавлении от мучений. В моей комнате в Центре как раз лежали подходящие лекарственные ножницы.

— О любви, я говорю о любви. Раз проклятье снято, а ты больше ничего не должна фоморам, может прольешь немного божественной милости, исключительно по своей специальности.

— О! — поняла она. — Ты хочешь встретить мужчину своей мечты? Ведь ты через столько прошла. Пережила боль, предательство и потерю блеска волос. Конечно же, любовь была бы достойной наградой. Обрести счастье с любимым, что может быть прекрасней?

— Да-да, — закивала я.

— Маленькая наивная смертная, — просюсюкала богиня, — верит в то, что любовь можно сотворить божественным вмешательством. Как мило! Наверное, ты уверена, что у тебя есть вторая половинка, которая предназначена только тебе?

Веселость спала с меня в одно мгновение.

— В смысле?

— Любовь невозможно создать магией, все это знают.

— Тогда из-за чего вся эта канитель? — помрачнела я. — Артефакты, наложницы, Визири? Откуда взялся гарем из тоскующих наложниц? Визири отчего с ума сходят? А Незримый путь? А? Я это не выдумала!

— Эти смертные, — закатила она глаза. — Визирей сводила с ума не любовь, а вожделение, навязчивые идеи и сны. Страсть так легко спутать с любовью! Особенно если ты злобное хладнокровное чудовище или глупенькая неокрепшая умом дурочка.

— Это она обо мне? — влезла в разговор Клавдия. — Мне почти двадцать один. Я давно взрослая и очень даже разумная.

— Погодь, подруга. То есть, все наложницы Визиря сидят во дворце ни за что? И свод из окаменелых девушек ничего не значит?

— О, свод! Жуткая мерзость. Полное отсутствие гармонии. Будто Визири туда девушек наспех лепили. Что? Это наказание за идиотизм и предательство своей богини!

— А что происходит с теми, кто все-таки отработывает контракт? — продолжала допытываться я. — Они же получают возможность встретить своего возлюбленного. Или очередная ложь?

— Встречаю-встречают. Кого-нибудь они точно встречают. И все проигрывается по нотам известного этюда. Много гормонов, страсти, еще раз страсти, снова страсти, ревности и дальше по обстоятельствам, либо двое понимают, что кроме плотских утех их ничего не связывает, и следом наступает душещипательные страдания, либо кончается чьей-то смертью.

Меня как будто под дых ударили.

— Это единственные варианты?

— Иногда появляются дети. Иногда любовники и любовницы. Та страсть которую дает артефакт — худшая из возможных. Все-таки я была очень зла на правителя фоморов. У такой страсти практически нет шансов перерасти во что-то иное. Ох, наивная смертная, ты же уже взрослая девочка. Ты должна понимать, как создается настоящая любовь. Она может вырасти из влюбленности, из дружбы, из симпатии, из общих интересов, но для этого нужен соответствующий уход. О ней нужно заботиться, ухаживать, уделять внимание, правильно подпитывать.

Я нахмурилась. Тема с любовью меня порядком подзадолбала. А то, что ее нельзя

получить магическим способом, сильно усугубляло мои шансы.

— В книгах, которые я читала, все написано не так. — Ухватила за последнюю возможность.

— Не те книги читала, — огрызнулась богиня.

— Капец, — заключила я. — И вот такие мир и богиню я получила с встроенной магией удачи. Страшно представить, куда бы попала без нее. Уходим Клод, снова облом. Хотя нет. Секунду. Страсть вещь тоже классная. И замуж я, наверное, уже не хочу. Как насчет романа с обаятельным красавцем? Остались симпатичные одинокие парни на твоей родине?

— Анна, как ты можешь? — вновь засуетилась Клавдия.

— Легко, просто и прогрессивно. Легкий роман еще никому жизнь не испортил, в отличие от той самой любви. Из-за нее империи рушились! Люди гибли! Войн сколько было!

— Любовь преодолевает все невзгоды и препятствия! — скрестила руки девушка. — А что может преодолеть роман?

— Желание сброситься с крыши, например.

— Не шути такими вещами! Фло, не помогай ей. Это почти то же самое, что сутенерство!

— А? — вскинулась богиня, с трудом отрываясь от созерцания Клода. Тот, кстати, со спокойствием статуи (ха-ха), отошел в сторонку, позволяя нам нащебетаться друг с дружкой. — Нет, конечно. О чем ты? На мне два мира лежит. Лидеры, они же Творцы, не занимаются сводничеством. Эти материи для узконаправленных богов, тех что статусом пониже. Я же приняла на себя обязательства манипулировать более сложными материями.

— Но пять минут назад...

— Были пять минут назад, — холодно улыбнулась она. — Тогда и надо было просить.

— Эй, я же не за справкой пришла!

— Дробь. — Меня дернули сзади за ленту платья, оттаскивая от богини. — Приношу извинения за свою воспитанницу, — Клод поклонился в пояс. Никогда таким его не видела! Так учтиво он не вел себя даже с Атросом, а тот, между прочим, его приютил! — Она не мое творение, но я несу за нее ответственность.

— Пустое. — Бывшая покровительница любви игриво обмахнулась веером. Где взяла-то?

— Осторожно Клод, — прошипела я. — Она высокопоставленных мужиков губит одним взмахом острозаточенных ногтей.

Богиня выдала напряженный смешок.

— Смертные такие выдумщики.

Чпоньк!

К моим ногам подкатился дротик со знакомым оперением.

Ась?

Чпоньк!

Дротик номер два отскочил от металлического тела бога. Медленно, будто он брал уроки у фильма ужасов, Клод повернулся. Пока мы разговаривали, забытые сейвалы освободились от каменных оков. Посчитав стоящего спиной Клода главной угрозой, Сломанный нос его атаковал.

Пистолет Повязкоголового целился в меня (почему опять в меня?!). Именно эта предвзятость не дала сейвалу понять, почему его товарищ пятится назад. Я же видела, как

глаза Сломанного носа расширились до двух блюдечек, когда тот разглядел лицо Клода под сползшим капюшоном.

Клод тяжелой поступью двинулся к сейвалам. Камни под его ногами превращались в мелкое крошево. Здоровенная труба прогнулась под ногой словно жестяная банка. Неотвратимая машина-убийца не знала препятствий.

— Что за!..

Сломанный нос утратил над собой контроль. Те слова, которые он выдал, слились во что-то нечленораздельное. Как раз, чтобы привлечь внимание коллеги.

— Сука!

И ведь опять же мне...

Дзынь! Дзынь! Дзынь!

— Рикошет! — закричала я.

Пули зазвенели одна за другой. Они дырявили одежду, но никак не вредили цельнометаллической составляющей бога. Одна из пуль отскочила в меня, проскользила по ауре из золотой магии, просвистела мимо Флорин и расщепилась на пылинки.

— Ненавижу эти жужжалки!

Клод топнул ногой. Башню затрясло. Пол встал дыбом, разверзаясь под сейвалами пастью акулы-мегалодона. На лице одного из мужчин так и застыла маска ужаса, другой же до последнего момента пытался за что-то ухватиться. Безуспешно. Пол схлопнулся над их головами, как зыбучий песок. На нижних этажах эхом прогремели отголоски разваливающихся балок, перекладин и бетона.

С богом воевать — это тебе не беззащитных девушек обижать. Тут огрести можно.

— Есть еще какие-то предметы, которые в меня должны кинуть, прежде чем мы отправимся в Центр, Дробь?

Клавдия осталась с богиней. Пусть визири и пропали, но контракт отрабатывать надо. Как и заниматься формированием нового мироустройства. Флорин Возродившаяся из Небесного Грома и Священного Сияния (да, она сама себе выбрала все эти имена, и пообещала добавить еще с десяток), занялась расселением своего народа. В мире Деополиса она набирала популярность в геометрической прогрессии. Особенно после того, как организовала бесперебойную работу Купола. С фоморами у богини прошел иной разговор. И там, несмотря на все самоприсвоенные титулы, ее прозвали Флорин Мстительной, Врагов Разящей и в Геенну Чернопустынную Свергающую. Проще говоря, те, кто богиню раздражал или не хотел в нее верить, периодически обнаруживали себя в мире Деополиса. Исключительно для перевоспитания.

Клод стал пропадать из Центра. Чего, кстати, никогда раньше не делал! Сам Клод считал, что не мое это дело, чем он и когда занимается. И не обязан передо мной отчитываться, что делает, когда я его не вижу. Лёша и Атрос отказывались комментировать мои «необоснованные подозрения» (мужики всегда друг друга покрывают!).

Что до меня, надежды найти любовь я не теряю. Правда для этого придется всерьез задуматься об обычных свиданиях с нормальными парнями. Ага, будто я не знаю, что от этих самых «обычных парней и нормальных мужиков» больше проблем, чем от коварных злодеев и подоплек магических контрактов! Но отступать некуда.

Раньше вопрос о спутнике жизни стоял в виде бонуса. Не цель жизни, но приятное к ней дополнение. Сейчас же вопрос о возлюбленном перешел в категорию жизненно важных. Не

потому что стукнуло тридцать и как бы пора... Просто где-то есть Враг. И как я убедилась на собственном опыте, пустых угроз он не дает. Рано или поздно мы встретимся вновь. Если к тому моменту я не буду хоть чуть-чуть влюблена в кого-нибудь, дела мои плохи. Сила воли у меня не железобетонная, — в лучшем случае гипсокартон. И я понимаю, что с каждой новой встречей устоять перед Врагом будет сложнее.

Больше книг на сайте - Knigoed.net